

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. Риски и возможности для России

Москва
ИДВ РАН
2021

УДК 32/33(4+5)
ББК 65/66(4+5)
Е22

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

*Ответственный редактор
к.в.н. А.Ф. Клименко*

*Редактор-составитель:
к.э.н. В.А. Матвеев*

Е22 Евразийское пространство: новые векторы и приоритеты. Риски и возможности для России / ред.-сост. В.А. Матвеев. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 152 с.

ISBN 978-5-8381-0392-5

DOI: 10.48647/IFES.2021.49.34.001

Настоящий сборник содержит авторские аналитические статьи по оценке ситуации в восточной части Евразии, причин и условий возникновения новых угроз и вызовов региональной безопасности на пространстве ШОС.

Авторы сборника исследуют эффективность решения проблем обеспечения стабильности и безопасности в Евразии, роль и значение Шанхайской организации сотрудничества в этой сфере, а также разрабатывают предложения для совершенствования работы в этом направлении с учетом сложившихся новых условий международной обстановки.

В сборнике отмечается, что геополитическое и геоэкономическое расположение государств-членов и государств — наблюдателей ШОС является стратегически важным для успешного строительства системы региональной безопасности «Большой Евразии». Отсюда вытекает главная задача ШОС — нейтрализовать присутствие внешних сил в регионе, минимизировать их влияние на страны Центральной и Южной Азии, исключить возможность играть на китайско-индийских, ирано-пакистанских, индо-пакистанских и прочих спорах и противоречиях и сделать так, чтобы страны ШОС сами решали существующие в регионе проблемы.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник представляет несомненный интерес как для специалистов, занимающихся изучением проблем безопасности и борьбы с терроризмом, так и для широкой аудитории.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, Экономический пояс Шелкового пути, региональная безопасность, международный терроризм, экстремизм, сепаратизм, международное сотрудничество.

**УДК 32/33(4+5)
ББК 65/66(4+5)**

ISBN 978-5-8381-0392-5

© Коллектив авторов, 2021
© ИДВ РАН, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies

**EURASIAN SPACE:
NEW VECTORS
AND PRIORITIES.
RISKS
AND OPPORTUNITIES
FOR RUSSIA**

Moscow
IFES RAS
2021

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences*

Responsible Editor:

A. Klimenko Ph.D. (Military Sc.)

Compiling Editor:

V. Matveev Ph.D. (Economy)

Eurasian Space: New Vectors and Priorities. Risks and Opportunities for Russia / comp. ed. V. Matveev. — Moscow: IFES RAS, 2021. — 152 p.

The collected papers present authors' analytical articles on the assessment of the situation in Eastern Eurasia, the reasons and conditions for the emergence of new threats and challenges to regional security in the SCO space.

The authors of the collected papers investigate the effectiveness of problems solution to ensure stability and security in Eurasia, the role and significance of the Shanghai Cooperation Organization in this area, and also develop proposals for improving work in this direction, taking into account new changes in the international situation.

The collected papers note that the geopolitical stature and geo-economic location of the SCO member states and observer states are of strategic importance for the successful construction of the Greater Eurasia regional security system. So this implies the main task of the SCO — to neutralize the presence of external forces in the region, to minimize their influence on the countries of Central and South Asia, to exclude the possibility of playing on the Sino-Indian, Iranian-Pakistani, Indo-Pakistani and other disputes and contradictions and arrange for the SCO countries themselves solve problems in the region.

Articles are published in the author's version. The collected papers are of undoubted interest both for specialists studying security problems and fight against terrorism, and for a wide audience.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Eurasian Economic Union, Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, Silk Road Economic Belt, regional security, international terrorism, extremism, separatism, international cooperation.

Содержание

Введение	7
<i>Клименко А.Ф.</i> Российско-китайское сотрудничество в сфере безопасности	10
<i>Васильев Л.Е.</i> Особенности политики США в Центральной Азии	25
<i>Сафронова Е.И.</i> Современные вызовы развитию евразийской экономической интеграции по линии «Китай—ЕАЭС». Возможные пути нивелирования рисков	38
<i>Матвеев В.А.</i> Внешние и внутренние вызовы развитию евразийского пространства	54
<i>Морозов Ю.В.</i> Угрозы США и риски КНР для России и ее перспективы в XXI веке	77
<i>Кулинецв Ю.В.</i> Перспективные векторы развития ШОС в контексте строительства Большого евразийского партнерства	97
<i>Балакин В.И.</i> Иран в формирующейся системе Шанхайской организации сотрудничества: китайское геополитическое измерение	110
<i>Замараева Н.А.</i> Южно-азиатский вектор ШОС 2020: вызовы развитию	125
Заключение	142

Content

INTRODUCTION	7
<i>KLIMENKO Anatoly F.</i> Russian-Chinese security cooperation	10
<i>VASILIEV Leonid E.</i> Features of US Policy in Central Asia	25
<i>SAFRONOVA Elena I.</i> Modern Challenges to the Development of the Eurasian Economic Integration through the China—EAEU line. Possible ways leveling risks	38
<i>MATVEEV Vladimir A.</i> External and internal challenges to the development of the Eurasian space	54
<i>MOROZOV Yury V.</i> USA Threats and China's Risks for Russia and its Prospects in the 21st Century	77
<i>KULINTSEV Yury V.</i> Promising Vectors of Development of SCO within the Framework of the Greater Eurasian Partnership	97
<i>BALAKIN Vyacheslav I.</i> Iran in the emerging system of the Shanghai Organization Cooperation: China's Geopolitical Dimension	110
<i>ZAMARAEVA Natalia A.</i> SCO South Asian Vector 2020: Challenges to Development	125
CONCLUSION	142

Введение

В сборнике представлены статьи сотрудников Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН и других организаций, посвященные межстрановому взаимодействию акторов евразийского пространства, оценке новых векторов и приоритетов развития, а также современной оценке роли ШОС в становлении Большой Евразии.

Знаковое место уделено оценке внешних и внутренних вызовов евразийскому пространству. Подчеркивается, что внешняя часть проблем связана с особенностями нынешней экономической турбулентности в глобальной экономике, большой волатильностью финансовых и энергетических рынков, сложной внешнеполитической конъюнктурой, что в условиях высокой взаимозависимости особенно болезненно отражается на развивающихся экономиках. Главная причина ухудшающихся внешнеполитических и внешнеэкономических условий развития на евразийском пространстве — продолжающееся геополитическое противоборство Запада и России. При этом дополнительные проблемы доставляет соперничество коллективного Запада (США и ЕС) с Китаем.

Кроме того, определенная часть вызовов обусловлена особенностями внутреннего развития государств-членов ЕАЭС, расхождением их экономических интересов, стремлением защитить внутренний рынок и отечественных производителей.

В сборнике акцентируется, что с вступлением в ШОС новых членов (Индии и Пакистана) у организации появились не только новые возможности, но и новые приоритеты развития, правда, не в ущерб традиционным сферам ответственности — региональной безопасности и борьбе с терроризмом.

Многозначительным является факт, что в принятой на саммите ШОС в Уфе Стратегии развития ШОС до 2025 г. вместе с вопросами политического взаимодействия и сотрудничества в области безопасности, особый акцент делается на мерах торгово-экономического сотрудничества. Исходя из этого, в Организации начинает набирать силу экономический вектор развития. ШОС становится основной площадкой для реализации экономической интеграции в Евразии, на базе которой будет осуществляться сопряжение строительства ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Авторами в разных ракурсах анализируется место ШОС в реализации задачи сопряжения ЕАЭС и инициативы ОПОП.

В рамках действовавшего председательства России в ШОС в 2019—2020 гг. анализируются современные риски и возможности для России. Кроме того, запускаются новые направления сотрудничества в ШОС, которые становятся приоритетами Москвы. Среди них — содействие синергии потенциалов национальных стратегий развития и многосторонних интеграционных проектов. Кроме того, Москва планирует запустить межпарламентское сотрудничество в ШОС, создав механизм взаимодействия законодательных органов государств — членов ШОС.

Выступая в качестве одного из драйверов регионального развития, страны ШОС прилагают согласованные усилия к формированию необходимых условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Новые векторы развития ШОС демонстрируют, что Организация способна быстро адаптироваться к новым условиям изменяющегося мира, а ее участие в новых форматах взаимодействия является востребованным среди стран евразийского континента.

Сформированный потенциал ШОС вновь оказывается востребован в рамках нового интеграционного проекта — Большого евразийского партнерства. В рамках ШОС начинает формироваться новый вектор развития организации, в котором теперь уже восьмерке стран предстоит выступать в качестве одной из структурообразующих основ и ключевого элемента нового миропорядка в Евразии.

Авторы рассматривают особенности и тенденции развития евразийской интеграции в условиях нарастания международной неста-

бильности с одной стороны и расширения практики заключения торговых соглашений регионального уровня — с другой.

Значительное место уделяется рассмотрению целой группы вопросов формирования общего экономического пространства между ЕАЭС и КНР, включая новые нормативные документы по расширению торгово-экономического сотрудничества. В связи с этим анализируется недавно принятое Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем как следующий шаг в направлении сопряжения экономического союза и стратегической инициативы «Один пояс, один путь». Обосновывается вывод, что Соглашение способно внести полезный вклад в кооперационные процессы в Евразии, а также создает благоприятные условия взаимодействия в важнейших сферах сотрудничества: в инфраструктурном строительстве, промышленности, транспорте, инвестиционной деятельности, а также расширению доступа субъектов на отдельные рынки.

Рассматриваются причины интереса стран ЕАЭС и Китая к возможности формирования общего экономического пространства, а также целесообразность создания зоны свободной торговли в формате Большой Евразии.

Также исследуется целый ряд иных рисков и вызовов (в сфере безопасности, экономики и проч.), препятствующих интеграционным процессам по линии ЕАЭС—Китай.

Подвергаются анализу мотивы заинтересованности стран ЕАЭС и Китая в развитии Большого евразийского партнерства. Делается предположение, что реализация концепции Большой Евразии позволит выйти на качественно новый уровень международной кооперации, что приведет к улучшению экономических показателей всех ее участников.

А.Ф. Клименко

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В представленной статье рассматриваются основные факторы, играющие наиболее важную роль в эволюции российско-китайского партнерства в современных условиях. Дается оценка политики США, ее влияния на характер и глубину взаимодействия Москвы и Пекина в международно-политической, военно-стратегической и военно-технической сферах.

По мнению автора, «коронавирусный» кризис и «война всех против всех», а в особенности, явное намерение США и некоторых союзников Вашингтона продолжать экономические войны, санкции и вооруженные конфликты, четко показали, что лишь экономических механизмов интеграции для России, Китая и их партнеров явно недостаточно. По мере утраты США и Европой своего влияния на фоне укрепления российско-китайского партнерства, воспринимаемого Западом как прямая заявка на мировое доминирование, их геополитическое противостояние с Китаем и Россией будет нарастать.

Автором в целом положительно оцениваются роль и место российско-китайского сотрудничества в сфере безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Вместе с тем, обосновывается необходимость повышения потенциала данной Организации в этом направлении, в том числе за счет укрепления ее взаимодействия с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В условиях попыток со стороны США и их союзни-

ков добиться изменений международной обстановки в свою пользу за счет подрывных стратегий, в плане противостояния этим стратегиям предлагается разработать нормативно-правовую базу по координации взаимодействия как между заинтересованными участниками ШОС и ОДКБ, так и между самими этими организациями.

Показывая возможные направления дальнейшего развития сотрудничества России и Китая в международно-политической, военно-технической и военно-стратегической сферах, автор в целом взвешенно подходит к оценке как позитивных, так и негативных сторон этого процесса. При этом аргументируется необходимость качественного наполнения политического и военного сотрудничества двух наших государств, предлагается проводить подготовительную работу по юридическому оформлению сотрудничества в сфере обороны и безопасности.

Ключевые слова: Военно-стратегическое сотрудничество России и Китая, безопасность и стабильность, Большая Евразия, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС), Один пояс, один путь (ОПОП), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

A.F. Klimenko

Russian-Chinese Security Cooperation

Abstract. The article deals with the main factors that play the most important role in the evolution of the Russian-Chinese partnership in modern conditions. The article assesses the US policy and its influence on the nature and depth of interaction between Moscow and Beijing in the international political, military-strategic, and military-technical spheres.

According to the author, the “coronavirus” crisis and the “war of all against all”, and in particular, the clear intention of the United States and some of Washington's allies to continue economic wars, sanctions and armed conflicts, clearly showed that for Russia, China and their partners using economic integration mechanisms alone is obviously not enough. As the United States and Europe lose their influence against the background of strengthening the Russian-Chinese partnership, which is

perceived by the West as a direct bid for global domination, their geopolitical confrontation with China and Russia will grow.

The author gives a generally positive assessment of the role and place of Russian-Chinese security cooperation within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). At the same time, the author justifies the need to increase the potential of this Organization in this direction, including by strengthening its interaction with the organization of the collective security Treaty (CSTO). In the face of attempts by the United States and its allies to achieve changes in the international situation in their favor through subversive strategies, in terms of countering these strategies, it is proposed to develop a regulatory framework for coordinating interaction between the SCO and CSTO stakeholders, as well as between these organizations themselves.

Showing possible directions for further development of cooperation between Russia and China in the international political, military-technical and military-strategic spheres, the author takes a balanced approach to assessing both the positive and negative sides of this process. At the same time, the need for high-quality political and military cooperation between our two States is argued, and it is proposed to conduct preparatory work on the legal formalization of cooperation in the field of defense and security.

Keywords: Military-strategic cooperation between Russia and China, security and stability, Greater Eurasia, the Shanghai cooperation organization (SCO), the Eurasian economic community (EEU), one Belt One Road (opop), the organization of the collective security Treaty (CSTO).

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (klimenko46@ifes-ras.ru).

Роль США и их союзников в укреплении российско-китайского сотрудничества

Сегодня Китай становится одним из важнейших стратегических партнеров России. Сотрудничество между нашими странами осуществляется во всех сферах. На международной арене Россия и Китай имеют консолидированную позицию по многим, если не по всем, важным вопросам. Но нельзя сказать, что наши государства уже всего достигли в вопросах укрепления дружбы и сотрудничества, осо-

бенно в сфере безопасности. Сегодня перед ними стоит важнейшая задача по наращиванию экономического сотрудничества на Большом Евразийском пространстве, практически совпадающем с пространством ШОС.

Для этого надо создавать в пределах данного пространства и вокруг него благоприятную международную обстановку, обеспечить не только безопасность двух государств, но и всех созданных и иницируемых ими и их партнерами различных организаций и экономических проектов — ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, ОПОП и других. Не будет откровением утверждение о том, что все они со всеми создаваемыми органами и институтами — финансовыми, транспортными, военными, законодательными составят основу Большой Евразии и будут нуждаться в надежном политическом и военном прикрытии.

Нельзя игнорировать тот факт, что США объявили Россию и Китай стратегическими конкурентами, фактически — потенциальными противниками, со всеми вытекающими последствиями. Однако все мы взаимозависимы, что продемонстрировала пандемия коронавируса. Она быстро охватила все страны, обрушив мировую экономику. В Еврокомиссии сообщили, что по итогам 2020 г. ВВП Евросоюза может сократиться примерно на 1 %, хотя ранее ожидался рост на уровне 1,4 %. Аналитики Goldman Sachs предупредили, что в США в первом квартале прогнозируется нулевой рост ВВП, по итогам второго — спад сразу на 5 %. В третьем и четвертом кварталах ожидается восстановительный рост около 3—4 %. По итогам всего 2020 г. оценка роста экономики США ухудшена до 0,4 % с ранее ожидавшихся 1,2 % [Попова В. Геополитические войны].

Во многих государствах понимают, что справиться с коронавирусом и восстановить экономический потенциал возможно лишь за счет объединения усилий. Но США со своими союзниками намерены продолжать войну за сохранение своей гегемонии. Не останавливает их даже угроза обвала экономики. Запад, и в первую очередь США, развязали санкционную и торговую войну, направленную против России, Китая, Ирана, Венесуэлы, КНДР, Кубы и ряда других стран. Все это не могло не сказаться на их развитии. Например, объем промышленного производства в Китае по итогам января—февраля сократился на 13,5 % в годовом выражении, розничная тор-

говля — на 20,5 %, инвестиции в основной капитал — на 24,5 %. Тем не менее, справившись с болезнью, КНР начинает восстанавливать свою экономику. По итогам торгов 25 марта индекс Шанхайской биржи вырос на 2,2 %, гонконгский Hang Seng прибавил 3,8 %. Рост в цене акции крупнейших китайских компаний. В России, по прогнозу Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, в «конструктивном» сценарии падение ВВП составит 2,3—2,5 % в 2020 г. и 0,5—0,8 % в 2021 г., а в 2022 г. экономика вырастет всего на 0,6—1 % [Там же].

Но в целом запас устойчивости стран евразийских объединений ШОС, БРИКС и ЕАЭС можно назвать обнадеживающим. Здесь свою роль может сыграть тот факт, что лишь одна ШОС занимает 60 % территории Большой Евразии и представляет половину населения планеты. Если к этому добавить входящие в ЕАЭС, СНГ и БРИКС страны, связанные экономическим партнерством и союзническими обязательствами, то окажется, что названные объединения контролируют подавляющее большинство евразийских ресурсов. К тому же, в то время как Евросоюз и США погрязли в долгах, Россия и Китай, определяющие будущее Большой Евразии, имеют значительные финансовые резервы, которые могут быть направлены на восстановление экономики.

Вместе с тем, «коронавирусный» кризис и «война всех против всех», а в особенности явное намерение США и некоторых союзников Вашингтона продолжать экономические войны, санкции и вооруженные конфликты, четко показали, что лишь экономических механизмов интеграции для России, Китая и их партнеров явно недостаточно. По мере утраты США и Европой своего влияния на фоне укрепления российско-китайского партнерства, воспринимаемого Западом как прямая заявка на мировое доминирование, их геополитическое противостояние с Китаем и Россией будет нарастать.

Американские эксперты, анализируя инициативу КНР «Один пояс, один путь» и ареал взаимодействия Москвы и Пекина с их партнерами (в первую очередь по ШОС, ЕАЭС, БРИКС), пришли к выводу, что конечной целью этого сотрудничества является китайско-российский контроль над Большой Евразией и Африкой, что неизбежно предполагает вытеснение США и их союзников на «пе-

риферию мира». С этим США будут бороться, и не только дипломатическими методами.

Профессор Брэндс, например, предлагая не делать ставку лишь на дипломатию, советует: «Америка должна выработать правильное сочетание возможностей и концепций, чтобы победить Китай или Россию... Но после того как это сочетание будет определено, США должны будут создать — за значительные средства — большую силу, которая может надежно помешать агрессору достичь своих целей... В обозримом будущем США будут одновременно участвовать в напряженном и опасном соперничестве с Китаем и Россией» [США: надо готовиться к войне].

Однако это мнение одного из так называемых независимых экспертов. Но и авторы вполне официального документа, стратегии американской контрразведки на 2020—2022 гг., также считают, что Россия и Китай возглавили список международных игроков, которые представляют угрозу для безопасности США. Сама стратегия засекречена. Обнародовано лишь резюме документа. В нем, в частности, говорится, что «Число игроков, нацеленных на Соединенные Штаты, растет. Россия и Китай действуют по всему миру, используют все инструменты национальной мощи против Соединенных Штатов». Командование перспективных вооружений США уже создало две оперативные группы, предназначенные, для реагирования на угрозы в Европе и в Тихоокеанском бассейне. Глава командования перспективных вооружений генерал Джон Мюррей (John Murrey) заявил журналистам, что армия быстро приспосабливается к ведению боевых действий в рамках подготовки к войне будущего. По его словам, преобразования ведутся на структурном и организационном уровне, а также в тактике, технике и процедуре действий [Как Америке выиграть войну].

Таким образом, наши западные «партнеры-соперники» наращивают и в дальнейшем будут наращивать давление с позиции силы на Россию и Китай, стремиться разобщить их, внести разлад в созданные по их инициативам ШОС, ЕАЭС и другие форматы партнерского взаимодействия. Поэтому задача состоит в том, чтобы на основе обобщения накопленного опыта сотрудничества вывести всестороннее стратегическое взаимодействие и партнерство РФ и КНР на бо-

лее высокий уровень и тем самым увеличить вклад в дело защиты их безопасности, интересов всестороннего развития и поддержания мира во всём мире. Именно к такому выбору подталкивает наши страны политика США и некоторых западных союзников Вашингтона.

К новому качеству сотрудничества России и Китая в сфере безопасности

Как известно, в 2021 г. Россия и Китай будут отмечать 20-летний юбилей подписанного в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Возможна пролонгация этого документа, но нельзя исключать и его уточнение.

Конечно, вопрос о возможном военно-политическом союзе между Россией и Китаем весьма противоречив и, с одной стороны, ставится под сомнение и в Китае, и в России. А с другой — и там, и там все настойчивее звучат голоса о необходимости углубления сотрудничества в сфере обороны и безопасности.

Например, 19 декабря 2019 г., выступая на пресс-конференции в Центре международной торговли в Москве президент России В.В. Путин сообщил, что Москва пока не планирует создавать военный союз с Китайской Народной Республикой. Со своей стороны китайские высшие руководители в официальных заявлениях также подчеркивали, что КНР придерживается внеблоковой политики и исключает военные союзы с кем бы то ни было. Идеологическая основа политики Китая — строительство человеческого сообщества с единой судьбой — также не согласуется с блоковым сознанием.

В то же время председатель КНР Си Цзиньпин заявляет, что стратегическое партнерство Китая и России переходит на новый уровень, а представитель Министерства обороны Китая У Цянь развивает эту мысль: «отношения между Россией и Китаем вступили в новую эпоху, в результате чего в новую эпоху вступили и отношения в военной сфере. Стороны усилят взаимную поддержку по важнейшим вопросам, усовершенствуют механизмы сотрудничества и об-

мена на всех уровнях и во всех сферах» [Морозов М. Китай—Россия: Запад в шоке от военного союза Москвы и Пекина].

Логичным было бы предположение, что стороны, скорее всего, пойдут на дальнейшее развитие статей существующего Договора от 2001 г. В первую очередь тех, которые реализуются в случае возникновения угроз национальной безопасности или территориальной целостности какой-либо из договаривающихся сторон, как об этом говорится в статье 9 этого документа [Российская газета].

Тем временем международно-политическая обстановка складывается так, что и у России, и у Китая позиции по наращиванию взаимодействия в военно-политическом сотрудничестве продолжают сближаться. Вспомним, что в 2014 г., когда между Россией и Западом во главе с США началась жесткая военно-политическая конфронтация, Китай особой практической поддержки России не оказал, сохраняя нейтралитет в ее конфликте с Америкой. Но резкое обострение американо-китайских отношений после прихода к власти в США Д. Трампа повысили у Китая интерес к военно-политическому союзу с Россией. В этом плане примечателен следующий факт.

Выступая на торжественном собрании, посвященном 95-летию со дня основания Коммунистической партии Китая, генсек ЦК КПК Си Цзиньпин сделал заявление, которое стало неприятной неожиданностью для США и его союзников в НАТО. Лидер КНР сообщил, что не исключена вероятность союза между Россией и Китаем, который определит будущее мироустройство. «Мы можем наблюдать не самые дружественные действия со стороны США как в отношении России, так и Китая, — говорил Си Цзиньпин, — потому я считаю, что Россия и Китай могут создать альянс, перед которым НАТО будет бессильно и это положит конец империалистическим стремлениям Запада» [Матвейчев А. Китай официально предложил России].

Фактически председатель КНР предложил руководству России сделать следующий шаг и перейти от экономического и политического сотрудничества к военно-политическому альянсу, способному не только противостоять грядущим вызовам, но и взять на себя лидерство в случае краха существующего миропорядка.

Учитывая обостряющуюся военно-политическую обстановку и потребность со стороны России и со стороны Китая совместными усилиями гарантировать обоюдную для двух стран безопасность, действовать обеспечению международного мира и стабильности, руководители Китая и России поручили своим министрам обороны разработать соответствующий документ. В июне 2017 г. в Астане, где проходило собрание глав министерств обороны стран — участниц ШОС, глава Минобороны РФ С.К. Шойгу и его китайский коллега Чан Ваньцюань подписали «дорожную карту» двустороннего сотрудничества в военной сфере на 2017—2020 гг.

По сообщению СМИ, это был трехлетний план российско-китайского военного сотрудничества по десяткам направлений. От координации военных доктрин и совместных учений — до обмена взаимовыгодной информацией и военно-техническим опытом. С 2012 г. Россия и Китай вне рамок ШОС уже проводили ежегодные военно-морские учения «Морское взаимодействие» в Желтом и Японском морях, в Восточно-Китайском море и в акватории Средиземного моря. По новому плану, с 2017 г. такие учения проводятся в Южно-Китайском и, что характерно, за пределами АТР — в Балтийском море. А в 2019 г. ВВС России и Китая впервые провели совместное патрулирование в воздушном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако военное сотрудничество между нашими двумя государствами развивается не только на двусторонней основе, но и в формате ШОС. В сентябре 2019 г. на территории России были проведены совместные военные учения «Центр-2019». В них были задействованы 128 тыс. военнослужащих из всех восьми стран, постоянных членов ШОС, в том числе Индии и Пакистана. При этом использовалось около 128 тыс. единиц оружия и военной техники. А годом ранее в аналогичном двустороннем учении «Восток-2018» на территории восточной Сибири приняли участие около 300 тыс. солдат и офицеров из России и Китая.

Ценность создания института совместных учений «Мирная миссия» на двусторонней и многосторонней основе в формате ШОС в ЦАР и двусторонних учений «Морское взаимодействие» в АТР вполне осязаема. Эти учения способствуют приобретению и совер-

шенствованию войсками и штабами вооруженных сил наших стран такого важнейшего качества, как оперативная совместимость, то есть способность совместно и эффективно действовать в условиях боевой обстановки.

Здесь следует заметить, что КНР в ШОС делает ставку на экономику (хотя в последнее время стало заметно и его стремление активизировать антитеррористическую направленность своей политики в регионе). А Россия традиционно остается гарантом безопасности для центральноазиатских стран, большинство из которых вместе с ней входят в военно-политический союз ОДКБ.

Сегодня стратегическая линия ШОС и ОДКБ предусматривает невмешательство в политические процессы государств — членов этих организаций. Однако именно на политическую и культурно-мировоззренческую сферы ориентированы стратегии цветных революций, инициируемых США. И наши государства действуют в условиях попыток со стороны США добиться изменений международной обстановки за счет подрывных стратегий, лежащих в основе этих революций, а также сетевых и гибридных войн. В плане противодействия подобным стратегиям можно было бы разработать нормативно-правовую базу по координации противодействия им как между заинтересованными участниками ШОС и ОДКБ, так и между самими организациями. Поэтому первоочередной политической задачей становится укрепление взаимодействия между ШОС и ОДКБ. Опыт совместных действий вооруженных сил участников ШОС и ОДКБ уже имеется, в частности при проведении учений «Восток-2018» и «Центр-2019». Пока это неформальное взаимодействие двух организаций. Но логичным был бы следующий шаг — принятие решения по приданию подготовленным на этих маневрах подразделениям статуса миротворческих сил и формирование органа управления ими.

Полученный опыт сотрудничества двух стран в различных форматах нашел отражение в совместном заявлении РФ и КНР о развитии отношений «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», от 5 июня 2019 г. [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики].

Этим документом в качестве основных целей российско-китайского сотрудничества определены «обеспечение национальной безопасности двух стран и создание благоприятных условий для их устойчивого развития, эффективное противостояние как различного рода традиционным, так и новым вызовам и угрозам в сфере безопасности». Для реализации установок совместного заявления предусмотрен ряд мер, основными из которых, на наш взгляд, являются:

- всемерное использование механизма консультаций по стратегической безопасности, направленных на укрепления доверия в сфере национальной безопасности;
- наращивание стратегических контактов между оборонными ведомствами и вооруженными силами двух стран;
- взаимная поддержка усилий в области борьбы с терроризмом и экстремизмом;
- укрепление конструктивного сотрудничества и координация антитеррористических мер в многосторонних форматах, способствующие формированию международным сообществом глобального антитеррористического фронта при центральной роли ООН;
- содействие практическому устойчивому развитию сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества;
- расширение контактов по вопросам международной информационной безопасности, усиление мер по защите безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры сторон, а также ряд других мер, которые полностью коррелируются с Договором от 2001 г.

Конечно, не все так просто, как это представляется на первый взгляд. Не секрет, что сохраняются проблемы с взаимным доверием, имеются разночтения по вопросу о задачах и направленности дальнейшего развития ШОС, продолжается подспудная конкуренция России и Китая в Центрально-азиатском регионе, не до конца изжиты наслоения исторических обид, не всегда находится общий язык при обсуждении современной геополитической проблематики. Так, Пекин и Москва не в полной мере поддерживают действия друг друга, направленные на решение в свою пользу территориальных споров с третьими странами. Каждая из двух стран обеспокоена

перспективой оказаться втянутой в конфликт своего партнера. И даже хорошие личные отношения руководителей России и Китая не гарантируют при этом преодоление приведенных и других противоречий.

Тем не менее, военное сотрудничество России и Китая продолжает свое развитие. По сообщению министра обороны РФ С.К. Шойгу Россия и Китай разработали очередной план военного сотрудничества на 2020—2021 гг. Можно предполагать, что в нем стороны намерены не ограничиваться только крупномасштабными учениями и маневрами коалиционных группировок вооруженных сил. Очевидно, что Россия и Китай будут проводить также разработку перспективных вооружений для совместного реагирования на военные угрозы как глобального, так и регионального масштаба. Это подтвердил президент В.В. Путин на очередном заседании дискуссионного клуба «Валдай»: «большой тайны, наверно, не открою... Мы сейчас помогаем нашим китайским партнерам создать систему СПРН — систему предупреждения о ракетном нападении. Это очень серьезная вещь, которая капитальным, кардинальным образом повысит обороноспособность Китайской Народной Республики... сейчас такую систему имеют только США и Россия», — сказал российский лидер [Россия застрахует Китай].

Тем самым Россия и Китай регулярно проводимые в последние годы совместные учения дополняют как военно-техническим сотрудничеством, так и координацией действий геополитического уровня по ключевым международным вопросам.

С военно-политической и исторической точек зрения помощь Китаю в создании СПРН является беспрецедентной. По мнению главного редактора журнала «Национальная оборона» И. Коротченко, содействие Москвы в создании СПРН не только повысит «геополитический статус и военные возможности Китая, но и продемонстрирует стратегический характер взаимодействия между Москвой и Пекином» [Там же]. В свою очередь для России такое сотрудничество важно тем, что в случае создания единого информационного пространства и обмена данными с китайскими РЛС безопасность нашей страны с востока будет обеспечена более эффективно и с меньшими затратами.

В заключение можно заметить, что наши государства в своем практическом взаимодействии в сфере обороны и безопасности подошли к состоянию «отложенного военно-политического союза». Этот термин получил путевку в жизнь в ходе дискуссий экспертов Института Дальнего Востока РАН и Китайской Академии современных международных отношений о будущем сотрудничества России и Китая в условиях углубляющейся турбулентности международных отношений.

При этом имеется в виду, что сотрудничество России и Китая, особенно в военно-стратегической и военно-технической сферах, уже достигло уровня военно-политического союза, но без официального юридического оформления. Очевидно, что пока международно-политическая обстановка этого и не требует. Да и демонстрация РФ и КНР способности и готовности повысить уровень своих отношений в военно-политической сфере до союзнических (при необходимости) может оказать и оказывает «отрезвляющее» действие на «стратегических соперников» России и Китая, удерживая их от реализации агрессивных намерений в отношении наших государств и их партнеров по ШОС. Это в свою очередь способствует укреплению безопасности и стабильности на всем «Большом Евразийском пространстве». Но подготовительную работу по юридическому оформлению сотрудничества в сфере обороны и безопасности было бы целесообразно проводить и, по возможности, наращивать.

Библиографический список

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 17.07.2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792686> (дата обращения: 12.03.2020).

Матвейчев А. Китай официально предложил России создать военно-политический союз против НАТО. URL: <https://cont.ws/@matveychev/330887> (дата обращения: 10.03.2020).

Морозов М. Китай — Россия: Запад в шоке от военного союза Москвы и Пекина. URL: <https://tehnowar.ru/110925-kitaj-rossija-zapad-v-shoke-ot-voennogo-sojuz-a-moskvy-i-pekina.html> (дата обращения: 12.03.2020).

Нечаев А.Н. Россия застрахует Китай от нападения США. URL: <https://www.discred.ru/2019/10/04/rossiya-zastrahuet-kitaj-ot-napadeniya-ssha> (дата обращения: 12.03.2020).

Попова В. Геополитические войны и место ЕАЭС в посткоронавирусном мире. URL: https://politobzor.net/214015-geopoliticheskie-voyny-i-mesto-eaes-v-postkoronavirusnom-mire.html?utm_source=topwar.ru (дата обращения: 11.03.2020).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 12.03.2020).

США: надо готовиться к войне с Китаем и Россией одновременно. URL: <https://ria.ru/20190614/1555546220.html> (дата обращения: 11.03.2020).

The National Interest (США): как Америке выиграть войну против России или Китая. URL: <https://inosmi.ru/military/20190804/245576586.html> (дата обращения: 11.03.2020).

References

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy [The Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation], *Rossiyskaya Gazeta*, July 17, 2001. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792686> (accessed: 1 March, 2020). (In Russian).

Matveichev A. Kitaj oficial'no predlozhlil Rossii sozdat' voenno-politicheskij soyuz protiv. NATO. [Matveichev A. China officially proposed Russia to create a military-political Alliance against NATO]. URL: <https://cont.ws/@matveychev/330887> (data obrashheniya: 10.03.2020).

Morozov M. Kitaj — Rossiya: Zapad v shoke ot voennogo soyuza Moskvyy' i Pekina. [Morozov M. China-Russia: the West is shocked by the military Alliance of Moscow and Beijing]. URL: <https://tehnwar.ru/110925-kitaj-rossija-zapad-v-shoke-ot-voennogo-sojuza-moskvy-i-pekina.html> (data obrashheniya: 12.03.2020).

Nechayev A.N. Rossiya zastrakhuyet Kitaj ot napadeniya SSHA [Russia will secure China from an attack by the United States]. URL: <https://www.discred.ru/2019/10/04/rossiya-zastrahuet-kitaj-ot-napadeniya-ssha/> (accessed: 12 March 2020). (In Russian).

Popova V. Geopoliticheskie vojny' i mesto EAE'S v postkoronavirusnom mire. [Popova V. Geopolitical wars and the place of the EEU in the post-coronavirus world]. URL: https://politobzor.net/214015-geopoliticheskie-voyny-i-mesto-eaes-v-postkoronavirusnom-mire.html?utm_source=topwar.ru (data obrashheniya: 11.03.2020).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitiy otnosheniy vseob"yemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu. 5 iyunya 2019 goda [A joint statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era. June 5, 2019]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 12 March 2020). (In Russian).

SShA: nado gotovit'sya k vojne s Kitaem i Rossiej odnovremenno. [US: we must prepare for war with China and Russia at the same time]. URL: <https://ria.ru/20190614/1555546220.html> (data obrashheniya: 11.03.2020).

The National Interest (SShA): kak Amerike vy`igrat` vojnu protiv Rossii ili Ki-taya. [The National Interest (USA): how America can win the war against Russia or China]. URL: <https://inosmi.ru/military/20190804/245576586.html> (data obrashheniya: 11.03.2020).

Л.Е. Васильев

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу новой стратегии США в Центральной Азии, которая была опубликована в феврале 2020 г., а также оценке наиболее значимых ее направлений. В статье проведен сравнительный анализ новой стратегии с ее предыдущей редакцией 2015 г.

В статье отмечается, что Центральная Азия как составная часть Восточной Евразии занимает важное геостратегическое положение в этом значимом для всего мира регионе. Ее территория предоставляет возможность контролировать как транзитные пути между различными регионами Европы и Азии, так и «тыловые» районы крупнейших государств Азии — Китая, Индии и России. Кроме того, Центральная Азия имеет существенное значение и в геоэкономическом плане.

В ходе проведенного анализа в статье сделан вывод о том, что основными направлениями стратегии США в Центральной Азии в настоящее время являются: налаживание двусторонних отношений с каждым конкретным центральноазиатским государством, а также выстраивание этих отношений в строгом соответствии со следованием каждого из них в русле общей политики Соединенных Штатов в регионе; постепенное «выдавливание» России и Китая из региона; политическое и экономическое объединение центральноазиатских государств и Афганистана под своим патронажем, т. е. реализация концепции «Большой Центральной Азии».

Ключевые слова: Центральная Азия, США, Россия, Китай, геополитика, региональная безопасность.

Автор: Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail:levdvina@mail.ru

Leonid E. VASILIEV

The Main Features of the U. S. Policy in Central Asia

Abstract. The article analyzes the new U. S. strategy in Central Asia that was published in February 2020 and considers the most significant directions of this strategy. The article also compares the new strategy with the previous version of 2015.

The article mentions, that Central Asia as an integral part of Eastern Eurasia holds an important geostrategic position in this important for the whole world region. Its territory provides an opportunity to control both transit routes between different regions of Europe and Asia and back areas of the largest States of Asia — China, India and Russia. Moreover, Central Asia is of high importance in terms of geoeconomics.

As a result of the analysis, the article concludes that the main directions of the US strategy in Central Asia are now the following: the establishment of bilateral cooperation with every Central Asian State, building of this cooperation in strict accordance with the general United States policy in the region; gradual displacement of Russia and China from the region; political and economic integration of Central Asian States and Afghanistan under US patronage, i.e. the implementation of the Greater Central Asia concept.

Keywords: Central Asia, the United States, Russia, China, geopolitics, regional security.

Author: Leonid E. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: levdvina@mail.ru

Центральная Азия как составная часть Восточной Евразии занимает важное геостратегическое положение в этом значимом для всего мира регионе. Ее территория совместно с территорией России географически обеспечивает кратчайшую связь между Европой, Ближним и Средним Востоком, с государствами Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Это предоставляет возможность

контролировать, как транзитные пути между перечисленными регионами, так и «тыловые» районы крупнейших государств Азии — Китая, Индии и России.

Кроме того, значение Центральной Азии имеет существенное значение и в геоэкономическом плане. Наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов привлекает многие мировые державы.

Следует также отметить, что регион играет важную роль и в области обеспечения международной и региональной безопасности. Специфика его географического положения предоставляет возможность исламским экстремистам и международным террористам атаковать территории России и Китая с южного и восточного направлений. Кроме того, практически во всех государствах региона имеются значительные группы населения, пропагандирующие идеи сепаратизма и исламского экстремизма, что может негативно сказаться не только на обстановке в регионе, но и создать серьезные трудности для международного сообщества в целом.

Политика стран Запада в отношении государств Центральной Азии, впрочем, как и их политика в любом другом регионе мира, всегда строилась с целью обеспечения приоритетов своих национальных интересов. Как правило, реализация интересов западных стран в любом регионе мира проводится под флагом защиты традиционных общечеловеческих ценностей — демократии и прав человека в том виде, как они понимаются и реализованы в западных государствах.

Политика США в Центральной Азии в первые десятилетия XXI в. всегда строилась и в обозримом будущем, скорее всего, будет продолжаться в рамках главного направления их общей стратегии внешней политики: обеспечение гегемонии и мирового господства в планетарном масштабе. Суть этой политики в Центрально-Азиатском регионе (далее — ЦАР) — связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию и Афганистан (так называемую Большую Центральную Азию), установить широкие и прочные экономические связи региона с Индией и Пакистаном, а также государствами Ближнего Востока и поставить весь этот регион под свой контроль. При этом планируется максимально осла-

бить, а при наилучшем раскладе практически устранить влияние России, Китая и Ирана в этой части света.

Оценивая результаты реализации политики США в Центральной Азии в конце прошлого, начале этого века, необходимо отметить главные ее достижения:

- удалось обеспечить полное ядерное разоружение Казахстана, включая вывод ядерного оружия с его территории и полный демонтаж его ядерной инфраструктуры;
- поддержка США позволила существенно ослабить гегемонию России в регионе, что в свою очередь способствовало более скорому становлению бывших республик СССР как самостоятельных суверенных государств;
- расширилась экономическая составляющая сотрудничества Соединенных Штатов и отдельных государств ЦАР, например, Казахстана (товарооборот около 2,7 млрд долл.) и Узбекистана (0,5 млрд долл.), что предоставляет этим государства возможность диверсификации своей внешнеэкономической деятельности;
- была проработана, принципиально обоснована и частично реализована возможность размещения американских военных баз на территориях государств Центральной Азии, в непосредственной близости к южным границам России и (восточным) западным границам Китая.

К неудачам политики США в ЦАР следует отнести следующее.

1. Стремление Соединенных Штатов вытеснить Россию из Центральной Азии привело к резкому возрастанию роли Китая в экономике региона, а следовательно, вместо одного противника они получили еще и второго, причем с гораздо более мощными экономическими возможностями.

2. Вашингтону не удалось добиться единоличной гегемонии в ЦАР. Более того, даже достигнутые ими успехи в отношениях с центральноазиатскими государствами в последнее время утрачивают свое значение. Так, основным трендом построения стратегических отношений в Центральной Азии в обозримом будущем, скорее всего, станет реализация идей «Большого евразийского партнерства»

(далее — БЕП) и Один пояс, один путь (далее — ОПОП), но явно не американская стратегия «Большой Центральной Азии».

Более того, если взглянуть на внешнеторговые обороты самых крупных стран региона, таких как Казахстан и Узбекистан, то все сразу становится на свои места. Так, внешнеторговый оборот Казахстана с Россией составляет около 18,2 млрд долл., с Китаем — 12 млрд долл., а США — 2,7 млрд долл.. Внешнеторговый оборот Узбекистана с Россией — 4,4 млрд долл., с Китаем — 6,4 млрд долл., а с США — менее 0,5 млрд долл. [Данные официальных агентств]. Таким образом, экономическая интеграция центральноазиатских государств под эгидой США оказалась незначительной. Более того, сколько бы ни говорилось о выгодах экономического сотрудничества с США, «априори» предполагающего широкий поток американских инвестиций в регион, рассчитывать центральноазиатским государствам на такое развитие событий в ближайшее время вряд ли приходится.

3. Еще одним провалом политики Вашингтона в регионе стало оказание помощи оппозиции при проведении или попытках проведения «цветных революций» в Кыргызстане и Узбекистане в конце 90-х — начале 2000-х годов. Целенаправленная поддержка оппозиционных движений, открыто декларирующих полную поддержку политики Соединенных Штатов в случае их прихода к власти, наглядно убедило правящую элиту центральноазиатских государств в том, что США является реальной угрозой для исламских правительств, особенно для тех, которые не всегда следуют в русле политики США. Более того, события «Арабской весны», действия Соединенных Штатов в Ливии, Ираке и Сирии, нападки на Иран вынуждают эти страны искать альтернативных, если можно так сказать, «более толерантных» союзников в плане решения проблем безопасности как правящих элит, так и самих государств ЦАР.

4. Особое место в неудачах США играет провал их военной операции в Афганистане. В течение почти двух десятилетий, так называемой «борьбы с международным терроризмом в Афганистане», а по сути оккупации Афганистана, и попытками силовой реализации интересов Соединенных Штатов в рамках упомянутой выше стратегии «Большой Центральной Азии», американцы так и не достигли

желаемых результатов. При этом необходимо подчеркнуть: *первое*, вооруженные силы США действовали в рамках международной коалиции, т. е. при поддержке вооруженных подразделений и частей других западных государств, и *второе*, им противостояли только моджахеды «Талибана» (запрещено в России), а не *конгломерат стран Запада и Китая*, которые оказывали военную помощь тем же моджахедам в их борьбе с вооруженными силами Советского Союза в конце 70-х — середине 80-х годов.

Более того, следует отметить, что за годы «борьбы с неверными» значительно окрепло такое террористическое движение, как «Талибан» (запрещено в России), выросло и «стало под ружье» целое поколение афганцев, которые не знают другой жизни, кроме как жизни в условиях гражданской войны. Такое положение грозит ЦАР серьезными последствиями в сфере обеспечения региональной безопасности. Центральноазиатские государства наконец поняли, что, во-первых, США не настолько всемогущи, насколько они сами о себе заявляют. И, во-вторых, когда возникает сложная ситуация, они решают проблемы так, как это выгодно только Соединенным Штатам, не учитывая интересы своих союзников, как нынешних, так и бывших.

5. И последнее. Попытки США противодействовать монополии России на транспортировку энергоносителей из Центральной Азии в другие регионы мира — провалились. Все ранее обозначенные проекты газопроводов и нефтепроводов, которые планировались без участия России (таких, например, как *ТАПИ*, *Транскаспийский* и др.) остались только на бумаге. Более того, достаточно очевидно: так как энергоресурсы в крупных центральноазиатских государствах (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) приносят весьма существенную, если не сказать основную, часть доходов то можно с уверенностью сказать, что в обозримом будущем Россия, как основной транзитер центральноазиатских энергоресурсов, по-прежнему будет занимать лидирующее положение в ЦАР.

Учитывая складывающуюся в настоящее время в Центральной Азии общеполитическую и экономическую обстановку, а также с целью устранения негативных последствий своей предыдущей политики в регионе, США решили провести коррекцию своей стратегии

в ЦАР. В феврале 2020 г. была опубликована новая американская стратегия в Центральной Азии, которую перед публикацией проанонсировал государственный секретарь М. Помпео в ходе своего визита в регион.

Появление новой стратегии вызвано, помимо вышесказанного, вызвано следующими обстоятельствами.

1. Как показала практика, стратегия США в Центральной Азии обновляется раз в пять лет. Предыдущий вариант стратегии был опубликован в 2015 г.

2. За последние три года в крупнейших государствах ЦАР Казахстане и Узбекистане, а также в Кыргызстане, а немногим ранее — в Туркменистане, произошла смена руководства.

3. Предыдущая стратегия политики США в Центральной Азии (2015 г.), по мнению нынешнего руководства страны, имеет ряд изъянов, которые привели к неудачам в процессе ее практической реализации.

Проведем анализ основных положений новой стратегии США и попытаемся установить основные отличия от ее предыдущей редакции.

В новой стратегии сказано: «Основной стратегический интерес США в этом регионе заключается в построении более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно преследовать интересы в сфере политики, экономики и безопасности с различными партнерами на своих условиях, связанной с мировыми рынками и открытой для международных инвестиций, имеющей сильные, демократические институты, верховенство закона и уважение к правам человека» [США представили]. Далее в ней раскрываются основные принципы политики США в ЦАР, ее основные направления.

Первое. Как и в предыдущей стратегии предполагается, что Соединенные Штаты в своей политике будут делать основной упор на выстраивание двусторонних отношений с каждой конкретной страной Центральной Азии на основе структурированного диалога. Причем сотрудничество будет строиться по четырем основным направлениям: энергетика, экономическая и политическая модернизация, безопасность и контакты между людьми. Как утверждается в амери-

канских программных документах: «мы намерены добиваться прогресса в отношениях со странами Центральной Азии по всем четырем направлениям» [Земсков].

Как показала практика реализации предыдущей стратегии, Вашингтон в основном будет активно применять метод «кнута и пряника», т. е. стимулирование лояльных ему режимов и зачисление в «мировые изгой» — нелояльных. Другими словами, отношения с каждой конкретной страной ЦАР, скорее всего, будут выстраиваться в зависимости от того, насколько активно готова она следовать в русле политики США по реализации своих национальных интересов в данном регионе.

Второе. В тексте новой стратегии также говорится: «Успешное участие США в делах Центральной Азии будет способствовать продвижению наших интересов в области национальной безопасности и защите нашей родины, граждан и интересов за рубежом. Тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью странами будет содействовать продвижению ценностей США и обеспечит противовес влиянию соседей по региону. Расширение возможностей для американского бизнеса повысит экономическое процветание в регионе, а также будет содействовать трудоустройству и развитию промышленности в Соединенных Штатах» [США представили].

В приведенной выше цитате недвусмысленно говорится о необходимости «обеспечения противовеса влиянию соседей по региону» при практической реализации новой стратегии Вашингтона. Другими словами, одним из основных направлений стратегии США в ЦАР является: не допустить геополитической монополии России и геоэкономической монополии Китая над странами региона. Данное направление полностью повторяет одно из направлений предыдущей стратегии 2015 г.

Следует заметить, что перед поездкой в Казахстан и Узбекистан госсекретарь М. Помпео посетил Украину и Белоруссию, у которых в настоящее время весьма непростые отношения с Москвой (споры России и Белоруссии из-за цен на российскую нефть и газ). Находясь там, госсекретарь не скупился на дифирамбы руководству и обещания государственного процветания, которое принесет тесное сотрудничество этих государств с Соединенными Штатами. При

этом Вашингтон рассматривает Казахстан как естественный противовес России в Центральной Азии, а Узбекистан еще З. Бжезинский считал ключевым государством региона, которое имеет потенциал проведения независимого от Москвы геополитического курса.

Следует заметить, что такая «раскольническая» политика США, похоже, начинает приносить свои плоды. Так, Н. Назарбаев, будучи президентом Казахстана, в ходе своего визита в США в январе 2018 г. заявил: «Казахстан является другом Соединенных Штатов и ценит политическую поддержку Вашингтоном своей независимости и целостности территории» [Материалы ТАСС]. Кроме того, крупнейшие нефтяные компании США уже вложили миллиарды долларов в разработку крупнейших казахстанских месторождений. В настоящее время в Казахстане работают 524 компании с участием американского капитала [Материалы портала Zakon.kz].

Кроме того, сразу после визита госсекретаря М. Помпео в Узбекистан в Ташкенте начался закрытый судебный процесс над предполагаемыми российскими шпионами, в котором многие аналитики увидели первые практические результаты реализации новой американской стратегии [Иванова].

Третье. Однако главной угрозой своим интересам в Центральной Азии, впрочем как и во всем мире, помимо России США считают Китай, который был и остается главным заемщиком, кредитором, торгово-экономическим партнером для стран региона. При этом Пекин никогда не требовал от правительств центральноазиатских государств соблюдения принципов демократии и прав человека. Наоборот, неофициальная стратегия КНР предполагает поддержку авторитарных режимов в регионе, чтобы через демократические процессы в государствах региона не усилились националистические или религиозные факторы.

Учитывая, что одна из основных задач КНР в ЦАР не допустить поддержки населением центральноазиатских государств уйгурских сепаратистов, США сделали новый акцент в своей стратегии в Центральной Азии. Так, при посещении Казахстана М. Помпео официально встретился с этническими казахами и уйгурами, бежавшими из Китая. При этом он поблагодарил Казахстан за то, что он не «выдворял представителей мусульманского меньшинства» [Куликов],

бежавших из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. При этом следует учитывать и тот факт, что поддерживая уйгуров Вашингтон стремится оправдаться в глазах мусульманского мира за свои действия на Ближнем Востоке и Афганистане.

В Китае весьма резко отреагировали на такие действия США. Посольство КНР в Узбекистане выступило с очень резким заявлением, в котором утверждалось, что обсуждение госсекретарем Соединенных Штатов с дипломатами центральноазиатских стран на встрече в Ташкенте в формате «С5+1» внутренних дел Китая является попыткой очернить Китай. Китайцы заявили, что во время своего турне по региону госсекретарь США пытался всячески оклеветать КНР и посеять раздор между Китаем и государствами Центральной Азии [Рыбин].

Что касается экономического противостояния США и КНР в ЦАР, то госсекретарь открыто призывал и Казахстан, и Узбекистан снизить экономическую зависимость от Китая, а взамен пообещал американские инвестиции. При этом в качестве альтернативы китайскому проекту ОПОП он предложил американский проект строительства транспортных коридоров и линий электропередач из Центральной Азии в Южную через территорию Афганистана [Иванова].

И последнее. Одним из основных направлений новой стратегии США в Центральной Азии является реализация положений из их далеко не новой концепции «Большой Центральной Азии», а именно: объединение под своим патронажем Афганистана и центральноазиатских государств. Предполагается, что государства ЦАР в обмен на инвестиции из США будут активно развивать тесные связи с Афганистаном во всех сферах: в экономике, энергетике, торговле, культуре и безопасности. В реалиях Соединенные Штаты стремятся к тому, чтобы государства региона выделяли собственные средства на участие в совместных с Афганистаном проектах, стимулировали приток частных инвестиций из этих стран в экономику соседней страны. Такая политика полностью соответствует практической реализации стратегических интересов США в регионе на современном этапе развития.

Вполне очевидно, что выступая под флагом «взаимовыгодного сотрудничества в реализации мирного процесса и политического урегулирования в Афганистане», а также «укрепления торгово-экономических, транспортных и инфраструктурных связей центральноазиатских государств» Соединенные Штаты преследуют свою главную цель: максимально возможное в современных условиях ослабление позиций России и Китая в регионе и постепенное «выдавливание» их из Центральной Азии. Еще в 2018 г. МИД России заявил: «в Москве не сомневаются, что план США направлен на отторжение центральноазиатских государств от России и Китая и вовлечение их в курируемые США региональные проекты в сфере безопасности и энергетики — прежде всего на афганском направлении». Глава МИД С. Лавров дал негативную оценку активности США в регионе, заявив о том, что их истинная цель — «развернуть все проекты с участием государств Центральной Азии на юг, в сторону Афганистана и без участия Российской Федерации» [Материалы ТАСС].

В заключение хотелось бы сделать несколько важных на наш взгляд выводов.

1. Новая стратегия США в Центральной Азии мало чем отличается от их стратегии, опубликованной в 2015 г. Коренного ее обновления не произошло. Однако в тексте документа впервые сказано: «Ключевой принцип новой стратегии в том, что США признают геостратегическую значимость Центральной Азии».

2. Американцы прекрасно понимают, что у них нет таких географических преимуществ и значительных стратегических интересов в Центральной Азии, какие есть у России и Китая. В новой стратегии прямо говорится, что превзойти степень их влияния в регионе США вряд ли удастся. Однако, следуя своей глобальной стратегической задаче по сдерживанию этих двух держав в общепланетарном масштабе, Соединенные Штаты будут всячески содействовать ослаблению их влияния в ЦАР.

3. Очевидно, что в самой Центральной Азии США будут делать ставку в первую очередь на развитие отношений с Казахстаном и Узбекистаном. Причем Вашингтон прекрасно понимает, что прямое соперничество этих двух стран за лидерство в регионе может ударить

по стабильности и региональной безопасности, а также может быть использовано Россией и Китаем для продвижения своих интересов в ущерб интересам США. Учитывая данный фактор, Соединенные Штаты попытаются сыграть роль миротворца в выстраивании отношений между этими странами, с целью обеспечения как можно большего их отдаления от России и Китая.

Библиографический список

Данные официальных информационных агентств вышеперечисленных государств в 2019 г. (дата обращения: 23.02.2020).

Земсков В. Стратегия США в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 28—32 (дата обращения: 15.05.2020).

Иванова Г. Свято место: почему США возвращаются в Центральную Азию // Известия от 12.02.2020 г. (дата обращения: 15.05.2020).

Куликов В. Антироссийский клин поездки Помпео в страны СНГ. URL: <https://ru.journal-neo.org/> (дата обращения: 15.05.2020).

Материалы информационного портала Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/> (дата обращения: 15.05.2019).

Материалы ТАСС от 16.01.2018 г. (дата обращения: 18.01.2018).

Рыбин А. Помпео не довез стратегию URL: <https://newsland.com/> (дата обращения: 18.02.2020).

США представили новую стратегию по Центральной Азии, URL: <https://www.gazeta.uz/> (дата обращения 07.02.2020 г.).

References

Dannye oficial'nyh informacionnyh agentstv vysheperechislennyh gosudarstv v 2019 [The data from official news agencies of the above-mentioned States in 2019] (accessed: 23 February, 2020). (In Russian).

Ivanova G. Svyato mesto: pochemu SSHA vozvrashchayutsya v Central'nyuyu Aziyu [The holy place: why the US return to Central Asia] // Izvestiya of 12.02.2020 (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Kulikov V. Antirossijskij klin poezdki Pompeo v strany SNG [Anti-Russian wedge of Pompeo's trip to the CIS countries]. URL: <https://ru.journal-neo.org/> (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Materialy informacionnogo portala Zakon.kz. [The data from the information portal Zakon.kz.] URL: <https://www.zakon.kz/> (accessed: 15 May, 2019). (In Russian).

Materialy TASS ot 16.01.2018 [The data from TASS of 16.01.2018] (accessed: 18 January, 2018). (In Russian).

Rybin A. Pompeo ne dovez strategiyu [Pompeo didn't deliver the strategy] URL: <https://newsland.com/> (accessed: 18 February, 2020). (In Russian).

SSHA predstavili novuyu strategiyu po Central'noj Azii [The US presented a new strategy on Central Asia] URL: <https://www.gazeta.uz/> (accessed: 07 February, 2020). (In Russian).

Zemskov V. Strategiya SSHA v Central'noj Azii [US strategy in Central Asia] // MGIMO-university newspaper — 2013 #2. P. 28—32 (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).

Е.И. Сафронова

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПО ЛИНИИ «КИТАЙ—ЕАЭС». ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ НИВЕЛИРОВАНИЯ РИСКОВ

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем, связанных с процессами интеграции по вектору «ЕАЭС—Китай» (включая роль инициативы «Пояс и путь»). Автор анализирует понятие «международная экономическая интеграция» (МЭИ), ее особые черты, отличающие ее от иных форм экономического взаимодействия. В статье характеризуются необходимые этапы МЭИ, без прохождения которых трудно говорить о вызревании экономической интеграции в ее полноценном виде. Далее автор рассматривает риски и вызовы, препятствующие развитию МЭИ на евразийском пространстве. Здесь автор обращает особое внимание на то, что среди практиков и даже политологов до сих пор не сложилась единая трактовка понятия «международная экономическая интеграция», и что ныне наблюдается малопродуктивная тенденция преподносить двусторонние кооперационные проекты как доказательство процессов многосторонней масштабной интеграции. А отличие интеграции от кооперации существенно и заключается в том, что последняя не подразумевает комплексного взаимовлияния экономик стран-партнеров, не ведет к сращиванию народнохозяйственных комплексов и управлению ими из одного «штаба». А вот интеграция — это длительное,

сложносоставное явление, требующее специфических условий. Путаница в понятиях ведет к тому, что участники МЭИ зачастую не имеют представления о том, чего можно реально достичь.

В статье также рассматривается целый ряд иных рисков и вызовов (в сфере безопасности, экономики и проч.), препятствующих интеграционным процессам по линии «ЕАЭС—Китай». Кроме того, автор в объективно-позитивном ключе анализирует Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (СТЭС) между Евразийским экономическим союзом и Китаем, способное внести полезный вклад в кооперационные процессы в Евразии. В итоге автор приходит к выводу, что пока наполнение интеграционного (на начальном этапе — кооперационного) сотрудничества на евразийском поле происходит во многом благодаря политической воле лидеров Китая и стран ЕАЭС (в первую очередь — России), ибо исходная неполнота объективных предпосылок и финансово-экономических средств для ведения «полновесной» интеграции диктует повышенную зависимость от политических стимулов сотрудничества.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция (МЭИ), кооперация, сотрудничество «ЕАЭС—Китай», Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китаем, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), ШОС.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

E.I. Safronova

Modern Challenges to the Development of the Eurasian Economic Integration in the China—EEU Direction. Probable Ways of Risk Leveling

Abstract. The article deals with a number of problems related to integration processes in the EEU—China vector (including the role of the Belt and Road initiative). The author analyzes the concept of international economic integration (IEI), its special features that distinguish it from other forms of economic interaction. The article describes the necessary stages of the IEI, without which it is difficult to talk about the maturation of economic integration in its full form. Further, the author considers risks and challenges that hinder the development of the IEI in

Eurasia. Here the author draws particular attention to the fact that there is still no unified interpretation of the international economic integration concept among practitioners and even political scientists, and reveals a low-constructive trend to present bilateral cooperation projects as proof of the large-scale multilateral integration. The article argues, that the difference between integration and cooperation is significant and lies in the fact that the latter does not imply a complex mutual influence of the economies of the partner countries, does not lead to the merging of national economic complexes and to their management from a united “headquarters”. But integration is a long-term, complex phenomenon that requires specific conditions. Confusion in concepts leads to the fact that IEI participants often do not have an idea of what may be actually achieved.

The article also examines a number of other risks and challenges (in the sphere of security, economy, etc.) that hinder integration processes along the line of the “EEU—China”. In addition, the author analyzes the Agreement on Trade and Economic Cooperation (ATEC) between the Eurasian Economic Union and China in an objectively positive way. As a result, the author comes to the conclusion that the integration (first of all — cooperation) in Eurasia now is largely due to the political will of the leaders of China and the EEU countries (primarily Russia), because the initial incompleteness of objective prerequisites and economic means for conducting ‘full-fledged’ integration dictates an increased dependence on political incentives.

Keywords: international economic integration (IEI), cooperation, interaction EEU—China, Agreement on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union (EEU) and China, Belt and Road initiative (BRI), SCO.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Прежде, чем приступить к рассмотрению сложившихся к настоящему времени вызовов развитию международной экономической интеграции (МЭИ) по линии «Китай—ЕАЭС», видится целесообразным сделать несколько вводных замечаний, которые помогут раскрытию заявленной темы.

Итак, в мировой науке под международной экономической интеграцией (МЭИ) понимается такая степень интернационализации производства, которая на основе разделения труда и развития устой-

чивых взаимосвязей между экономиками стран-партнеров ведет к структурным изменениям в хозяйствах последних и сращиванию их в объединенный хозяйственный комплекс (приводится по [Фроленков В., с. 136—137]).

Экономическая интеграция обладает особыми чертами, которые отличают ее от других форм хозяйственного взаимодействия. Основные из них — это не только устранение ограничений в движении факторов производства (товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов) между странами-участницами, но и сближение национальных законодательств, согласование экономической политики; развитие межгосударственных и надгосударственных органов управления интеграционными процессами.

Теория международных экономических отношений (МЭО) различает следующие уровни, или последовательные этапы МЭИ:

- Зона свободной торговли (ЗСТ), в рамках которой устраняются препятствия во взаимной торговле стран-членов: упраздняются торговые пошлины и иные формы торгового протекционизма;
- Таможенный союз (ТС) — это ЗСТ плюс установление единых мер таможенной и налоговой защиты своего внутреннего рынка от конкуренции третьих стран; проведение единой внешне-торговой политики;
- Единый или общий рынок (ОР) — свободное передвижение четырех факторов (товаров, капитала, рабочей силы, услуг) (принцип «четырёх свобод»), а также согласование отраслевой политики, унификация правовых и технических условий торговли;
- Экономический союз (ЭС) — предусматривает унификацию функционирования не только сферы обмена, как в ОР, но и других областей хозяйственной деятельности, создание наднационального экономико-регулирующего органа и единого экономического законодательства, проведение единой социально-экономической политики. Ныне на роль ЭС претендует Евразийский экономический союз (ЕАЭС);
- Экономический и валютный союз (ЭВС) — на настоящий момент высшая форма межгосударственной экономической ин-

теграции, сочетающая принципы ЭС с введением единой валюты и подразумевающая реализацию не только общей хозяйственной политики, но и единого политического курса (См.: [Градов А., с. 138, 139; Ломакин В., с. 88; Международная экономическая интеграция..., с. 20—23]). Единственный пример — Европейский союз.

Любая экономическая интеграция представляет собой продукт и одновременно — стимул развития международных отношений (МО) как таковых, но действующих на поле мирового хозяйства. Параллельно она является механизмом утверждения полицентричности современных МО, а также и ее следствием.

То есть, можно сказать, что в развитии экономической интеграции наблюдаются две тенденции: центробежная и центростремительная. Посредством ЭИ международные акторы сближают и координируют сферы своей экономической активности и благодаря ей же накапливают новые ресурсы для углубления собственного суверенитета и самостоятельности. В итоге можно сказать, что основная политологическая суть ЭИ заключается в ее способности катализировать вызревание нового мирового порядка и нового уровня экономического развития субъектов МО. Поэтому сам вопрос о том, следовать ли курсу на ЭИ или нет, даже не видится принципиальным, ибо то, что складывается объективно, надо принимать таким, какое оно есть, и стараться использовать во благо собственных, а также партнерских интересов. По аналогии вспоминается позиция КНР по отношению к экономической глобализации. Пекин подчеркивает, что глобализация — процесс, несущий и вызовы, и возможности. Посему логично использовать его возможности и стараться нивелировать риски.

Международная экономическая интеграция — это часть, средство и символ глобализации, поэтому можно ожидать, что принципы МЭИ вписываются в парадигму глобализационных процессов в целом.

* * *

Вызовы, с которыми сталкиваются процессы МЭИ, могут быть общими для всех интеграционных объединений, работающих на

разных географических направлениях, а также и «индивидуальными», справедливыми именно для определенного экономического ареала.

Остановимся на тех трудностях и рисках, с которыми сталкивается ЭИ по вектору «Китай—ЕАЭС».

Во-первых, немалые риски, на наш взгляд, сопряжены с тем, что не только на уровне практиков, но и политологов не существует общего взгляда на понятие «интеграция». В «ведомственной» литературе и в официальных документах определения «интеграции» или нет вообще, или оно трактуется по сути как «кооперация».

В силу этого, реалии научного дискурса в ЕАЭС, ШОС и инициативе «Пояс и путь» (ИПП) таковы, что там до сих пор существует тенденция преподносить двусторонние кооперационные проекты как доказательство процессов интеграции. И в Китае, и в ШОС, и в Евразийском союзе за интеграцию часто принимают «простую» международную кооперацию, не особо вспоминая теорию МЭО. А отличие интеграции от кооперации существенно. Оно заключается в том, что последняя не подразумевает комплексного взаимовлияния экономик стран-партнеров, порождающего качественные изменения в структуре национальных хозяйств контрагентов, не ведет к сращиванию народнохозяйственных комплексов и управлению ими из одного «штаба». А вот интеграция — это протяженное во времени, сложносоставное явление, проходящее через несколько этапов (перечисленных выше) и требующее специфических условий. Поэтому принимать за интеграцию кооперационные процессы — неверно и с теоретической, и с политико-экономической точек зрения.

В связи с этим в глаза бросается разница между официально продекларированным статусом интеграции в ЕАЭС и ШОС и тем, что есть на самом деле. Де-факто статус ЕАЭС — это совершенствуемый таможенный союз с элементами общего рынка, а де-юре — экономический союз, обладающий непререкаемыми для любого ЭС атрибутами — наднациональным экономико-регулирующим органом (в лице Евразийской экономической комиссии — ЕЭК) и общим экономическим законодательством. ШОС же — вообще преимуще-

ственно политическая структура, все еще далекая от роли экономического механизма.

Таким образом, продекларированный уровень интеграции в ЕАЭС представляется выше, чем в ШОС, поскольку Шанхайскому «октету» пока не удалось «добраться» даже до первого уровня МЭИ в лице зоны экономической торговли.

ИПП же — это титанический по замыслу политико-экономический проект Китая, нацеленный на объединение стран — соседей Китая и стран его «периферии» в единый экономический регион. Он, несомненно, влияет на климат в ЦА, на эволюцию центральноазиатской политики Китая, но говорить о его роли как локомотива евразийской интеграции, на наш взгляд, пока рано. Рано и по причине острой «заточенности» ИПП именно на китайский интерес, и в силу преимущественно двустороннего характера подводимых под бренд ИПП инициатив (например, сопряжение ЭПШП и внутриказахстанского инфраструктурного проекта «Нурлы жол»), и ввиду самой молодости этого мегапроекта.

Справедливости ради отметим, что в ЕАЭС тоже существуют немалые трудности, препятствующие выполнению его основополагающих функций как экономического союза. Среди этих функций — обеспечение свободы перемещения в рамках ЕАЭС рабочей силы, товаров и капиталов, а также режима обязательного выполнения решений Евразийской экономической комиссии. Разногласия между членами Союза пока таковы, что реализация указанных функций часто оказывается «торпедированной». По сути, ЕАЭС пока больше имитирует процесс экономической интеграции, чем направляет его. Союз создал некоторые интеграционные органы и регулирующие нормы, но на деле его активность рано назвать полноценной региональной экономической интеграцией. Да и ситуация с торговлей внутри Союза, усугубленная падением цен на нефть и сворачиванием коммерции по другим товарам из-за пандемии COVID-19, тоже никак не благоприятствует его деятельности.

Важной политической причиной, препятствующей исправному выполнению Союзом его функций, выступает следующее обстоятельство: для молодых постсоветских государств — членов ШОС и ЕАЭС особо сложным и деликатным вопросом является необходи-

мость подчинения наднациональным органам интеграционного управления. В представлениях правящих кругов этих стран она зачастую видится ущемлением их самостоятельности и суверенитета. Посему сопряжение ИПП и ЕАЭС может столкнуться с проблемой обязательности выполнения решений наднационального органа на новом, еще более труднодостижимом уровне. И в этом — еще один вызов для евразийской интеграции на центральноазиатском направлении.

В мировой экономической науке принципиальными предпосылками для МЭИ, помимо наличия единого географического ареала, называются близость уровня хозяйственного развития стран-участниц, существование традиционно сложившихся экономических связей, взаимодополняемость экономик, общность хозяйственных задач, наличие стран — лидеров интеграции и политическая воля к интегрированию, а также, что особо важно, наличие единой модели развития [Международная экономическая интеграция..., с. 18, 19].

Из этого видно, что некоторые условия для экономической интеграции ИПП и ЕАЭС, а также и ШОС существуют, однако серьезнейшим препятствием на ее пути остается разрыв в уровне развития национальных хозяйств стран-участниц; характер производства (во многом сходный у государств ЦА), а также и то, что у некоторых центральноазиатских элит нет подлинного желания интегрироваться. Причина этого кроется в неотъемлемом свойстве самой МЭИ, которое заключается в том, что интеграция подразумевает размывание границ и большую прозрачность внутренних политических и экономических режимов, а также неременное делегирование ряда полномочий наднациональным управленческим структурам (см.: [Суюнбаев М., с. 49]). То есть сам механизм интеграции может стать препятствием на ее же собственном пути. И в этом — еще целый ряд вызовов экономическим процессам в Евразии.

Кроме того, у государств с преимущественно сырьевым экспортом объективно мало стимулов для интеграции, поскольку соображения сиюминутной выгоды зачастую перевешивают интересы перспективного планирования. В итоге стремление к интеграции в Центральной Азии (ЦА) ограничивается принятием «парадных» до-

кументов, декларациями и отдельными двусторонними кооперационными программами [Парамонов В., Камилов И., Строков А., с. 8, 9].

Еще один вызов — в периодически проявляющейся разнонаправленности хозяйственных предпочтений РФ и стран ЦА. Центральноеазиатские страны — члены ЕАЭС и ШОС охотно идут на экономическое (и не только) взаимодействие с Западом, когда возникает благоприятная возможность для этого. Сама продекларированная «многовекторность» внешнего курса ряда центральноазиатских стран несет в себе риск снижения их заинтересованности в евразийской интеграции, если сотрудничество на западном направлении предоставит больше хозяйственных выгод.

Определенный вызов заключается и в том, что потенциал ШОС как механизма интеграции может оцениваться очень по-разному. Действительно, ШОС до некоторого времени проявляла гибкость и адаптивность к быстро меняющейся обстановке в Евразии. Однако определенный застой коллективного экономического сотрудничества в Организации стал одной из причин переноса экономической активности Китая на поле «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) — субпроекта ИПП. Это сказалось на уровне общей международной «весомости» ШОС. По ряду причин, включая и неэффективность ее хозяйственного диалога, Организация сместила акценты работы на оборонную сферу, что породило новые проблемы в отношениях стран-участниц. Например, в РАТС усложнился процесс согласований из-за возросшего числа взаимодействующих сторон с одной стороны и незатухающих китайско-индийских разногласий — с другой. Индия, видимо, настроенная через членство в ШОС нарастить свою способность контролировать Евразию, тем не менее продолжает избегать взаимодействия с ИПП. Это сужает способность ШОС служить инструментом интеграции.

Еще целый ряд вызовов заключается в рисках для стабильности в ЦА и других евразийских регионах. Так, даже, если процесс интеграции будет развиваться успешно, то с появлением новых объектов совместной экономической активности прямо пропорционально их числу возрастет и количество направлений вероятных террористических ударов. Сама территориальная масштабность ИПП, ЕАЭС и

ШОС есть фактор их уязвимости. Укрепление межрегиональной «связуемости» создает не только возможности для миграции гражданских лиц и перевозки материальных ценностей, но и облегчает перемещение грузов и людей, вовлекаемых в противоправную деятельность.

Кроме того, интеграционное поле, особенно сопряжение с ИПП, наверняка потребует новых природных богатств и новых территорий. И здесь ситуация может осложниться тем, что население ЦА очень чувствительно к вопросам земле- и вододеления в силу исторической ограниченности этих ресурсов в регионе. Уже вспыхивают протесты, вызванные опасениями того, что большие земельные наделы будут переданы китайским инвесторам под нужды ЭПШП или иных хозяйственных целей.

Немалым фактом риска остается обстановка в Афганистане, где сохраняются формирования запрещенных в России движений «Талибан» и «Аль-Каида». Их участники рассредоточены среди мирного населения, и это создает практически неконтролируемый риск диверсий [Сафронова Е.И., с. 23, 25].

Определенный дестабилизирующий потенциал обусловлен особенностями сосуществования ИПП и ЕАЭС. Так, Китай предпочитает поддерживать конкретные отношения со странами ЕАЭС (и ШОС) на двустороннем уровне, поскольку пока это более продуктивно для него. Китай нацелен на снижение торговых ограничений для стран — участниц ЭПШП и для грузов, провозимых по Пути, в то время как ЕАЭС нацелен на формирование торгового союза с относительно высокими тарифами для товаров из третьих стран. Таким образом, сам статут ЕАЭС является фактором торможения интеграции с участием Китая.

КНР в течение ряда лет призывает ускорить подписание Соглашения ШОС об упрощении процедур торговли как шага на пути к учреждению ЗСТ, но пока ощутимых результатов на этом пути не наблюдается. Однако на направлении «ЕАЭС—Китай» был достигнут эффективный результат. Так, 17 мая 2018 г. состоялось подписание Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве (СТЭС) между Евразийским экономическим союзом и Китаем. Соглашение стало следствием, свидетельством и проявлением процессов регио-

нализации и глобализации, расширяющихся на мировой арене, и шагом для юридического обоснования интеграционных процессов в Евразии. Однако СТЭС не носит преференциального характера, то есть оно не предусматривает снижение таможенных пошлин и тарифов во взаимной торговле. В силу этого Китай продолжит торговать с ЕАЭС как третья, внешняя сторона.

Сверх того — Соглашение носит подчиненный характер относительно норм ВТО и двусторонних договоров и актов, имеющих приоритетное значение перед положениями СТЭС. Это значит, что если одна из сторон усмотрит для себя большую выгоду норм ВТО и/или двусторонних документов, то она имеет право не соблюдать положения Соглашения.

Поскольку СТЭС не предполагает снижение таможенных пошлин, то посему оно не предусматривает и создание зоны свободной торговли как таковой. И Соглашение не учитывает, да и не может учитывать интересы всех стран-подписантов, которые реально бывают разнонаправленными. Все это повышает как внутренний конфликтный потенциал, так и значение именно двусторонних путей экономического сотрудничества. А раз так, то перспективы интеграции, как коллективного процесса с широким охватом единомышленников, становятся все более далекими.

СТЭС содержит положение о создании новых органов сотрудничества. Необходимость в них логично поднимает вопрос о проблеме качества их экспертной работы и о действенном согласовании административных стандартов и практик. При неразрешенности данного вопроса функциональность новых структур в рамках «ЕАЭС—Китай» не будет высокой. Это затруднит и процесс сопряжения ЕАЭС и ИПП (ЭПШП).

Препятствием на пути реализации СТЭС должностные лица и эксперты называют и и зарегулированность китайского рынка, связанную с административными барьерами и сложными таможенными формальностями.

Сложность состоит и в том, что, как констатировала министр ЕЭК В. Никишина, бизнес ЕАЭС пока не готов перейти на торговлю с Китаем в режиме свободной торговли. То есть, затрагивать вопрос о снижении и тем более обнулении таможенных пошлин еще

рано. Министр полагает, что к вопросу о снижении пошлин можно переходить тогда, когда произойдет «обкатка» Соглашения практическими бизнес-структурами. Если СТЭС покажет свою эффективность в деле реальной коммерции, то тогда можно будет думать о продолжении работы по пути создания режима свободной торговли [ЕАЭС пока не готов...].

Тем не менее, Соглашение имеет очевидный политический, экономический и гуманитарный смысл.

Политический смысл заключается в том, что Документ явил собой первый «кирпичик», заложенный в юридический фундамент сопряжения ЕАЭС—Китай. Без правового стержня, фиксирующего принципы сотрудничества и основы взаимодействия, никакое международное начинание не может рассчитывать на успех.

Соглашение стало и средством смягчения обособленности Китая от коллективных кооперационных процессов в ЦА и ЕАЭС, которая болезненно воспринималась Пекином.

Экономический смысл Документа тоже четко прослеживается, хотя и требует материального фундамента. Само подписание официального соглашения придает экономическому сотрудничеству сторон стабильный, юридически защищенный характер. И если благодаря Соглашению произойдет упорядочивание таможенных и коммерческих процедур, оптимизация организации и техники взаимной торговли стран ЕАЭС и КНР, то это само по себе принесет реально ощутимую пользу. То есть, СТЭС — это не только правовой, но и материально значимый механизм взаимных экономических связей.

Гуманитарный смысл СТЭС определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, когда тот или иной режим политического или экономического взаимодействия еще не получил наполнения или дает сбой, то гуманитарное сотрудничество может сыграть роль «скорой помощи», доказывающей наличие взаимодействия как такового. Гуманитарное сотрудничество (ГС) гораздо менее затратно и более легко в реализации, чем взаимодействие по политической или экономической линии, но при этом само его существование иллюстрирует жизнеспособность диалога сторон и/или их стремление к его расширению.

По вектору «ЕАЭС—Китай» гуманитарное сотрудничество в отличие от других, еще не отлаженных сторон взаимодействия, уже сейчас может принести немалую пользу делу сопряжения Евразийского союза и ЭПШП.

В последнее время возник еще один, крайне серьезный фактор риска для интеграционных процессов в Евразии. Он связан с проблемой COVID-19. Как известно, успех экономического сотрудничества по линии «ЕАЭС—Китай», в частности по направлению сопряжения с ИПП (ЭПШП), весьма зависит не только от мировой экономической конъюнктуры, но и от хозяйственного положения внутри Китая. Замедление темпов или просто проблемы в экономике КНР способны отрицательно сказаться на ее способности выполнять кооперационные обязательства. Пожалуй, это уже происходит ввиду мирового экономического кризиса, крайне обострившегося в связи с пандемией коронавируса.

* * *

В свете вышеизложенного возникает естественный вопрос: а как смягчить вызовы развитию евразийского интеграционного процесса?

Здесь автор предлагает следующие шаги и меры.

Во-первых, серьезно согласовать на экспертном и политическом уровнях понятие «интеграция». Это принципиально важно, ибо надо четко представлять, к чему стремиться и что в принципе достижимо. Сохранение разногласий в трактовке базового понятия несет в себе опасность подмены истинно интеграционного процесса проектами двустороннего уровня «местного» значения (что порой уже имеет место). И тогда термин «интеграция» рискует стать декларативным агитационным фантомом, лишенным большого экономического смысла.

В-вторых, следует продумать, как бы это ни было болезненно, вопрос о том, насколько реально нужна интеграция некоторым участникам кооперационного процесса в Центральной Азии. Как уже говорилось, есть вероятность, что кому-то из них полноценная интеграция особо и не нужна, ибо она видится им фактором, «ущем-

ляющим» их суверенитет. К тому же, интеграция не может происходить за счет только одного партнера (например, Китая), пусть и высоко платежеспособного. Это масштабный процесс, требующий отдачи от всех участников. И если выяснится, что на большее, нежели «простая» кооперация, у многих стран пока нет сил и средств, а главное — объективных экономических предпосылок, то надо будет осознать и принять то, что кооперация — пока еще магистральный путь экономического сотрудничества в Евразии. Принять и развивать ее механизмы, поскольку смысла и результативности в кооперации может оказаться больше, чем в преждевременной интеграции.

В-третьих, реальным «мостиком» между кооперацией и интеграцией видится действенное согласование конкретных многосторонних планов соработки — то есть реальный переход от приоритета двусторонней кооперации к преимущественно *многостороннему* сотрудничеству, пусть и не затрагивающему устои экономик стран-партнеров. Здесь представляется принципиально полезной увязка планов развития на перспективу. Механизмы ШОС и ЕАЭС, пожалуй, пригодны для выполнения этой задачи, потому необходима работа по полному раскрытию переговорного и консультационного потенциала двух структур.

В целом следует признать, что наполнение интеграционного (на начальном этапе — кооперационного) сотрудничества на евразийском поле происходит (пока и впредь будет происходить) во многом благодаря политической воле лидеров Китая и стран ЕАЭС (в первую очередь — России), ибо исходная неполнота объективных предпосылок и финансово-экономических средств для ведения «полновесной» интеграции диктует повышенную зависимость от политических стимулов сотрудничества.

Библиографический список

Градов А.П. Национальная экономика. СПб.: Питер, 2007. 233 с.

ЕАЭС пока не готов переходить на преференциальный режим торговли с Китаем — министр ЕЭК. URL: <https://www.belta.by/economics/view/eaes-poka-ne>

-gotov-perehodit-na-preferentsialnyj-rezhim-torgovli-s-kitaem-ministr-eek-362135-2019 (дата обращения: 12.10.2019).

Ломакин В.К. Мировая экономика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 735 с.

Международная экономическая интеграция / под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Экономист, 2006. 430 с.

Пармонов В., Камиллов И., Строков А. Состояние и перспективы интеграции в Центральной Азии // Экономическое обозрение. 2005. Февраль (Специальный выпуск). С. 6—11.

Сафронова Е.И. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 23—30.

Суюнбаев М.Н. Проблемы идентичности, пределов целесообразности интеграции и неоднородности ее процесса // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / под. ред. А.А. Князева. Бишкек: ОФА. Князева, Ин-т ЦАи Кавказа, 2007. С. 43—50.

Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009. 264 с.

References

EAES пока не готов переключиться на преференциальный режим торговли с Китаем — министр ЕЕК [The EEU is not yet ready to switch to a preferential trade regime with China, the EEC Minister said]. URL: <https://www.belta.by/economics/view/eaes-poka-ne-gotov-perehodit-na-preferentsialnyj-rezhim-torgovli-s-kitaem-ministr-eek-362135-2019> (accessed: 12 May, 2020). (In Russian).

Frolenkov V.S. Sovremennye torгово-ekonomicheskie otnosheniya KNR s central'noaziatskimi stranami-chlenami ShOS i Turkmenistanom [Modern trade and economic relations of the PRC with the Central Asian SCO member countries and Turkmenistan], Moscow: Institute of Far Eastern Studies (IDV) RAS, 2009. 264 p.

Gradov, A.P. Nacional'naya ekonomika [National economy], SPb: Piter, 2007. 233 p.

Lomakin, V.K. Mirovaya ekonomika [The world economy], M.: UNITY-DANA, 2004. 735 p. (In Russian).

Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integraciya [International economic integration], ed. N. N. Liventsev, M.: Ekonomist, 2006. 430 p. (In Russian).

Paramonov V., Kamilov I., Strokov A. Sostoyanie i perspektivy integracii v Central'noj Azii [Status and prospects of integration in Central Asia], Ekonomicheskoe obozrenie [Economic review], 2005, February (Special issue): 6—11. (In Russian).

Safronova, E.I. Proekt «Ekonomicheskij pojas Shelkovogo puti» i bezopasnost' v Central'noj Azii [The Silk Road Economic Belt project and security in Central Asia], *Problemy Dal'nego Vostoka [The Far Eastern Affairs]*, 2018, No 4: 23—30. (In Russian).

Suyunbayev M.N. Problemy identichnosti, predelov celesoobraznosti integracii i neodnomernosti ee processa [Issues of identity, limits of expediency of integration and heterogeneity of its process], *Proekty sotrudnichestva i integracii dlya Central'noj Azii: sravnitel'nyj analiz, vozmozhnosti i perspektivy [Projects of cooperation and integration for Central Asia: comparative analysis, opportunities and prospects]*, ed. by A.A. Knyazev, Bishkek: A. Knyazev Found., Institute of Central Asia and the Caucasus, 2007: 43—50.

В.А. Матвеев

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Автор сосредоточивает свое внимание на наличии внешних и внутренних вызовов евразийскому пространству. Внешняя часть проблем связана с особенностями нынешней экономической турбулентности в глобальной экономике, большой волатильностью финансовых и энергетических рынков, сложной внешнеполитической конъюнктурой, что в условиях высокой взаимозависимости особенно болезненно отражается на развивающихся экономиках.

Главная причина ухудшающихся внешнеполитических и внешнеэкономических условий развития на евразийском пространстве — продолжающееся геополитическое противоборство Запада и России, откуда вытекает и побочное явление — раскол постсоветского пространства по внешнеполитическим приоритетам. Дополнительные проблемы доставляет соперничество коллективного Запада (США и ЕС) с Китаем.

Автор подчеркивает, что определенная часть вызовов обусловлена особенностями внутреннего развития государств — членов ЕАЭС, расхождением их экономических интересов, стремлением защитить внутренний рынок и отечественных производителей.

Сложности евразийского проекта связаны с тем, что в него вошли страны, которые находятся на разных стадиях институционального развития, у них разные интересы и они ставят перед собой разные цели.

Отмечается, что одним из главных внутренних вызовов ЕАЭС является слабая внутренняя интегрированность евразийской группировки, выражающаяся в очень низком удельном весе взаимной торговли товарами. Для существенного увеличения доли взаимного товарооборота необходимо развитие внутриотраслевой кооперации, однако импульсы к этому не просматриваются.

Еще один важный вызов — проблемы формирования общего внутреннего рынка из-за всевозможных нетарифных барьеров.

Затронут вопрос целесообразности принятия в союз Узбекистана, плюсы и минусы его вхождения.

Анализируются новые нормативные документы по расширению торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР как шага на пути к сопряжению Евразийского экономического союза и китайской стратегической инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Россия, Китай, инициатива «Один пояс, один путь», Большая Евразия.

Автор: Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: matveeva@mail.ru

V.A. Matveev

External and internal challenges to the development of the Eurasian space

Abstract. The author focuses on the presence of external and internal challenges to the Eurasian space. The external part of the problems is related to the peculiarities of the current economic turbulence in the global economy, the high volatility of financial and energy markets, and the complex foreign policy environment, which is particularly painful for developing economies in conditions of high interdependence.

The main reason for the deteriorating foreign policy and foreign economic conditions of development in the Eurasian space is the ongoing geopolitical confrontation between the West and Russia, which also leads to a side phenomenon — the split of the post-Soviet space according to foreign policy priorities. Additional problems are caused by the rivalry of the collective West (the US and EU) with China.

The author emphasizes that a certain part of the challenges is caused by the peculiarities of the internal development of the EEU member Sta-

tes, the divergence of their economic interests, and the desire to protect the domestic market and domestic producers.

The difficulties of the Eurasian project are related to the fact that it includes countries that are at different stages of institutional development, they have different interests and they set different goals.

It is noted that one of the main internal challenges to the EEU is the weak internal integration of the Eurasian grouping, which is expressed in a very low share of mutual trade in goods. For a significant increase in the share of mutual trade, it is necessary to develop intra-industry cooperation, but there are no impulses for this.

Another important challenge is the problem of forming a common internal market due to various non-tariff barriers.

The article considers the draft of the most important document Strategic Directions for Developing of the Eurasian Economic Integration until 2025. A number of controversial provisions of the draft are analyzed. The need to adjust the most important document of the EEU is assessed.

The question of whether Uzbekistan should be admitted to the Union, as well as the pros and cons of joining it, was raised.

New regulatory documents on expanding trade and economic cooperation between the EEU and China as a step towards the integration of the Eurasian Economic Union and the Chinese strategic initiative One Belt, One Road are analyzed.

Keywords: The Eurasian economic Union, Russia, China, the One Belt, One Road initiative, Greater Eurasia.

Author: Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: matveeva@mail.ru

Как известно, под *евразийским пространством* понимается существенная часть постсоветского пространства, в настоящее время ищущая пути для экономической консолидации в целях дальнейшего развития. Инициатором интеграционных действий являлась Россия наряду с Казахстаном.

Нельзя отрицать наличие некоторых вызовов в реализации данного интеграционного проекта. Определенная часть этих проблем обусловлена особенностями внутреннего развития государств — членов сообщества, расхождением их экономических интересов,

стремлением защитить внутренний рынок и отечественных производителей.

Это правомерный процесс в условиях начальной стадии любого интеграционного образования, о чем свидетельствует пример ЕС.

Наряду с внутренними вызовами стоит отметить наличие и внешних вызовов. Эта часть проблем связана с особенностями нынешней экономической турбулентности в глобальной экономике, большой волатильностью финансовых и энергетических рынков, сложной внешнеполитической конъюнктурой, что в условиях высокой взаимозависимости особенно болезненно отражается на развивающихся экономиках.

При этом характерная черта современного периода на евразийском пространстве ухудшающиеся внешнеполитические и внешнеэкономические условия развития.

Главная причина — продолжающееся геополитическое противостояние Запада и России, откуда вытекает и побочное явление — раскол постсоветского пространства по внешнеполитическим приоритетам.

Одной из доминант современных международных отношений, по мнению ряда российских аналитиков, является соперничество коллективного Запада (США и ЕС) с Китаем. Эти группы стран представляют собой два системообразующих фактора международных отношений, в перспективе образующих своеобразную ось мировой политики [Актуальные вопросы...].

Что очень важно, между ними в настоящее время по сути развивается столкновение глобального масштаба.

Во-первых, за видение будущего облика международных отношений, что рельефно отразилось в программных докладах руководителей этих стран на мировой площадке Давоса-2020.

Председатель КНР Си Цзиньпин в течение нескольких лет продолжает продвигать новый принцип развития международных отношений на основе «сотрудничества и взаимной выгоды». Этот принцип начинает получать все более широкое развитие в практике международного сотрудничества. Он основан на использовании тактики компромиссов, обоюдного выигрыша и взаимовыгодных

соглашений. Предполагается, что такая тактика взаимных уступок и компромиссов в широкой перспективе развития международных отношений может стать хорошей основой долговременного сотрудничества. Использование такого принципа предполагает явную иллюзорность разрешения международных конфликтов силовым способом. Вместо этого значительную роль начинает играть такой универсальный механизм разрешения конфликтов, как переговорный процесс, что в конечном итоге позволяет выявить точки соприкосновения интересов конфликтующих сторон. И это является продуктивным.

В это же время Президент США Д. Трамп, напротив, провозгласил политику экономического обособления под лозунгом — «великое американское возвращение — возрождение нашей экономики», ориентированной на всемерное стимулирование американского экономического бума.

Во-вторых, продолжается полемика мировых акторов по поиску механизмов использования планетарных энергоресурсов — за дальнейшее развитие возобновляемых энергетических ресурсов (ВИЭ), внедрение в жизнь Парижского соглашения по климату, за контроль над источниками сырья и энергоресурсов и путями их транспортировки, за рынки сбыта в целях энергетической безопасности и развития национальных экономик.

Есть и много других причин для соперничества.

Исход этого противоборства во многом будет зависеть от того, на чьей стороне будет действовать достаточно крупная группировка постсоветских стран — Россия и сопредельные государства.

Постсоветское пространство представляет из себя значимую группировку государств как по площади, так и по ресурсной составляющей и за контроль над ним идет многосторонняя борьба со стороны доминирующих государств.

России же в таких условиях предназначена роль объекта мировой политики, которую разыгрывают в своих интересах два глобальных мировых игрока. Важно то, что при этом, независимо от того, кто окажется победителем или к кому примкнет Россия, она все-таки обречена играть роль младшего партнера [Гринберг Р.С...].

России и ее странам-партнерам важно выработать стратегические принципы развития евразийского пространства, гарантирующие стабильное существование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в XXI веке.

В стратегическом плане продвигая евразийскую интеграцию, Россия преследует следующие интересы:

- построить новый региональный экономический центр силы в противовес двум ведущим мировым державам;
- сформировать вокруг себя максимально позитивный пояс добрососедства;
- создать набор инструментов, позволяющий ускорить экономическое развитие России;
- укрепить свое влияние на евразийском континенте;
- в процессе интеграции сохранить за собой ведущую роль, имея возможность контролировать и направлять этот процесс.

Российское руководство придает строительству евразийской интеграции чрезвычайно важное значение, однако понимает, что это крайне сложная задача, на решение которой потребуется немало времени и сил.

Это потребует проведения как Россией, так и новыми независимыми государствами настойчивой и целеустремленной политики, направленной на продолжение формирования Евразийского Союза. При этом не случайно и в самой России, и в Беларуси, и в Казахстане немало политических сил, которые скептически относятся к перспективам Евразийского союза. И следует признать, что оснований для такого скептицизма более чем достаточно.

На взгляд некоторых аналитиков евразийский проект в процессе развития столкнулся с очень серьезными проблемами, связанными с тем, что в него вошли страны, которые находятся на разных стадиях институционального развития, у них разные интересы и они ставят перед собой разные цели [Якуб Бернат...].

Например, по мнению известного казахского аналитика Д. Соптаева, одним из главных вызовов ЕАЭС является сохранение внутренних противоречий между членами союза по причине разных целей их участия в этом проекте. С самого начала даже у трех государств — основателей ЕАЭС была разная повестка дня. Если для Ка-

захстана и Белоруссии приоритетом являлись экономические результаты, без ущемления политического суверенитета, то для России — это не столько экономический, сколько геополитический проект, который должен закрепить за ней роль региональной державы [Досым Сатпаев...].

В связи с этим ряд аналитиков предлагает сосредоточить усилия на главном направлении — формировании гибкого экономического партнерства современного типа, которое обеспечивало бы свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [Хейфец Б.А. Трансрегиональное ...].

В тоже время без динамичного изменения самой России, без превращения в важнейший фактор трансформации всего постсоветского пространства, выдвинутый ею новый геополитический проект не реализуется, что может привести к маргинализации ее роли в мировой политике. Без преувеличения сегодня можно говорить о том, что в зависимости от результатов политики России на постсоветском пространстве будет определяться будущее страны, ее целостность [Актуальные вопросы...].

Одним из главных внутренних вызовов ЕАЭС является слабая внутренняя интегрированность евразийской группировки.

Степень внутренней интегрированности группировки, судя по опыту развития других более успешных мировых интеграционных группировок, является одним из характерных признаков успешного развития интеграции. Фактически внутренняя интегрированность определяется как удельный вес взаимной торговли товарами в общем объеме внешней торговли стран альянса.

При этом, согласно данным западных исследований, самоподдерживаемый рост внутрирегиональной торговли в интеграционных группировках начинается с порога в 25 %. Для примера, у ЕС и НАФТА доля внутрирегиональной торговли существенно превышает данный критерий, например, по данным за 2017 г. соответственно 64 и 50 %. [World Trade....]

В этом отношении, согласно статистике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), показатель динамики взаимной торговли стран ЕАЭС на протяжении всей ее истории развития явно показы-

вадет не слишком мажорную картину, он менялся в 2014—2018 гг. в диапазоне 13—17 % (табл. 1).

Таблица 1. Динамика взаимной торговли товарами в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС, %

2014	2015	2016	2017	2018
13,8	15,8	16,4	16,9	15,7

Источник: [ЕЭК.2019. Статистика....]

Как видим, доля взаимной торговли стран ЕАЭС значительно уступает минимальному порогу интеграционной устойчивости в 25 %.

Поэтому без развития внутриотраслевой кооперации производства сложно ожидать существенного увеличения доли взаимного товарооборота. А импульсы к этому не просматриваются. По мнению ряда экспертов Института экономики РАН для ЕАЭС, с небольшим числом внутриконтинентальных стран с низкой в среднем «экономической плотностью» и заселенностью, разделенных большими расстояниями при слабо развитой транспортной инфраструктуре, с громадными различиями по размерам экономики и емкости национальных рынков 25%-ный критерий в обозримом будущем недостижим. [Евразийская интеграция....]

Другим принципиально важным вызовом евразийской интеграции, являются проблемы формирования общего внутреннего рынка. В целом до сих пор Евразийскому союзу не удастся обеспечить главную задачу — полную свободу перемещения товаров, услуг, людей и капитала. Негативную роль играют выстраиваемые странами — членами союза всевозможные нетарифные барьеры разного рода.

Следствием этого являются и сохраняющиеся барьеры и ограничения во взаимной торговле и отсутствие договоренности относительно единой валютной политики, и то, что ряд положений Договора имеет скорее рекомендательный, а не обязательный характер. [Г. Чуфрин....]

В ЕАЭС принят поэтапный план, подразумевающий создание секторальных общих рынков ЕАЭС в структуроопределяющих областях экономики, которые в перспективе станут основой для обра-

зования общего рынка союза. Однако данный процесс идет медленно, сложно преодолеваются разногласия сторон по отдельным принципиальным вопросам.

Один из самых сложных вопросов союза — формирование единого энергетического рынка и рынка энергоносителей в формате рынка газа, рынка нефти и нефтепродуктов.

Известно, что одним из немногих экспортных товаров на постсоветском пространстве, имеющих конкурентоспособность на мировом рынке, являются энергоресурсы, наряду с рядом других сырьевых ресурсов. В эффективной торговле ими заинтересованы многие из стран ЕАЭС.

Среди энергоресурсов камнем преткновения стали вопросы ценообразования на рынке газа. Однако возникают проблемы на пути к единому соглашению о формировании общего рынка газа. Ключевая проблема — определиться с ценой на транзит газа. В декабре 2018 г. была утверждена программа формирования единого рынка газа, она предусматривает разработку ряда концептуальных документов, таких как единые правила доступа к газотранспортным системам, порядок осуществления биржевых торгов газом и правила торговли на общем рынке топлива. Однако подходы к этим проблемам отдельных участников ЕАЭС существенно различаются.. [Хейфец Б.А. Как модернизировать ...]

Белоруссия и Армения выступают за принятие единого тарифа на услуги по транспортировке и транзиту газа. В то время как эту формулу поддерживают Россия, Казахстан и Киргизия. В конечном итоге Президент России Владимир Путин заявил, что, единый тариф на услуги по транспортировке и транзиту газа может быть реализован только на едином рынке, но пока такой интеграции в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) нет [Путин объяснил...].

Не менее сложная ситуация с общим рынком нефти, где Россией предусмотрено поэтапное реформирование цены на нефть с переносом центра тяжести рентных доходов с таможенных пошлин на НДС. Этот процесс еще далек от завершения.

Огромную проблему представляет собой такое новое явление, как **«исчезающий» транзит**. Например, поставки молочной продукции Белоруссии через Россию в Казахстан, Кыргызстан и Армению.

По данным Россельхознадзора, в 2017 г. к соседям по ЕАЭС не доехало 15 тыс. т молочной продукции, что составило 29 % от общего заявленного объема поставок белорусской продукции в указанные страны ЕАЭС. С января по сентябрь 2018 г. объем таких потерь составил 61 тыс. т, или 74,5 % всей ввезенной в Россию молочной продукции. Или, например, периодически обостряются отношения между Казахстаном и Кыргызстаном из-за пропуска контрабанды через киргизскую границу китайских товаров. Это наносит ущерб казахстанской экономике и осложняет многостороннее сотрудничество в рамках ЕАЭС. Это требует, по мнению Россельхознадзора, введения системы прослеживаемости и строгого контроля транзита на территории ЕАЭС. [Россельхознадзор заявил...] О попытках решения этой проблемы смотрите ниже.

Этот и масса других примеров свидетельствуют о том, что до сих пор отсутствует прочная идеологическая основа для сплоченности и солидарности между государствами-членами, которые по-прежнему предпочитают свои собственные национальные интересы единой парадигме партнерства. При этом помимо сложностей с формулировкой ценностных ориентиров, привлекательных для своих ближайших соседей, России до сих пор не удастся обосновать наличие общего внешнего противника или общих вызовов, без чего прочность альянсов и союзов под ее лидерством становится сложно достижимой [Рцхиладзе Г.В...].

Чрезвычайно важно отметить нарастающие сложности дальнейшего экономического развития России в условиях развивающегося мирового экономического кризиса. Это в конечном итоге проявляется в недостаточности ее финансовых ресурсов для реализации интеграционного евразийского курса.

В начале XXI в. российское руководство осознало, что сохранение высокого уровня экономических дотаций ближним партнерам по евразийскому пространству стало противоречить ее собственным интересам и практически не приносит никаких экономических или политических дивидендов.

Исходя из этого Россия встала на путь оптимизации прямой и косвенной финансовой поддержки стран евразийского пространства, сокращению линий кредитования стран ЕАЭС. Вследствие этого

отмечается рост конфликтов на высшем политическом и государственном уровне с партнерами России по ЕАЭС в форме открытых демаршей (например, заявления президента Беларуси А.Г. Лукашенко о выходе из ЕАЭС в случае сохранения изъятий и ограничений в общем торговом пространстве и т. п.). Вдобавок в условиях рецессии также сократились переводы из России трудовых мигрантов, которые играют важную роль для некоторых зарубежных государствах ЕАЭС.

Все это подтверждает тезис о том, что в связи с желанием России консолидировать постсоветское пространство вытекает необходимость внесения, если прямо сказать, определенной платы за интеграцию. В краткосрочном плане это сулит потери для нее, в то время как в долгосрочном плане — однозначный выигрыш для всех, в том числе и для нее самой. [Хейфец Б.А. Как модернизировать ...]

Кроме того, деструктивные процессы на евразийском пространстве связаны с тем, что санкционная война с Западом, включая последующие зеркальные меры России против стран Запада рикошетом бьют и по странам ЕАЭС. Между тем, как санкционные меры России против Запада не получили поддержки остальных стран ЕАЭС. Мало того, прежде всего через белорусскую границу на российский рынок потоком пошли запрещенные товары. В связи с этим, например, Россельхознадзор в апреле 2019 г. останавливал импорт груш и яблок из Белоруссии [Королев А...].

В тоже время между другими странами союза — Киргизией и Казахстаном продолжается тяжба по проблеме массированного занижения киргизской стороной таможенной стоимости китайских товаров.

Поэтому и возникла потребность в принятии нескольких базовых решений в сфере транзитных поставок.

Позитивно то, что страны ЕАЭС достаточно быстро отреагировали на проблему появления санкционных товаров и уже в мае 2019 г. на юбилейном саммите в Нур-Султане подписали Соглашение о механизме прослеживаемости движения товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС [Королев А...]

Главной целью соглашения по прослеживаемости заявлено обеспечение контроля за движением отдельных групп товаров и

противодействие серому импорту. Однако в настоящее время это всего лишь рамочный документ, он определяет базовые принципы такого обмена — конкретный перечень товаров должен быть утвержден отдельным решением сторон. При этом в основе механизма лежит документальный учет товаров путем создания в каждой из стран ЕАЭС информационной системы. Мало того, использование такого механизма влечет за собой четкую необходимость строить ее на общих стандартах и единой технологической платформе, используя наиболее современные разработки. При этом система прослеживаемости становится элементом цифровой трансформации экономики.

Вдобавок открытый обмен информацией между таможенными органами и надзорными структурами, участие в работе системы бизнеса позволит повысить общий уровень доверия друг к другу [Серый импорт...].

О необходимости выработки стратегических документов по развитию евразийского пространства говорится достаточно давно. Наконец распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 18 января 2019 г. была создана рабочая группа по подготовке документа, закладывающего основные контуры интеграции на долгосрочный период «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [О ходе подготовки...].

Так, глава Казахстана Касым-Жомарт Токаев выступил против наделения ЕЭК дополнительными компетенциями в вопросах здравоохранения, образования и науки, поскольку это «существенно меняет ее экономическую направленность». Негативной оценке подверглись и идеи участия Комиссии в двусторонних переговорах государств-членов с третьими странами по торгово-экономическим вопросам, поскольку сфера торговли услугами и инвестиции являются национальной компетенцией [Токаев предложил...].

Наконец Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года утверждена Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.

На текущей повестке дня ЕАЭС стоит вопрос о возможном присоединении к пятерке стран ЕАЭС еще двух стран ЦА: Узбекистана и Таджикистана.

И если вопрос о присоединении Таджикистана это не близкая перспектива, то вопрос с Узбекистаном стоит на текущей повестке дня ЕАЭС. Известно, что Узбекистан обладает достаточно развитым экономическим потенциалом и центральным положением в регионе, поэтому ЕАЭС заинтересован в его принятии. Однако перспективы вступления Узбекистана в организацию далеко не однозначны. Его вхождение имеет геополитическую и экономическую значимость.

Для России, по мнению многих экспертов, принятие Узбекистана в союз позволяет усилить свое геополитическое влияние на региональном и мировом уровне, а именно в плоскости взаимоотношений с ЕС, США, Китаем и рядом других крупных держав [Хиромон Бакозод...].

Имеется и немалый экономический мотив принятия Узбекистана как самой густонаселенной страны региона с крупным промышленным и аграрным потенциалом.

В 2016 г. в связи со сменой президента Узбекистан перешел от изоляционистской политики к новой экономической политике, основанной на приоритете региональной интеграции и либерализации торговли. В этих условиях большое значение имеет декларируемое ЕАЭС преимущество, а именно свободное перемещение рабочей силы, товаров, капитала и услуг [Сэм Буття...].

Утвержденная в 2017 г. Стратегия развития Узбекистана на 2017—2021 гг. выдвигает в качестве внешнеполитических ориентиров создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства. Что еще раз подтверждает приоритетную роль Центральной Азии для Узбекистана [От сближения Казахстана...].

В случае полноценного участия в совместном управлении развитием ЕАЭС у Узбекистана появятся возможности продвижения проектов по развитию региональных торговых и промышленно-кооперационных связей. Причем, что важно, участие Узбекистана с его далеко идущими планами может позитивно повлиять на стагнирующий в последнее время процесс развития ЕАЭС [Притчин С.А...].

При присоединении к ЕАЭС, в котором представлены важнейшие торговые партнеры Узбекистана, появляются весьма значимые

возможности для наращивания беспошлинной торговли. Одновременно предстоит серьезная работа по адаптации своего законодательства и своих таможенных практик под стандарты ЕАЭС, что будет сопряжено с пересмотром внутренних устоявшихся норм и правил.

Весьма важно, что Узбекистан при вступлении в союз получает сильный импульс к модернизации. Ведь сейчас статус страны в постсоветском пространстве, это поставщик гастарбайтеров с далеко неразвитым рынком труда, высокой безработицы, достаточно слабой экономикой и низкий уровень жизни, который приводит к утечке рабочих рук и мозгов. Если развивать только трудовую миграцию с соответствующим потоком денежных переводов от мигрантов, то страна так и застрянет в роли поставщика дешевой рабочей силы, не повысив качество собственного человеческого капитала, а также производительность и квалификацию трудовых ресурсов. А это поставит крест на всех попытках Мирзиёева провести модернизацию экономики [Зачем Узбекистан...].

Тем не менее, на настоящий момент Узбекистан принял решение о поэтапном вступлении в союз. И в марте 2020 г. Правительство Узбекистана одобрило предложение о сотрудничестве с ЕАЭС в качестве государства-наблюдателя (как и Молдавия). Статус государства-наблюдателя позволяет представителям страны присутствовать на мероприятиях союза и обязывает не предпринимать действий, направленных против ЕАЭС. Но реальных бонусов не дает, как, впрочем, и проблем [Кривошеев К....].

В конце концов, по завершении второго десятилетия XXI века мир вошел в новый мировой экономический кризис, в котором начинают возникать как новые вызовы и угрозы национальной безопасности, так и в целом всему порядку международных отношений.

Особенно следует выделить тот факт, что существенным вызовам подвергается сложившийся порядок мировой торговли в рамках ВТО.

Акцент при этом смещается на нетарифные ограничения, особенно так называемые целевые протекционистские меры, число которых постоянно растет. Они дополняются санкциями в качестве

нового (по крайней мере, для крупных держав) значимого барьера для международного обмена.

Глобальная экономическая конкуренция вынуждает использовать нерыночные методы воздействия — изоляцию и отчужденность. Такой подход создает барьеры не только в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, но и в цифровой экономике и инновационных отраслях. Новые барьеры менее заметны: вместо торговых пошлин и квот сегодня активизированы такие инструменты, как «внутристрановые» ограничительные меры — программы финансовой помощи, дотации, субсидии и требования «покупать продукцию местных производителей» [Иэн Бреммер...].

Важно также и то, что неопротекционизм стал отличительной особенностью ведущей торговой державы мира — США, раньше считавшейся апологетом свободной мировой торговли. Растущий протекционизм и все более интенсивное применение санкций в качестве внешнеполитического инструмента являются основными деструктивными тенденциями в развитии мировой торговли в настоящее время.

Типичной чертой международной торговли в XXI в. становится все более активное применение практики заключения региональных торговых соглашений (РТС).

Именно применение РТС между странами является сегодня одним из ведущих направлений развития внешнеторговой политики и ключевым инструментом продвижения интересов национальных производителей на внешних рынках в рамках правил ВТО и ОЭСР [Региональные торговые...]

РТС оформляются как взаимные соглашения между странами-участниками, в которых прописываются взаимные уступки в виде снижения тарифов, квот и других торговых ограничений. Важно, что такие соглашения распространяются не только на торговлю товарами и услугами, но и на сферу интеллектуальной собственности, а также на нетарифные барьеры в торговле, миграция и конкуренция [Региональные торговые...]. Мало того, современные РТС существенно расширили страновой масштаб охвата соглашениями.

РТС действуют в двух форматах: соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ), а также соглашения об экономической интеграции

(Economic Integration Agreements — EIA). При этом ЗСТ являются более глубоким типом интеграции, при котором странами-участниками отменяются тарифные и количественные ограничения во взаимной торговле [Прохоренко А. ...].

В настоящее время в международной торговле продолжается борьба за наиболее важные рынки и стремление получить торговые преференции.

На современном этапе развития формат региональных торговых соглашений вышел на совершенно новый виток — создание масштабных соглашений, включающих страны из разных регионов мира или мегарегиональных торговых соглашений (МРТС).

Согласно мировой практике МРТС заключается как минимум между тремя странами и/или региональными группировками. При этом МРТС имеют развитую нормативную базу, как правило, выходящую за рамки действующих норм ВТО.

РТС последних лет — это, как правило, соглашения об экономической интеграции, на базе которых происходит становление нового интеграционного формата с более или менее выраженными чертами общего рынка и даже элементами экономического союза.

Именно в таких внешних обстоятельствах происходит дальнейшее развитие ЕАЭС.

Как известно, одной из слабых сторон ЕАЭС является недостаточность масштабов общего евразийского рынка, на пространстве которого проживает всего 180 млн чел. Это не способствует стабильности и эффективности развития всего объединения.

На эту проблему в свое время обратили внимание лидеры ведущих стран ЕАЭС: В.В. Путин и Н.А. Назарбаев. В связи с этим была инициирована идея формирования «Большой Евразии». Было предложено создание Большого евразийского партнерства на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) [Кузьмина Е.М...].

Естественно, что наиболее крупным потенциальным партнером ЕАЭС в евроазиатском масштабе может быть только Китай. Выдвинутая им стратегическая инициатива ОПОП будет определять внешнеэкономические действия Китая, по крайней мере, на ближайшее десятилетие. В ее реализации государствам — членам ЕАЭС, а точ-

нее странам центрально-азиатского региона и России, с самого начала отводилась особая роль.

Далее идея «Большой Евразии» начала реализовываться к конкретным нормативно-правовых актах. В 2015 г. по инициативе КНР было подписано Соглашение по сопряжению двух проектов — ЕАЭС и ОПОП. Эта инициатива подразумевала создание общих проектов в четырех основных инфраструктурных направлениях: транспорте, энергетике, телекоммуникациях и финансах.

Следующим шагом в направлении сопряжения экономического союза и стратегической инициативы ОПОП была разработка Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Оно было подписано в мае 2018 г. в Астане.

Как отмечают эксперты, данное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем не является «классической» зоной свободной торговли. Преференции (тарифы) оно не затрагивает. В фокусе соглашения — снижение уровня нетарифных барьеров, совершенствование таможенного администрирования и упрощение процедур торговли [Винокуров Е....].

Особенно стоит отметить сложность торгового сотрудничества стран ЕАЭС с Китаем. Значимых проблем здесь две.

Главная проблема — это целесообразность введения режима свободной торговли с соответствующим снижением пошлин на товары китайского импорта. Страны ЕАЭС до сих пор не готовы к заключению зоны свободной торговли с такой громадной торговой державой как Китай. Потребительский сектор стран ЕАЭС явно не выдержит масштабного наплыва дешевых китайских товаров. Поэтому основная цель ЕАЭС — это создать внутренний рынок союза, где можно развивать собственное производство, а уж потом выходить на рынки третьих стран.

Второй проблемой является различие интересов стран союза в отношении взаимодействия с Китаем. В связи с этим такие чувствительные вопросы, как торговые преференции вынесены за рамки Соглашения.

Исходя из этих позиций, главной целью Соглашения стало снижение неторговых барьеров, препятствующих доступу на страновые рынки и повышение прозрачности регулирования.

Среди наиболее важных норм, прописанных в Соглашении, следует отметить такие, как положения по мерам защиты внутреннего рынка, техническим барьерам в торговле, санитарным и фитосанитарным мерам, таможенному сотрудничеству. Особенное внимание уделено мерам по защите интеллектуальной собственности, а также сотрудничеству в сфере госзакупок и электронной торговле.

Важно, что спорные вопросы с китайской стороны евразийский бизнес может решать через Евразийскую экономическую комиссию [Эксперты оценили...].

Что важно, подразумевается, что данное соглашение между ЕАЭС и КНР является лишь первым из целой группы договоров, которые в ближайшее десятилетие будут подписаны между Китаем и Евразийским союзом, включая и соглашение о зоне свободной торговли.

Библиографический список

Актуальные вопросы внешней политики Российской Федерации/ Аналитический вестник. № 16(569) М., Совет Федерации, 2015. С.54. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d559cc25ca12f921f3.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).

Гринберг Р.С. О новой концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/767> (дата обращения: 20.04.2020).

Якуб Бернат. Евразийская интеграция провалилась? Forsal, Польша. 17.11.17 URL: <https://inosmi.ru/politic/20171117/240783111.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Досым Сатпаев: Грозит ли Евразийскому экономическому союзу eKZit? Ratel.kz. 18.06.16. URL: https://ratel.kz/outlook/dosym_satpaev_grozit_li_evrazijskomu_ekonomicheskomu_sojuzu_ekzit (дата обращения: 02.04.2020).

Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. С. 57. URL: <https://inecon.org/publikaczii/nauchnye-doklady/xejfecz-ba-transregionalnoe-pereformatirovanie-globalnogo-ekonomicheskogo-prostranstva-vyzovy-dlya-rossii.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Зевин Л.З. Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2009.С.9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-04-057-postsovetskoe-prostranstvo-v-globaliziruyuschemya-mire-problemy-modernizatsii-otv-red-zevin-l-z-spb-aleteyya-2008-312-s> (дата обращения: 02.04.2020).

ЕЭК (2019). Статистика внешней и взаимной торговли товарами. URL: www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 02.04.2020).

Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб.: Алетея, 2—19. С.79).

Чуфрин Г. Международные организации экономического сотрудничества на постсоветском пространстве. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_04/7-Chufrin.pdf (дата обращения: 02.04.2020)

Хейфец Б.А. Как модернизировать Евразийский экономический союз: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019. 45 с. URL: https://inecon.org/docs/2019/Kheifets_paper_2019.pdf (дата обращения: 02.04.2020)

Путин объяснил отсутствие единого тарифа на транспорт газа в ЕАЭС. URL: https://russian.rt.com/business/news/747822-tarif-gaz-eaes?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 02.04.2020)

Россельхознадзор заявил в Евразийскую экономическую комиссию о необходимости принятия мер в отношении поступающей из Белоруссии в Россию запрещенной продукции. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/28759.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Рихиладзе Г.В. Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 18. С. 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-vneshnego-avtoriteta-dlya-malyh-gosudarstvi-integratsiya-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 20.04.2020).

Королев А. Союз с неясными границами: с чем ЕАЭС пришел к своему пятилетию. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/10/06/2019/5cfa4b749a7947c4365f7e9b> (дата обращения: 02.04.2020).

Серый импорт загорится красным. URL: <https://rg.ru/2018/01/29/rossiia-polu-chit-novye-instrumenty-protiv-kontrabandy.html> (дата обращения: 02.04.2020).

О ходе подготовки документа, определяющего стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Распоряжение N 45 Совета ЕЭКот18 ноября 2019 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/564290818> (дата обращения: 02.04.2020).

Токаев предложил скорректировать стратегию развития ЕАЭС до 2025 г. Eurasia.Expert. 19.05.2020 г. URL: https://eurasia.expert/tokaev-predlozhil-skorrektirovat-strategiyu-razvitiya-eaes-do-2025-goda/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 02.04.2020).

Хиромон Бакозода. Узбекистан и ЕАЭС: политическая мотивация или экономические соображения? 10.10.2019. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1570690680> (дата обращения: 02.04.2020).

Сэм Буття. Будет ли Узбекистан в выигрыше от членства в ЕАЭС? 20.01.2020. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1579505700> (дата обращения: 02.04.2020).

От сближения Казахстана и Узбекистана выиграют все — эксперты. 3.03.2017 URL: <https://365info.kz/2017/03/ot-sblizheniya-kazahstana-i-uzbekistana-vyigra-yut-vse-eksperty> (дата обращения: 02.04.2020).

Притчин С.А. Евразийский экономический союз расколел Узбекистан. 25.11.2019. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1574629200> (дата обращения: 02.04.2020).

Зачем Узбекистан заманивают в ЕАЭС? 19.10.2019. URL: https://forbes.kz/finances/integration/zachem_uzbekistan_zamanivayut_v_eaes (дата обращения: 02.04.2020).

Кривошеев К. Евразийский зритель. Будет ли Узбекистан вступать в ЕАЭС, 06.02.2020 URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1580937660> (дата обращения: 02.04.2020).

Иэн Бреммер. 10 главных рисков для мира в 2018 г. // Time. США, 04.01.2018. URL: <http://inosmi.ru/social/20180104/241135004.html> (дата обращения: 20.04.2020).

Региональные торговые соглашения. Инф. бюл. «Новости ОЭСР», No5(8) 201, Центр ОЭСР — ВШЭ ИСИЭЗ, С.3. URL: <http://docplayer.ru/50793335-Regionalnye-torgovye-soglasheniya.html> (дата обращения: 20.04.2020)

Прохоренко А. Региональные торговые соглашения. ВШЭ. Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. URL: <https://oecsdentre.hse.ru/nletter8.1> (дата обращения: 20.04.2020).

Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем. *Проблемы постсоветского пространства.* 2017; 4(3): 229—239. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-229-239 (дата обращения: 20.04.2020).

Винокуров Е.: соглашения ЕАЭС с Ираном и Китаем носят компромиссный характер. 17.05.2018. URL: <https://ru.sputniknews.kz/economy/20180517/5654270/eaeu-soglashenie-iran-china.html> (дата обращения: 02.04.2020)

Эксперты оценили перспективы торгового соглашения Китая и ЕАЭС-РИА. Новости. 17.05.18. URL: <https://ria.ru/economy/20180517/1520769684.html> (дата обращения: 20.04.2020).

World Trade Statistical Review 2018. Geneva: WTO? 2018. P.74. URL: https://www.wto-ilibrary.org/trade-monitoring/world-trade-statistical-review-2018_0ab3aa40-en (дата обращения: 02.04.2020) (На англ.яз.).

References

Aktual'nye voprosy vneshnej politiki Rossijskoj Federacii/ Analiticheskij vestnik. № 16(569) M., Sovet Federacii, 2015. S.54. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d559cc25ca12f921f3.pdf> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Chufrin G. Mezhdunarodnye organizacii ekonomicheskogo sotrudnichestva na postsovetskom prostranstve. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_04/7-Chufrin.pdf (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Dosym Satpaev: Grozit li Evrazijskomu ekonomicheskomu soyuzu eKZit? Ratel.kz. 18.06.16. URL: https://ratel.kz/outlook/dosym_satpaev_grozit_li_evrazijskomu_ekonomicheskomu_sozuzu_ekzit (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

EEK (2019). Statistika vneshnej i vzaimnoj torgovli tovarami. URL: www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Eksperty ocenili perspektivy torgovogo soglasheniya Kitaya i EAES-RIA. Novosti.17.05.18. URL:<https://ria.ru/economy/20180517/1520769684.html> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Evrazijskaya integraciya v turbulentnom mire/Otv.red. L.B.Vardomskij. SPb.: Aletejya,2-19. S.79).

Grinberg R.S. O novoj koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/767> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Hejfec B.A. Kak modernizirovat' Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: Nauchnyj doklad. M.: Institut ekonomiki RAN, 2019. 45 s. URL: https://inecon.org/docs/2019/Kheifets_paper_2019.pdf (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Hejfec B.A. Transregional'noe pereformatirovanie global'nogo ekonomicheskogo prostranstva. Vyzovy dlya Rossii. Nauchnyj doklad. — M.: Institut ekonomiki RAN, 2016. S. 57. URL: <https://inecon.org/publikaczii/nauchnye-doklady/xejfecz-ba-trans-regionalnoe-pereformatirovanie-globalnogo-ekonomicheskogo-prostranstva-vyzovy-dl-ya-rossii.html>(accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Hironon Bakozoda. Uzbekistan i EAES: politicheskaya motivaciya ili ekonomicheskie soobrazheniya? 10.10.2019. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1570690680> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Ien Bremmer. 10 glavnyh riskov dlya mira v 2018 godu. Zh-l «Time», SShA, 04.01.2018. URL: <http://inosmi.ru/social/20180104/241135004.html> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Korolev A. Soyuz s neyasnymi granicami: s chem EAES prishel k svoemu pyatiletiyu. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/10/06/2019/5cfa4b749a7947c4365f7e9b> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Krivosheev K. Evrazijskij zritel'. Budet li Uzbekistan vstupať v EAES, 06.02.2020 URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1580937660> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Kuz'mina E.M. «Bol'shaya Evraziya»: interesy i vozmozhnosti Rossii pri vzaimodejstvii s Kitaem. Problemy postsovetского prostranstva. 2017; 4(3):229-239. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-229-239 (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

O hode podgotovki dokumenta, opredelyayushchego strategicheskie napravleniya razvitiya evrazijskoj ekonomicheskoy integracii do 2025 goda. Rasporyazhenie N 45 Soveta EEKot18 noyabrya 2019 goda. URL: <http://docs.cntd.ru/document/564290818> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Et sblizheniya Kazahstana i Uzbekistana vygrayut vse — eksperty. 3.03. 2017. URL: <https://365info.kz/2017/03/ot-sblizheniya-kazahstana-i-uzbekistana-vygrayut-v-se-eksperty> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Pritchyn S.A. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz raskolot Uzbekistan. 25.11.2019. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1574629200> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Prohorenko A. Regional'nye torgovye soglasheniya. VShE. Centr kompetencij po vzaimodejstviyu s mezhdunarodnymi organizაციyami. URL: <https://oecdcentre.hse.ru/nletter8.1> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Putin ob "yasnil otsutstvie edinogo tarifa na transport gaza v EAES. URL: https://russian.rt.com/business/news/747822-tarif-gaz-eaes?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Rekhiladze G.V. Faktor vneshnego avtoriteta dlya «malyh» gosudarstv i integraciya na postsovetском prostranstve. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, № 18, S.33 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-vneshnego-avtoriteta-dlya-malyh-gosudarstv-i-integratsiya-na-postsovetском-prostranstve> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Regional'nye torgovye soglasheniya. Inf.byul. «Novosti OESR», No5(8) 201, Centr OESR — VShE ISIEZ, S.3. URL: <http://docplayer.ru/50793335-Regionalnye-torgovye-soglasheniya.html> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Rosssel'hoznadzor zayavil v Evrazijskuyu ekonomicheskuyu komissiyu o neobходимosti prinyatiya mer v otnoshenii postupayushchej iz Belorussii v Rossiyu zapreshchennoj produkcii. URL: <http://www.fsvps.ru/fsvps/news/28759.html> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Sem Butiya. Budet li Uzbekistan v vyigryshe ot chlenstva v EAES? 20.01.2020. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1579505700> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Seryj import zagoritsya krasnym. URL: <https://rg.ru/2018/01/29/rossiia-poluchit-novye-instrumenty-protiv-kontrabandy.html> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Tokaev predlozhit skorrektirovat' strategiyu razvitiya EAES do 2025 goda. Eurasia.Expert. 19.05.2020 g/ URL: https://eurasia.expert/tokaev-predlozhit-skorrektirovat-strategiyu-razvitiya-eaes-do-2025-goda/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Vinokurov E.: soglasheniya EAES s Iranom i Kitaem nosyat kompromisnyj karakter. 17.05.2018. URL: <https://ru.sputniknews.kz/economy/20180517/5654270/caeu-soglashenie-iran-china.html> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

World Trade Statistical Review 2018. Geneva: WTO? 2018. P.74. URL: https://www.wto-ilibrary.org/trade-monitoring/world-trade-statistical-review-2018_0ab3aa40-en (accessed: 02 April, 2020).

Yakub Bernat. Evrazijskaya integraciya provalilas'? Forsal, Pol'sha. 17.11.17 URL: <https://inosmi.ru/politic/20171117/240783111.html> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Zachem Uzbekistan zamanivayut v EAES?. 19.10.2019. URL: https://forbes.kz/finances/integration/zachem_uzbekistan_zamanivayut_v_eaes (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Zevin L.Z. Postsovetskoe prostranstvo: regional'naya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo rosta. Nauchnyj doklad. M.: IE RAN, 2009.S.9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-04-057-postsovetskoe-prostranstvo-v-globaliziruyuschemsya-mire-problemy-modernizatsii-otv-red-zevin-l-z-spb-aleteyya-2008-312-s> (accessed: 02 April, 2020). (In Russian).

Ю.В. Морозов

УГРОЗЫ США И РИСКИ КНР ДЛЯ РОССИИ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В XXI ВЕКЕ*

Аннотация. В начале XXI века наиболее актуальными для сохранения безопасности и развития международного сообщества на глобальном уровне являются геополитические процессы в Евразии, где Россия была выбрана в качестве противника Соединенных Штатов. При этом военно-политический инструмент Вашингтона — НАТО дает ему возможность оказывать политическое давление на союзные по альянсу страны с целью введения по отношению к Москве политических и экономических санкций за ее независимую от Запада политику на международной арене. Другим элементом политики Вашингтона является прессинг на другие государства мира в интересах свертывания их связей с Россией в экономической, научно-технической и иных сферах. На этом фоне Китай стремительно наращивает свой удельный вес в глобальной экономике, оказывающей значительное влияние на состояние глобальных процессов, которые содержат некоторые риски в сфере российско-китайских отношений. Несмотря на противодействие Запада и наличие проблем со своим стратегическим партнером в политической области — Китаем, Россия стремится вернуть себе статус «великой державы» в

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 19-014-00009.

XXI веке, утраченный после распада Советского Союза. Исходя из этих обстоятельств, в статье проводится анализ форм и способов противодействия Соединенным Штатам и их союзникам, которые препятствуют возрождению России как мощного государства путем использования своей «мягкой и жесткой силы», а также вызовы для РФ в области взаимоотношений с КНР. В ней также рассматриваются сильные и слабые стороны внутренней политики и перспективы развития России в XXI веке. В заключении автор приходит к выводу о том, что в третьем десятилетии нынешнего века у России есть все шансы для того, чтобы успешно начать возвращение себе статуса великой державы на глобальном уровне с опорой на свою внешнюю политику, военную мощь и при поддержке стратегических партнеров.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, угрозы, риски, геополитика, стратегия.

Автор: Морозов Юрий Васильевич, к. воен. н., профессор, ведущий научный сотрудник Институтов Дальнего Востока и США и Канады РАН. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Yu. V. Morozov

USA Threats and China's Risks for Russia and its Prospects in the 21st Century

Abstract. At the beginning of the 21st century, the most relevant for preserving the security and development of the international community at the global level are the geopolitical processes in Eurasia, where Russia chosen as the enemy of the United States. At the same time, Washington's military and political tool, NATO, gives it the opportunity to exert political pressure on allied countries in order to impose political and economic sanctions on Moscow for its policy independent of the West in the international arena. Another element of Washington's policy is to put pressure on other countries in the world in order to curtail their ties with Russia in the economic, scientific, technical and other spheres. On this background, China is rapidly increasing its share in the global economy, which has a significant impact on the state of global processes that contain some risks in the sphere of Russian-Chinese relations. Despite Western opposition and problems with its strategic political partner, China, Russia is striving to regain the status of a Great Power in this century that it lost after the collapse of the Soviet Union. Based on these circumstances, the

article analyzes the forms and methods of countering the United States and its allies, which prevent the revival of Russia as a powerful state by using its soft and hard power, as well as challenges for the Russian Federation in the field of relations with the PRC. It also examines the strengths and weaknesses of domestic policy and the prospects for Russia's development in the twenty-first century. In conclusion, the author comes to the point that in the third decade of this century, Russia has every chance successfully begin to regain its status as a Great Power at the global level, relying on its foreign policy, military power and with the support of its strategic partners.

Keywords: Russia, USA, China, geopolitics, strategy, challenges, risks.

Author: Yury V. Morozov, Ph. D. in sciences (Military). Leading employee of the Institutes of Far East Studies and of USA and Canada RAS. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Геополитические угрозы в Евразии России в XXI веке

Для определения существующих и перспективных угроз для РФ следует учитывать выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по политике безопасности в 2007 г., которое было посвящено месту России в однополярной системе мира. По итогам его выступления многие политологи стали говорить о том, что на международной арене все более отчетливо стала проявляться тенденция окружения России тремя враждебными «кордонами», затрудняющими реализацию ее интересов, связанных с политикой и стратегией РФ в Евразии, призванных преодолеть отчуждение от интеграционных процессов в мире.

Первый «кордон» образуют традиционные противники России, к которым относятся США и ряд западноевропейских государств, которые ввели санкции против нее с целью снижения экономического роста и влияния на международные дела. Тенденцией стран «второго кордона» является стремление ряда постсоветских государств проводить политику отчуждения от России при поддержке Запада (такую направленность демонстрируют государства Балтии, где развернуты силы НАТО, способные наносить удары по эконо-

мическим и политическим центрам на территории РФ, а также Украина и Грузия, которые втянуты в орбиту влияния НАТО). Третий «кордон» образуют бывшие страны Варшавского договора, сделавшие русофобию доктринальным принципом своих отношений с РФ, особенно Польша, Румыния и ряд других государств [Петросян Э.].

Появлению двух последних «кордонов» способствовал тот факт, что в конце XX в. слабым звеном геополитики России являлся недоучет влияния «мягкой силы» в международных отношениях. Москва после распада СССР, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» статус-кво нарушаться не будет, и что Запад не станет вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию отношений с бывшими республиками СССР и государствами Варшавского договора. Она финансировала там свои мероприятия «мягкой силы» по остаточному принципу, в расчете на то, что эти страны экономически и исторически, и так прочно связаны с Россией. Запад же во главе с США в нарушение договоренностей — явно или тайно действовал. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» их в соответствии со своими интересами. В силу этого ряд государств европейского региона стали переориентироваться от РФ в сторону США, НАТО и ЕС. Сначала это было осуществлено странами Восточной Европы и Балтии, а затем Грузией и Украиной. А когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, пропагандировать притягательность сотрудничества с РФ оказалось уже поздно. Так ей был дан серьезнейший урок на тему недоучета роли «мягкой силы» в международных отношениях [Морозов Ю.].

Политика и стратегия США в отношении России

После воссоединения Крыма с РФ США и ряд их союзников ввели по отношению к России экономические и иные санкции. По

подсчетам российских экспертов, за период с 2014 по 2017 гг. общее сокращение притока капитала в РФ из-за этих санкций, составило 280 млрд долл. Эти оценки касаются только прямого ущерба потерь от сокращения объемов экспорта. Но самые большие угрозы для РФ несет ущерб косвенный — закрытие доступа к высоким технологиям и финансовым рынкам, что усугубляет технологическое отставание страны, подавляя рост ее ВВП (по подсчетам МВФ, санкции привели в 2015 г. к сокращению ВВП России на 1—1,5 %, а их дальнейшее сохранение — к сокращению ВВП еще на 9 %).

Помимо этого, Вашингтон, противостоящий политике Москвы в сфере нормализации отношений с Украиной, заинтересован в военной победе Киева над ЛНР и ДНР и создании украинского государства, «свободного от российского влияния». И даже если задачи Минских соглашений по Украине будут решены, Вашингтон продолжит усилия по изоляции России, чтобы компенсировать ущерб американскому влиянию в мире, нанесенный крымским инцидентом. Помимо этого, Вашингтон будет продолжать использовать методы «промывки мозгов» международному сообществу с целью поддержания тезиса о приоритете американских ценностей над остальными.

Это связано с тем, что геополитика Вашингтона в XXI в. исходит из необходимости сохранения лидерства США на планете с использованием для этого при необходимости военной силы. Эта закреплена в военной стратегии США и «Четырехгодичном докладе о состоянии обороны», где определены главные цели: «расширить сферы военного присутствия по всему миру и обеспечить ВС США средствами, позволяющими адаптироваться к внезапности» [Планирование развития ВС США]. В целях реализации этих целей США укрепляют связи с государствами-партнерами в рамках военно-политических альянсов, где важным элементом американской стратегии является намерение обеспечить Америке неограниченный доступ к объектам всеобщего достояния, которые являются жизненно важными для доминирования США в мире. А любой государственный или негосударственный актор, препятствующий свободному доступу к данным объектам, расценивается Белым домом как источник угрозы для безопасности США, и против него может быть при-

менена «жесткая сила». Для этого Америка ежегодно тратит на военные нужды намного больше, чем любое другое государство мира. Так, только оборонная часть госбюджета США в 2020 г. составляет около 750 млрд долл., что почти в 17 раз превышает аналогичную расходную часть госбюджета России. Помимо этого, по замыслам Д. Трампа, финансирование следует урезать государствам, нарушающим режим санкций, введенных против РФ, Ирана и КНДР [Что испугало Трампа]. В их отношении Вашингтон также будет применять «информационные войны», введения против них ограничений, а также попыток инициирования в этих странах «цветных революций» для создания там проамериканских режимов.

Это связано с постулатом Трампа о возрождении «американского величия и соперничества великих держав», прописанным в нынешней «Стратегии национальной обороны» США. Для реализации этого тезиса на практике Белый дом приступил к перестройке своих ВС. По замыслу американских стратегов, они должны быть готовы к войне, в том числе с Россией, ведущейся во всех сферах, включая космос и киберпространство. С этой целью в 2019 г. была утверждена «Стратегия модернизации Армии 2019: инвестируя в будущее», которая стала ориентиром в деле совершенствования видов ВС США [USA news...]. К 2028 г. они должны быть готовы вести операции на одном ТВД, а к 2035 г. — одновременно на нескольких ТВД в составе объединенных группировок коалиционных сил НАТО. В Пентагоне также разработана концепция о первом «обезоруживающем ударе», в ходе которого планируется нейтрализовать СЯС РФ боезарядами крылатых ракет (КР). Также разрабатываются гиперзвуковые ракеты разных типов, способные летать со скоростью до 10 Махов, преодолевая расстояние в 1 тыс. км менее чем за 5 мин. Поэтому под их ударом могут оказаться практически все цели на территории РФ. Этот потенциал лежит в основе концепции «Глобального молниеносного удара», предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара по противнику США в любой точке мира [Conventional Prompt Global Strike...]. В своих планах по отношению к России стратеги Пентагона рассчитывают использовать природное расположение Америки — ее берега омывают два океана, которые по своей природе защищают территорию США.

Пентагон использует это преимущество в полной мере — у него полное господство в Атлантике и Тихом океане, которое обеспечивается флотами ВМС с авианосцами, на борту каждого находятся порядка 95 самолетов, из них 65 ударных, способных нести ядерное оружие.

А для защиты от контрударов с воздушного пространства и из космоса Пентагон продолжает активно создавать глобальную систему ПРО, способную защитить территорию США и их силы за рубежом. Объединение систем ПРО НАТО в рамках единой системы управления и их установка на Ближнем Востоке и в Азии будет свидетельствовать о практической реализации плана развертывания глобальной ПРО. По ее завершении может измениться существующая природа международных отношений. Ключевым стимулом поведения на международной арене станет не соблюдение норм международного права, а стремление ряда стран использовать глобальную ПРО для защиты своих интересов. При таком сценарии роль Совбеза и других институтов ООН может быть существенно девальвирована. Также становится очевидным, что Договор СНВ-3 просуществует до 2021 г., когда США развернут в Европе противоракеты SM-3, способные перехватывать российские МБР.

Роль стратегии Китая в глобальных процессах и ее влияние на Россию

В настоящее время КНР возглавляет Си Цзиньпин, самый влиятельный руководитель Китая после Мао Цзэдуна, который, как и «великий кормчий Мао», рассчитывает долго управлять страной в силу того, что он занимает должность генсека ЦК КПК и одновременно председательствует во многих комитетах, принимающих решения относительно путей развития КНР. Под руководством КПК экономика Китая стала крупнейшей в мире. Так, в 2019 г. доля валового внутреннего продукта (ВВП) КНР в мировом ВВП составила 17,08 % [Рейтинг экономик мира 2019...], хотя еще в начале XX в. уровень экономического развития Китая был очень низким. Этот высокий показатель КНР был достигнут благодаря стратегии, разра-

ботанной Дэн Сяопином и направленной на проведение масштабных экономических реформ, а также политики «открытости» страны, которая помогла Китаю занять лидирующие позиции в мире.

Основными компонентами этой стратегии являются: аграрная реформа, согласно которой крестьяне получили дополнительные права на ведение хозяйства и реализацию произведенной ими продукции; предоставление прав пользования землей, не подлежащей, однако, продаже; поощрение частного предпринимательства, особенно в торговле и сфере услуг; привлечение иностранного капитала и развитие экспортного производства; создание специальных экономических (экспортных) зон с высокой производственной инфраструктурой и налоговыми льготами; госконтроль над финансами, крупными предприятиями, транспортом и связью. Благодаря этому средние темпы роста ВВП Китая достигают в зависимости от года 9,8 %. И в будущем КНР намерена динамично развиваться: в 2019 г. она уже превратилась во второй после США «полюс» мировой экономики, и если существующие тенденции сохранятся, то к 2030 г. она может стать самой крупной экономикой мира [Современный Китай и его роль...]. Для этого в КНР большое внимание уделяется развитию автомобилестроения, текстильной и нефтехимической промышленности, производству качественного оборудования бытового назначения, судостроению, развитию электронной информатики и логистики и расширению экспорта китайских товаров. КНР также активно участвует в процессах создания «свободных экономических зон» с международными структурами, например, с АСЕАН, способных конкурировать с «Североамериканской зоной свободной торговли».

Развитию этих зон в Китае благоприятствуют как объективные факторы — численность населения, превышающая 1,4 млрд чел., благоприятное географическое положение (выход к морю, наличие современных портов, мягкие климатические условия во многих регионах страны, наличие многих видов природных ископаемых), так и субъективные — юридические гарантии для иностранного капитала и льготы для него, что обуславливает растущий приток иностранных инвестиций в экономику КНР [Китай: укрепление позиции...].

Несмотря на положительные явления в китайской экономике в стране сохраняются *проблемы внутреннего характера*, которые в перспективе могут нанести КНР значительный урон. Это: демографическая проблема; огромный разрыв в доходах между городом и деревней; нехватка энергоресурсов и экологическая проблема. Серьезной сложностью на пути развития китайской экономики как «глобальной фабрики по производству товаров» стало снижение мирового спроса на ее продукцию. Катализатором стала эпидемия коронавируса, охватившая страну в начале 2020 г. и оказавшая негативное влияние на национальное хозяйство Китая. И это продолжится до тех пор, пока не будет разработана антивирусная вакцина и населению Китая и других стран мира не будут сделаны прививки. А главной *внешней проблемой* КНР является нарастающее геополитическое и экономическое противостояние с США не только в АТР, но и в других регионах. Факты обострившегося противоборства между двумя странами свидетельствуют о появлении новых моментов в их отношениях: статус КНР как конкурирующего партнера Америки был изменен Вашингтоном на статус геополитического соперника, противоборство с которым в экономической сфере может распространиться и на другие сферы; тесные торгово-экономические связи и громадные объемы взаимного товарооборота больше не являются гарантией того, что разногласия не перерастут в острый конфликт, где торговые споры становятся рычагом обоюдного политического давления. При этом китайское руководство отдает себе отчет в том, что полноценное соперничество с Соединенными Штатами в духе «холодной войны» сведет на нет успех реализации целей развития страны [Степанов А., с. 83—97]. Поэтому 15 января 2020 г. сторонами было подписано соглашение о первой фазе торговой сделки между КНР и США. Согласно ей, Китай условился увеличить закупки американской продукции на 76,7 млрд долл. в течение первого года и на 123,3 млрд долл. в течение второго года действия соглашения. И несмотря на сохраняющиеся расхождения с Вашингтоном по вопросам торгового дефицита США и курса китайского юаня, степени прозрачности военных расходов Китая, Пекин будет стремиться к выстраиванию с США отношений, которые базировались бы на «общих стратегических интересах» двух стран [Михеев В.].

Однако, как считает помощник Президента РФ М. Орешкин, соглашение между США и КНР — «это мина замедленного действия, которая приведет к их спорам на мировом рынке в будущем» [Орешкин увидел риски...]. В частности, это связано с тем, что в начале XXI в. участились случаи «вторжения» соседних и иных стран в «исконно» китайские моря: Япония, Вьетнам, Корея, США, а вслед за ними и другие акторы наращивают в них свое присутствие. Уже более 200 иностранных компаний имеют права на аренду акваторий Южно-Китайского моря, где они добывают нефть, годовая добыча которой ныне превышает 50 млн т, что сопоставимо с годовым производством крупнейших китайских нефтепромыслов в Дацине.

Реакцией на эти притязания стало совершенствование руководством КНР китайской «жесткой силы», в чем за последние годы благодаря модернизации НОАК достигнуты немалые успехи. Однако по сравнению с уровнем модернизации ВС США и России, отставание Китая в этой области остается существенным. И несмотря на то, что главным соперником военные стратеги КНР считают США, в настоящее время основные виды войск НОАК более подготовлены для ведения боевых действий не за морем, а в ближайшем окружении Китая. Кроме того, ВС КНР не имеют практического опыта боевых действий в современных локальных конфликтах. Поэтому, чтобы адаптироваться к новым реалиям XXI в., китайская стратегия «активной» обороны включила в себя следующие требования к военной организации государства.

Во-первых, это обновление концепции ведения войны будущего, в которой с учетом стратегических интересов КНР ее армия и флот должны будут наносить высокоточные удары по всей стратегической и оперативной системе построения войск противника. Во-вторых, установка на победу в войне в условиях информационного противоборства. В дополнение принимаются меры по укреплению военного сотрудничества со странами мира, имеющими большое значение для Китая.

Что касается китайской стратегии в Европе, то здесь следует отметить одно важное обстоятельство. Весной 2019 г. состоялся визит председателя КНР Си Цзиньпина в ряд стран Евросоюза, которые

Китай рассматривает в качестве своеобразного «супермаркета» возможностей в деле реализации своего глобального проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), в интересах которого КНР создает в странах Центральной и Восточной Европы экономическую и финансовую инфраструктуру. Некоторые из этих стран превратились в китайские «опорные пункты» еще со времен финансового кризиса 2008 г. или присоединились к проекту ОПОП. Однако проблема присоединившихся к проекту государств состоит в том, что согласно условиям контрактов участия в «Поясе и пути», они должны брать кредиты у китайских банков, чтобы расплачиваться с китайскими же подрядчиками. Это ведет к тому, что страны-участницы постепенно превращаются в должников Китая [Китай исподволь завоевывает...]. Следовательно, инициативу по созданию ОПОП можно рассматривать как концепцию глобализации с китайской спецификой, реализуемую путем экспансии КНР в зарубежные страны. Эта концепция исходит из учета высокой нормы накопления, присущей Китаю и нередкой для Поднебесной практики безлицензионного заимствования зарубежных технологий для создания в стране высокотехнологичной продукции, далее экспортируемой за рубеж. Для этого проект ОПОП постоянно наполняется новым геоэкономическим содержанием при одновременном фокусировании на достижение внутриэкономических целей Китая [Ижу Лю, Авдокушин Е.]. Поэтому в 2019 г. проект поддерживали около 50 % опрошенных респондентов в Индии, 43 % — в Японии и только 30 % — в России.

Современная стратегия КНР несет для Москвы определенные риски, обусловленные глобальными амбициями Пекина. В нынешних отношениях с РФ у Китая проявился негативный тренд ориентации на решение тех задач, которые могут угрожать интересам РФ: Пекин нацелен на получение доступа к восточносибирским и дальневосточным нефтегазовым месторождениям и их трубопроводным системам; приобретение активов в российских производственных отраслях; повышение роли юаня в приграничной торговле; обеспечение для китайских корпораций ведущих позиций в экономике ДВФО по сравнению с конкурентами из других стран. При этом Китай все чаще выступает как конкурент российскому энергобизнесу в

ключевых регионах мира, важных для интересов РФ. Появляются и иные проблемы в сфере российско-китайских отношений. Так, в коммерческой области — это невыгодная для России структура товарооборота, где высокие темпы роста взаимной торговли обусловлены быстрым развитием китайского углеводородного импорта, а не качеством российской экспортной продукции высоких переделов. Две трети экспорта РФ приходится на энергоресурсы и древесину и лишь 1,5 % — на продукцию машиностроения. А в российском импорте преобладает машинотехническая продукция, доля которой составляет 30 %. Другими проблемами являются: оказание скрытого давления китайских властей на административные структуры российских приграничных регионов в целях обеспечения наиболее выгодных условий для китайского бизнеса; экспансия на наш Дальний Восток китайской «теневой» экономики, стимулирующая рост коррупции на российской территории. Многие китайские граждане на территории РФ нарушают миграционное законодательство и уклоняются от уплаты налогов, составляя конкуренцию россиянам на рынках труда.

И как считают российские эксперты, в ближайшей перспективе реальным союзником России Китай не станет. Во-первых, он принципиально не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. Во-вторых, позиции Москвы и Пекина не всегда и не во всем совпадают, а по некоторым вопросам существенно разнятся. Так, Пекин занимает «особую позицию» по Крыму и склонен к солидарности с США по поводу интернационализации арктического Северного морского пути, который предполагается вовлечь в проект ОПОП. При этом Китай соблюдает все финансово-экономические санкции Вашингтона в отношении Москвы и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению. В-третьих, даже не союз, а просто совместный «полюс» двух стран в мировой многополярности представить непросто, ибо в их диалоге неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить уже существующие межгосударственные разногласия России и Китая [Давыдов А.].

Перспективы развития России в третьем десятилетии нынешнего века

15 января 2020 г. президент РФ В.В. Путин обратился к Федеральному собранию со своим ежегодным посланием. В нем «острейшей проблемой» были названы «низкие доходы значительной части граждан», которые являются самой болезненной проблемой страны. Президент РФ поставил органам законодательной и исполнительной власти страны ряд первоочередных задач. Он нацелил их на то, что до конца 2021 г. темпы роста ВВП России должны быть выше мировых, ежегодный прирост инвестиций должен составлять не менее 5 %. Поставленные В. Путиным задачи будет реализовывать кабинет министров РФ во главе М. Мишустиним, которому придется решить сразу несколько важнейших задач, таких как выход из затянувшейся стагнации отечественной экономики, изменение ее структуры и включение РФ в мировые товарно-денежные отношения. Однако в реализацию этих задач внесла серьезные коррективы эпидемия коронавируса. При этом бизнес-омбудсмен Б. Титов не исключает, что ВВП России сократится минимум на 10 % из-за пандемии и падения цен в мире на энергоносители, которые являются основным источником доходов российской казны [Разрушительные последствия пандемии].

Тем не менее, у РФ есть почти все составляющие для возвращение в клуб ведущих держав мира в третьем десятилетии нынешнего века: по размеру ВВП Россия входит в десятку крупнейших промышленно-развитых стран мира (в 2019 г. по объему ВВП — 3, 38 % она занимала 6-е место в мире); ей принадлежит 1/8 часть территории земного шара; природно-ресурсный потенциал РФ составляет более 1/5 мировых запасов (их поставки имеют большое значение для мировой экономики, особенно для стран Европы и СНГ); а объем прогнозных запасов полезных ископаемых оценивается в 140 трлн долл. (США по этим запасам отстают от РФ по природному капиталу на душу населения в 10, а Западная Европа в 27 раз); ее промышленность изготавливает конкурентную продукцию на мировом рынке в области вооружения, атомной и космической промышленности. Но,

главное, Россия играет одну из ключевых ролей в обеспечении глобальной энергобезопасности и намерена далее утвердиться в этом статусе, увеличивая свою долю на мировом рынке.

Поэтому, по мнению западных экспертов, экономика РФ, которая продолжает находиться под западными санкциями, по многим показателям стабильнее, чем когда-либо. Это отмечено в аналитическом прогнозе Совета по национальной разведке США, озаглавленном «Глобальные тенденции-2025: изменившийся мир», для составления которого были привлечены специалисты со всего мира. «При сохранении текущих темпов роста России предстоит через 20 лет стать 5-й по величине мировой экономикой» — говорится в нем. «Важной тенденцией развития мирового сообщества станет его тяготение к различным формам государственного управления. Вместо того, чтобы воспроизводить западные модели развития, все больше стран будут предпочитать альтернативные модели развития, существующие в России и Китае», сообщает в этом прогнозе [Значение США...]. Зримые преимущества этой альтернативы продемонстрировали правительства ряда государств Европы. Вопреки англо-американским расчетам они сохранили как неприятие конфронтационных замыслов США, так и заинтересованность в партнерстве с Россией. Они признают необходимость объединения усилий для урегулирования конфликта на территории Украины, стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом, но в то же время они придерживаются разных точек зрения с Москвой относительно мер, которые должны быть приняты для достижения этих целей. В этих условиях будет сохраняться их адресное сотрудничество с Россией в интересах решения вопросов, представляющих обоюдный интерес.

Для парирования внешних военных угроз национальным интересам России ее правительство выделило в 2019 г. Минобороны свыше 1,5 трлн руб., в связи с чем на 6,7 % ускорился темп закупок высокотехнологичного вооружения. В 2020 г. было запланировано увеличение военного бюджета на 6,6 %, из которых — около 70 % будет направлено на закупки современного ВВТ. В 2019 г. в РВСН заступил на боевое дежурство ракетный полк, оснащенный комплексом «Ярс», сводящий на «нет» американскую систему глобальной ПРО,

на которую США уже потратили многие миллиарды долларов. На опытно-боевом дежурстве находятся высокоточные гиперзвуковые авиационно-ракетные комплексы «Кинжал». В войсках стоят на вооружении боевые лазерные комплексы «Пересвет», по планам идут работы над ракетами «Циркон» и «Буревестник». Началось серийное производство ракетного комплекса «Авангард», и успешно проведены испытания тяжёлой МБР стратегического назначения «Сармат». А в ВМФ на вооружении есть суда со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами и КР типа «Оникс» и «Калибр», способные эффективно преодолевать систему обороны ударных морских группировок США и НАТО, поражая их авианосцы. Таким образом, кроме России ни у одной страны мира сегодня нет гиперзвукового оружия оперативной и континентальной дальности.

Заключение

Подводя итоги анализа современных политико-экономических позиций России и Китая в мире и перспектив их развития в XXI в., можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, США и их союзники по НАТО опасаются возрождение мощи России и стремятся сдерживать ее на международном уровне. Поэтому в ближайшей перспективе введенные ими санкции продлятся, даже когда украинская тема перестанет быть актуальной. Для их отмены потребуется согласие всех членов альянсов, которого крайне сложно достигнуть при незаинтересованности в этом США. Поэтому возрождение России в глобальном масштабе придется реализовывать самостоятельно, с опорой на ее военную мощь и частично — на своих партнеров по ОДКБ, ШОС и ЕАЭС. Организацию БРИКС тоже по некоторым аспектам ее политики можно считать союзницей России. И если ее структуры заработают, то можно будет говорить о рождении новой международной финансовой системы, которая будет способствовать подрыву позиции доллара США на мировой финансовой арене.

Во-вторых, стратегическая активность КНР перешагнула границы государства, которое благодаря интенсивной экономической экспансии стало участником перераспределения сфер мирового

влияния в свою пользу, вытесняя соперничающих акторов из тех регионов мира, где они до недавнего времени доминировали. Подоплека китайских притязаний на мировое лидерство — это успешная интеграция экономики КНР в глобальную экономику на рыночных принципах. При этом Китай совместно с Россией выступает за многополярность международных отношений, однако в ближайшей перспективе реальным союзником РФ он не станет. Это связано с тем, что страна намерена единолично играть более значимую роль в мировых делах. Свидетельством этому является инициатива КНР «Один пояс, один путь», по сути нацеленная на реализацию концепции глобализации с китайской спецификой и осуществляемая путем хозяйственной «экспансии» КНР в государства — участники проекта ОПОП. Экономический базис для этого начинания существует, ибо современный Китай — страна, занимающая первую сточку в мировом экономическом «табеле о рангах».

В-третьих, особенностью возвращения России в «клуб ведущих держав мира», является то, что она в отличие от стран, проповедующих в сфере глобальной экономики принцип разделения труда, должна развивать отрасли своей экономики и критически важные технологии для национальных интересов страны. Это связано с тем, что враждебные силы к России и впредь будут препятствовать ее становлению в качестве мировой державы, вводя по отношению к ней ограничительные меры и санкции под любым предлогом. Другая особенность России заключается в том, что она как экспортер энергоресурсов может оказаться на «обочине» развития глобальных процессов в мире, возглавляемых Китаем, США и ЕС. Это поставит Россию в стратегически невыгодное положение, если она и дальше будет по-прежнему отдавать приоритет экспорту энергоресурсов, не развивая при этом собственную экономику. Также надо учитывать то обстоятельство, что многие страны мира переходят на возобновляемые источники энергии, используя для этого энергию солнца, ветра, морских приливов и т. д. и энергосберегающие источники сырья, поэтому потребность в природных ресурсах России на международных рынках не будет бесконечной.

Библиографический список

Давыдов А.С. Россия—Китай—США: про альянсы и соперничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С 3—14.

Значение США в мировой политике и экономике к 2025 г. снизится? URL: <https://otvet.mail.ru/question/19815621> (дата обращения: 07.04.2020).

Ижу Лю, Авдокушин Е. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 — стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (дата обращения: 03.04.2020).

Китай исподволь завоевывает Центральную и Восточную Европу. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/11/06/785688-kitai-zavoeivaet-tsentralnuyu-evropu> (дата обращения: 05.04.2020).

Китай: укрепление позиции в современной мировой экономике. URL: <https://studme.org/ekonomika/> (дата обращения: 04.04.2020).

Михеев В. Роль Китая в глобализующемся мире. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36003> (дата обращения: 07.04.2020).

Морозов Ю. Сильные и слабые стороны гуманитарной деятельности России в ШОС: возможные решения существующих проблем // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России. М., 2016. С. 146—162.

Орешкин увидел риски для мировой торговли в сделке между США и Китаем. URL: https://yandex.ru/news/story/Oreshkin_uvidel_riski_dlya_mirovoj_torgovli_v_sdelke_mezhdu_SSHA_i_Kitaem--794947e4d4f06baf108ce238e094c16e (дата обращения: 08.04.2020).

Планирование развития вооруженных сил США. URL: <http://www.zvo.su/voennye-problemy/planirovanie-razvitiya-vooruzhennyh-sil-ssha.html> (дата обращения: 03.04.2020).

Петросян Э. Между Азией и Европой. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2019-06-13/1_6_7_1048_geopolitica.html (дата обращения: 02.04.2020).

Разрушительные последствия пандемии для российской экономики URL: <https://topwar.ru/170191-razrushitelnye-posledstviya-pandemii-dlja-rossijskoj-jekonomiki.html> (дата обращения: 05.04.2020).

Романова Т. Россия и Европа: в чем-то разные, в чем-то похожие? URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-Europe-Policybrief5-ru.pdf> (дата обращения: 07.04.2020). Рейтинг экономик мира 2019, таблица ВВП стран мира. URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira/> (дата обращения: 09.04.2020).

Современный Китай и его роль в мировой экономике. URL: <http://finuni.ru/sovremennyy-kitay-i-ego-rol-v-mirovoy-ekonomike/> (дата обращения: 02.04.2020).

Степанов А.С. Перелом в американо-китайских отношениях. США в 2018 г. М.: Весь мир, 2019.

Что испугало Трампа. URL: <https://rg.ru/2017/01/26/tramp-sokratit-finansovuj-vklad-ssha-v-deiatelnost> (дата обращения: 05.04.2020).

Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf> (дата обращения: 06.04.2020).

USA news: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hopes-to-release-new-modernization-strategy>(дата обращения: 05.04.2020).

Silk Road. URL: https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/1711960/pub_5db808378600e100ae494dd5 (accessed: 10.04.2020).

References

Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf> (accessed: 6 April 2020).

Что испугало Трампа. [What scared Trump]. (accessed: 5 April. 2020).URL: <https://rg.ru/2017/01/26/tramp-sokratit-finansovuj-vklad-ssha-v-deiatelnost> (In Russian).

Davydov, A.S. (2016). Rossiya-Kitaj-SShA pro al'yansy i sopernichestvo [Russia-China-USA about alliances and rivalry], Problemy Dal'nego Vostoka [The Far Eastern Studies], Institute of Far Eastern Studies of the RAS (IDV RAN — IFES RAS) No 1: 3-14. (In Russian).

Kitaj ispodvol' zavoevyvaet Central'nyuyu i Vostochnuyu Evropu [China is gradually conquering Central and Eastern Europe]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/11/06/785688-kitaj-zavoevivaet-tsentralnyuyu-evropu> (accessed: 5 February 2020). (In Russian).

Kitaj: ukreplenie pozicii v sovremennoj mirovoj ekonomike [China: strengthening positions in modern world economy]. URL: <https://studme.org/ekonomika> (accessed: 4 February 2020). (In Russian).

Litovkin, V. (2017). Pekin delaet stavku na strategiyu aktivnoj oborony [Beijing makes a bet on an active defense strategy]. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y (accessed: 6 February20). (In Russian).

Mikheev V. (2008). Rol' Kitaya v globalizuyushchemsya mire [The Role of China in the globalizing world]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36003> (accessed: 7 February 2020). (In Russian).

Oreshkin uvidel riski dlya mirovoj trgovli v sdelke mezhdru SShA i Kitaem [Oreshkin saw risks to global trade in the deal between the US and China]. URL: https://yandex.ru/news/story/Oreshkin_uvidel_riski_dlya_mirovoj_torgovli_v_sdelke_mezhdru_SSHA_i_Kitaem--794947e4d4f06baf108ce238e094c16e (accessed: 8 April 2020). (In Russian).

Razrushitel'nye posledstviya pandemii dlya rossiyskoy ekonomiki [The devastating effects of the pandemic on the Russian economy] (accessed: 5 April 2020). URL: <https://topwar.ru/170191-razrushitelnye-posledstviya-pandemii-dlja-rossijskoj-jekonomiki.html> (In Russian).

Rejting ekonomik mira 2019, tablica VVP stran mira [The ranking of world economies in 2019; Table of world GDPs]. (accessed: 9 April 2020). URL: <https://basetop.ru/rejting-ekonomik-mira-2019-tablitsa-vvp-stran-mira> (In Russian).

Romanova T. Rossiya i Yevropa: v chem-to raznyye, v chem-to pokhozhiye? [Russia and Europe: in some ways different, in some ways similar?] (accessed: 7 April 2020). URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-Europe-Policybrief5-ru.pdf> (In Russian).

Silk Road. URL: https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/1711960/pub_5db808378600e100ae494dd5 (accessed: 10 April 2020).

Sovremennyy Kitaj i ego rol' v mirovoj ekonomike [Modern China and its role in the world economy]. URL: <http://finuni.ru/sovremennyy-kitaj-i-ego-rol-v-mirovoj-ekonomike/> (accessed: 9 February 2020). (In Russian).

Stepanov A.S. (2019). Perelom v amerikano-kitajskih otnosheniyah. SShA v 2018 [The turning point in US-China relations. The USA in 2018], Moscow: Ves' mir PH. (In Russian).

Yiju Liu; Avdokushin, E. (2019). Proekt «Odin poyas, odin put'» 2.0 — strategiya stimulirovaniya global'noj ekspansii Kitaya [“One Belt One Road” Project 2.0 — a strategy to stimulate China's global expansion]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (accessed: 3 April 2020). (In Russian).

Planirovaniye razvitiya vooruzhennykh sil SSHA. [Planning for the development of the US armed forces] (accessed: 3 April 2020). URL: <http://www.zvo.su/voennye-problemy/planirovaniye-razvitiya-vooruzhennykh-sil-ssha.html> (In Russian).

Petrosyan E. Mezhdru Aziyey i Yevropoy [Between Asia and Europe]. (accessed: 2 April 2020). URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2019-06-13/1_6_7_1048_geopolititca.html (In Russian).

Znachenije SSHA v mirovoy politike i ekonomike k 2025 godu snizitsya? [The importance of the United States in world politics and economy will decrease by 2025?] (accessed: 7 April. 2020). URL: <https://otvet.mail.ru/question/19815621>(In Russian).

USA news: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. URL: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hopes-to-release-new-modernization-strategy> (accessed: 5 April 2020). DOI: 10.24411/2618-6888/-xxxx-xxxxx

Ю.В. Кулинцев

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ШОС В КОНТЕКСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. В статье анализируются новые направления развития Шанхайской организации сотрудничества, рассматриваются геополитические причины их появления, а также выявляются роль и место ШОС в рамках Большого евразийского партнерства.

С присоединением к ШОС Индии и Пакистана стали расширяться ее возможности, стало возможным выделить новые приоритеты, но не в ущерб традиционным сферам ответственности — региональной безопасности и борьбе с терроризмом.

Этот момент становится ключевым для ШОС с точки зрения выбора приоритетов дальнейшего развития. В Организации начинает набирать силу экономический вектор развития. ШОС становится основной площадкой для реализации экономической интеграции в Евразии, на базе которой будет осуществляться сопряжение строительства ЕАЭС и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути.

На саммите ШОС в Уфе принимается Стратегия развития ШОС до 2025 г., в которой вместе с вопросами политического взаимодействия и сотрудничества в области безопасности особый акцент делается на мерах торгово-экономического сотрудничества.

Сформированный потенциал ШОС вновь оказывается востребован в рамках нового интеграционного проекта — Большого евразийского партнерства. В рамках ШОС начинает формироваться но-

вый вектор развития организации, в котором теперь уже восьмерке стран предстоит выступать в качестве одной из структурообразующих основ и ключевого элемента нового миропорядка в Евразии.

В ноябре 2019 г. в целях дальнейшего расширения экономического сотрудничества и улучшения инвестиционного климата утверждается обновленная Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран — членов ШОС.

В рамках председательства России в ШОС в 2019—2020 гг. запускаются новые направления сотрудничества в ШОС, которые становятся приоритетами Москвы. Среди них — содействие синергии потенциалов национальных стратегий развития и многосторонних интеграционных проектов. Кроме того, Москва планирует запустить межпарламентское сотрудничество в ШОС, создав механизм взаимодействия законодательных органов государств — членов ШОС.

Выступая в качестве одного из драйверов регионального развития, страны ШОС прилагают согласованные усилия к формированию необходимых условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Новые векторы развития ШОС демонстрируют, что Организация способна быстро адаптироваться к новым условиям изменяющегося мира, а ее участие в новых форматах взаимодействия является востребованным среди стран евразийского континента.

Ключевые слова: ШОС, Большое евразийское партнерство, Россия, Китай, Экономический пояс Шелкового пути.

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Y. Kulintsev

Promising Vectors of Development of SCO within the Framework of the Greater Eurasian Partnership

Abstract. The article analyzes the new development directions of Shanghai Cooperation Organization and discusses the geopolitical reasons for SCO development. The author shows the role of SCO within the development process of Greater Eurasian Partnership.

After India and Pakistan had joined the SCO, the Organization's capabilities expanded, it became possible to determinate the new development priorities, without loss of influence in traditional spheres of responsibilities — regional security and antiterrorism protection.

This period became the key period for SCO in terms of identification of priorities for further development. The economic development vector became more and more important for SCO countries. The Organization was selected as a platform for economic integration in Eurasia. It was supposed that conjunction of building EAEU and Silk Road Economic Belt would be implemented on the base of SCO.

During SCO summit in Ufa the Strategy of SCO development till 2025 was adopted. The Strategy emphasized the measures of trade-economic cooperation along with questions of political interaction and security issues.

The resources of SCO format were claimed within new integration project — the Greater Eurasian Partnership. SCO received a new development vector. The member states of the Organization have to stand in as a structure-forming basement and key element of the new regional order in Eurasia.

In November 2019 the adjusted Program of multilateral trade-economic cooperation between SCO member states was adopted. It was aimed to expand economic interaction and improve the investment climate.

Under the Russian presidency in SCO in 2019—2020 the new areas of cooperation were launched. These areas have become the priorities of Moscow. Among them are the synergy between the national development strategies and multilateral integration projects. Moscow also plans to initiate the inter-parliamentary cooperation format within SCO in order to establish the mechanism of interaction of legislative bodies of SCO countries.

As one of the regional development driver, SCO member states put a lot of joint efforts to create conditions for substantial social economic development. The new development vectors of SCO demonstrate that the Organization is able to quickly adapt to new realities of the changing world and its participation in new integration formats is highly sought among the countries on Eurasian continent.

Keywords: SCO, Greater Eurasian Partnership, Eurasian integration, Russia, China, Silk Road Economic Belt.

Author: *Yury V. KULINTSEV*, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) продолжает активную деятельность на международной арене, оставаясь классическим примером региональной организации открытого типа.

В 2021 г. исполнилось 20 лет с момента учреждения ШОС лидерами России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Если на начальном этапе своей деятельности усилия Организации были сосредоточены на выстраивании институциональной основы, пополнении своих рядов странами-наблюдателями и партнерами по диалогу, то в последние несколько лет в фокус внимания ШОС все больше попадает торгово-экономическое сотрудничество и процессы евразийской интеграции.

С ростом ШОС, к которой в качестве полноправных участников присоединились Индия и Пакистан, стали расширяться ее возможности, стало возможным выделить новые приоритеты, но не в ущерб тем традиционным сферам ответственности — региональной безопасности и борьбе с терроризмом, ради которых изначально создавалась ШОС.

Трехлетний период с 2015 по 2017 г. становится ключевым для ШОС с точки зрения выбора приоритетов дальнейшего развития и корреляции этого выбора с изменениями, которые происходят на Евразийском пространстве. Подходя к 15-летнему рубежу, ШОС занимает положение важного актора на международной арене. Организация является наблюдателем Генеральной Ассамблеи ООН, имеет в своем составе два постоянно действующих исполнительных органа — Секретариат ШОС и Исполнительный комитет РАТС ШОС, в ее рамках эффективно функционирует механизм взаимодействия со странами-наблюдателями и партнерами по диалогу, а также запущен механизм приема новых членов, что указывает на ее международную востребованность и геополитический потенциал. Именно с этого момента начинает набирать силу экономический вектор развития ШОС.

В мае 2015 г. лидеры России и Китая в совместном заявлении отметили, что ШОС станет основной площадкой для реализации экономической интеграции в Евразии, на базе которой будет осуществляться сопряжение строительства ЕАЭС и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), причем работа будет вестись в двустороннем и многосторонних форматах взаимодействия [Совместное заявление РФ и КНР...]. Спустя два месяца, на Уфимском саммите ШОС главы тогда еще шести государств-чле-

нов приняли Стратегию развития ШОС до 2025 г., в которой вместе с вопросами политического взаимодействия и сотрудничества в области безопасности, особый акцент был сделан на мерах торгово-экономического сотрудничества. В среднесрочной перспективе они согласуются с целями реализации китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути. К таковым относится формирование благоприятного инвестиционного и делового климата, поддержка деловых инициатив, реализация проектов в приоритетных направлениях сотрудничества и развитие инфраструктуры, налаживание сотрудничества в развитии производственных мощностей, содействие в деле интеграции в мировую экономику, минимизация для национальных экономик негативных последствий глобализации и кризисных явлений в международных экономических процессах. В рамках ШОС планируется принятие практических мер по реализации конкретных экономических и инвестиционных проектов [Стратегия развития ШОС].

Позицию российской стороны относительно перспектив торгово-экономического сотрудничества в ШОС и присоединения к китайскому проекту ЭПШП выразил президент В. Путин, выступая на саммите ШОС в Уфе в июле 2015 г.: «Мы придаем особое значение дальнейшему углублению торгово-экономического взаимодействия в рамках ШОС. Очевидно, что сообща мы можем более действенно противостоять кризисным явлениям в мировой экономике и финансах, легче преодолевать разного рода ограничения и барьеры. Считаем важным и развитие сотрудничества по обеспечению продовольственной, транспортной, энергетической, финансовой безопасности. Готовы плотно работать над реализацией идеи сопряжения двух интеграционных проектов: Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» [Стенограмма заседания...].

В 2016 г. потенциал ШОС вновь оказался востребован в рамках нового интеграционного проекта — Большого евразийского партнерства (БЕП), идея которого была озвучена международному сообществу в рамках Петербургского международного экономического форума [Стенограмма выступления...]. В. Путин предложил создать Большое евразийское партнерство с участием стран — членов ШОС, ЕАЭС, включая Китай, Индию, Пакистан, Иран, страны СНГ и ряд

других государств. Работу указанного партнерства предлагается нацелить на выстраивание нового формата международного сотрудничества в Евразии с поддержкой идеи сопряжения евразийской интеграции и китайской инициативы ЭПШП.

Это означает, что в рамках ШОС начал формироваться новый вектор развития организации, в котором теперь уже восьмерке стран предстоит выступить в качестве одной из структурообразующих основ и ключевого элемента нового миропорядка в Евразии.

Будущее Евразии стало предметом обсуждения и глобального форума «Один пояс, один путь», который состоялся в Пекине в мае в 2017 г., в работе которого приняли участие 29 глав зарубежных государств и правительств и представители более 70 международных организаций, включая ШОС. На уровне выступлений первых лиц было отмечено, что международное сообщество находится на пороге формирования правил нового мирового развития. В этом процессе ведущие страны ШОС видят себя глобальными ответственными державами, способными принимать участие во всех международных делах и вносить существенный вклад в развитие мира и глобальной экономики [Full text...]. При этом российская сторона выступала за сложение интеграционных потенциалов ШОС, ЕАЭС, инициативы Пояса и пути, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, которые способны стать основой для формирования Большого евразийского партнерства [Выступление В. Путина...].

В предлагаемом сценарии создания новой интеграционной структуры в Евразии выделяется и новая функция ШОС, а именно — ей предлагается выступить в качестве связующего фактора между ЭПШП и ЕАЭС. В данном случае Россия преследует свои геополитические цели, стараясь выровнять асимметрию экономических возможностей Москвы и Пекина в странах Центральной Азии, а также сохранить регион ЦА как сферу традиционного влияния России, не нанеся при этом ущерба процессам евразийской интеграции.

Значимость ШОС для региональной и глобальной повестки признается авторитетными международными организациями. На 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция «О сотрудничестве между ООН и ШОС», что придало дополнитель-

ный импульс развитию Организации. Генеральный секретарь ООН А.Гутерреш выразил уверенность в том, что ООН и ШОС смогут, объединив усилия, «внести позитивный вклад в улучшение жизни людей в Евразии, укрепляя региональное сотрудничество на всех уровнях» [Генеральный секретарь...].

Географическое расположение в центральной части Евразии предоставляет участникам ШОС стратегическое преимущество в реализации интеграционных проектов. Практически никто из стран — членов ШОС, наблюдателей или партнеров по диалогу не высказался против идеи участия в Большом евразийском партнерстве. Большинство стран ШОС также поддержали китайскую инициативу Пояса и пути. С одной стороны, главы стран — членов ШОС видят экономические и геополитические перспективы присоединения к новым формирующимся интеграционным проектам, с другой — сами инициаторы евразийской интеграции понимают важность подключения ШОС к их проектам. ШОС уже на протяжении почти двух десятилетий успешно выступает гарантом мира и стабильности в регионе, то есть обеспечивает критически необходимые условия для устойчивого экономического развития стран-участниц.

Уникальность геополитического и геоэкономического положения стран ШОС в системе международных отношений Евразии обусловила подписание Соглашения между правительствами стран — участниц ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, которое вступило в силу в январе 2017 г. [Шанхайская организация сотрудничества].

В ноябре 2019 г. Совет глав правительства стран — членов ШОС принял Концепцию взаимодействия железнодорожных администраций [Совместное коммюнике...]. Данный документ стал основой для формирования общих правовых норм в сфере железнодорожного транспорта, что вписывается в единый вектор развития интеграционного потенциала БЕП и позволяет реализовать транзитные возможности ШОС за счет трансконтинентальных перевозок в Евразии. По данным экспертов, ежегодно из Китая в Юго-Восточную Азию и Европу отправляется более 23 млн контейнеров, а объемы контейнерных грузоперевозок из Китая в Европу за предыдущие 9 лет показали 40-кратный рост [Генеральный секретарь...].

Усовершенствование транспортной инфраструктуры и формирование оптимальных маршрутов грузоперевозок является одним из приоритетов как для развития ШОС, так и для формирования БЕП. В рамках ШОС функционирует Специальная рабочая группа по таможенному сотрудничеству, результатом работы которой стало подписание в ноябре 2019 г. Советом глав правительств стран — членов ШОС Меморандума между таможенными службами о взаимной интеграции национальных транзитных систем [Совместное коммюнике...]. В данном контексте усилия стран — участниц ШОС становятся общим вкладом в повышение транспортной взаимосвязанности Евразии, позволяют внедрить инновационные технологические решения и развивать мультимодальные транспортно-логистические центры в рамках БЕП.

ШОС постоянно ведет поиск новых путей сотрудничества. Являясь одним из драйверов мирового экономического развития, страны-участницы прилагают согласованные усилия к формированию необходимых условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития в Евразии.

В целях дальнейшего расширения экономического сотрудничества и улучшения инвестиционного климата Совет глав правительств стран — членов ШОС утвердил в ноябре 2019 г. обновленную Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС [Совместное коммюнике...]. Программа ориентирована на формирование региональной экономики открытого типа и последовательное укрепление инклюзивной, транспарентной и недискриминационной торговой системы на Евразийском пространстве. По данным Секретариата ШОС, в 2018 г. значительно увеличилась экономическая значимость ШОС в глобальном контексте. Совокупный ВВП стран — членов ШОС превысил 18 трлн долларов, составив более 22 % мирового ВВП, при этом прогнозируется, что к 2025 г. это показатель достигнет 38—40 % [Жань Шаньчуань].

Стимулирование торгово-экономического сотрудничества позволяет в значительной степени сбалансировать предыдущий вектор развития Организации, ориентированный преимущественно на обеспечение политического взаимодействия и региональной без-

опасности. Развитие ШОС становится более устойчивым, что способствует росту значимости ШОС в международных делах, а также повышает заинтересованность участников во взаимном развитии.

В настоящий момент одним из главных вызовов для ШОС является поддержание новых векторов развития в условиях сложной внешней обстановки. После расширения состава участников совокупная мощь и влияние Организации значительно увеличились, что позволяет ставить перед ней более амбициозные цели и задачи. Заявленные приоритеты российской стороны, к которой перешло председательство в ШОС в 2019—2020 гг., полностью отвечают этим планам.

Текущий вектор развития ШОС устраивает все страны-члены, поэтому одним из ключевых моментов для Москвы станет обеспечение преемственности в работе Организации. Во-первых, усилия председательствующей стороны будут сосредоточены на укреплении позиции ШОС в сфере поддержания безопасности и стабильности. Это традиционное для ШОС направление сотрудничества в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС по противодействию «трем силам зал» и наркотрафику. Кроме того, будет продолжена работа по разрешению кризисных ситуаций и мирному урегулированию конфликтов вблизи внешних границ стран ШОС в контексте проблем в Сирии и Афганистане, а также положения дел вокруг иранской ядерной программы.

Во-вторых, большие возможности Москва видит в расширении экономического сотрудничества, прежде всего в транспортно-логистической, инфраструктурной, научно-технологической, инновационной сферах. Ожидается, что особый акцент будет сделан на укреплении межрегионального взаимодействия в рамках ШОС. Среди запланированных мероприятий уже анонсировано проведение в России первого Форума глав регионов государств — членов ШОС.

Будет продолжено развитие культурно-гуманитарных связей, продвижение общих нравственных и этических ценностей, наращивание взаимодействия в сферах образования, здравоохранения, экологии, культуры, туризма и молодежных контактов. Запланировано проведение серии масштабных мероприятий, посвященных 75-летию Победы во Второй мировой войне.

В-третьих, в планы российской стороны входит консолидация государств — членов ШОС и углубление внешнеполитической координации в целях согласования общих позиций по актуальным международным и региональным вопросам, выработки совместных инициатив. Ожидается, что страны ШОС усилят координацию позиций в рамках ООН, а также нарастят практическое сотрудничество с АСЕАН, ОДКБ, СНГ, ОЭС, ЕАЭС в том числе в целях обмена опытом и выдвижения совместных проектов и инициатив [Тарасенко].

Вместе с тем, в число приоритетов Москвы в рамках председательства в ШОС входят и новые векторы развития Организации. Во-первых, это содействие синергии потенциалов национальных стратегий развития и многосторонних интеграционных проектов. В данном случае целью является утверждение ШОС в качестве одной из опор формирования в Евразии пространства широкого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в интересах обеспечения надежной безопасности и устойчивого развития в рамках идеи Большого евразийского партнерства. Во-вторых, Москва планирует запустить межпарламентское сотрудничество в ШОС, создав механизм взаимодействия законодательных органов государств — членов ШОС, что также позволяет ускорить практическую реализацию евразийских интеграционных инициатив [Приоритеты председательства...].

В связи с распространением в мире эпидемии коронавирусной инфекции уже в первом квартале 2020 г. Шанхайская организация сотрудничества стала изучать предложения по быстрому реагированию на вспышки инфекционных заболеваний. В частности, Секретариат ШОС направил на рассмотрение профильных ведомств государств-членов ряд предложений, которые включают разработку многостороннего механизма оперативного информирования в случае возникновения очага инфекционного заболевания, имеющего потенциал для широкого распространения.

При этом еще в 2018 г. Организация выражала глубокую обеспокоенность потенциальными рисками возникновения эпидемий инфекционных болезней, включая грипп, тяжелый острый респираторный синдром и другие особо опасные инфекции. Тогда же главы государств — членов ШОС на саммите в китайском Циндао приня-

ли Заявление о совместном противостоянии угрозам эпидемий на пространстве организации и указали на вытекающую из этого необходимость обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и охраны здоровья населения для поддержания устойчивого развития и благосостояния стран региона [Statement by the Heads...].

Указанное направление также становится одним из новых векторов развития Организации. Внутри ШОС развиваются тесные контакты стран друг с другом на уровне руководителей министерств и ведомств, отвечающих за здравоохранение и эпидемиологическую ситуацию. Уже принят ряд документов, созданы рабочие механизмы, обеспечивающие сотрудничество между профильными организациями стран ШОС в сфере здравоохранения — проводятся совещания министров здравоохранения и совещания глав служб государств — членов ШОС, отвечающих за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия.

Несмотря на то, что в условиях эпидемии ряд мероприятий ШОС был отложен, существующие механизмы сотрудничества позволили продолжать проводить заседания в формате видеоконференции. Новые векторы развития ШОС демонстрируют, что Организация способна быстро адаптироваться к новым условиям изменяющегося мира, ее участие в новых форматах взаимодействия является востребованным среди стран евразийского континента.

Библиографический список

Выступление В. Путина на церемонии открытия Международного форума «Один пояс, один путь». 14.05.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 20.04.2020).

Генеральный секретарь ШОС выступил на 82-й сессии Комитета по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН. 26.02.2020. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20200226/630345.html> (дата обращения: 20.04.2020).

Жань Шаньчуань. Голос ШОС слышен всему миру // Китай. 2019. № 12. С. 20—21.

Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 20.04.2020).

Совместное коммюнике по итогам восемнадцатого заседания Совета глав правительств ШОС. 02.11.2019. URL: <http://rus.sectsko.org/documents/> (дата обращения: 20.04.2020).

Стенограмма выступления В.Путина на ПМЭФ-2016. 17.06.2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (дата обращения: 28.11.2019).

Стенограмма заседания Совета глав государств — участников ШОС в расширенном составе. 10.07.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908> (дата обращения: 20.04.2020).

Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. 10.07.2015. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YpGqLvQI4uaMX43lMkrMbFNewBneO.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).

Приоритеты председательства России в ШОС. URL: <https://sco-russia2020.ru> (дата обращения: 20.04.2020).

Тарасенко П. Россия удерживает ШОС от эгоизма // Коммерсантъ. 2019. № 102. С. 2.

Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://www.mintrans.ru/activities/69/92> (дата обращения: 20.04.2020).

Full text of Xi Jinping's speech at opening of Belt and Road forum. 14.05.2017. URL: <https://america.cgtn.com/2017/05/14/full-text-of-president-xis-speech-at-opening-of-belt-and-road-forum> (дата обращения: 20.04.2020) (На англ. яз.).

Statement by the Heads of the SCO Member States on Joint Efforts Against the Threat of Epidemics in the SCO space. 10.06.2018. URL: <http://rus.sectsko.org/documents/> (дата обращения: 20.04.2020) (На англ. яз.).

References

Full text of Xi Jinping's speech at opening of Belt and Road forum. 14.05.2017. URL: <https://america.cgtn.com/2017/05/14/full-text-of-president-xis-speech-at-opening-of-belt-and-road-forum> (accessed: 20 April, 2020).

General'nyj sekretar' SHOS vystupil na 82-j sessii Komiteta po vnutrennemu transportu Evropejskoj ehkonomicheskoj komissii OON [SCO Secretary General delivered a speech during the 82-nd session of UN Committee on internal transport of European economic commission]. 26.02.2020. URL: <http://rus.sectsko.org/news/20200226/630345.html> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Prioritety predsedatel'stva Rossii v SHOS [Priorities of Russia's SCO Presidenc]. URL: <https://sco-russia2020.ru> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Ran Shanchuan (2019). Golos SHOS slyshen vsemu miru [SCO voice is heard by the world], *Kitaj [China]*, No12 (170): 20–21.

Shanhajskaya organizaciya sotrudnichestva [Shanghai Cooperation Organization]. URL: <https://www.mintrans.ru/activities/69/92> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Sovmestnoe kommyunike po itogam vosemnadcatogo zasedaniya Soveta glav pravitel'stv SHOS [Joint communique on the results of the eighteenth meeting of the Council of Heads of Government of the Member States of the SCO]. 02.11.2019. URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o sotrudnichestve po sopryazheniyu EAEHS i EHPShP [Joint statement of Russia and China on cooperation on conjunction of EAEU and SREB]. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Statement by the Heads of the SCO Member States on Joint Efforts Against the Threat of Epidemics in the SCO space. 10.06.2018. URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (accessed: 20 April, 2020).

Stenogramma vystupleniya V.Putina na PMEF-2016 [Putin's verbatim report during SPIEF-2016]. 17.06.2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (accessed: 28 November, 2019). (In Russian).

Stenogramma zasedaniya Soveta glav gosudarstv — uchastnikov SHOS v rasshirennom sostave [Verbatim report of the meeting of the Heads of the SCO Member States in an extended format]. 10.07.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Strategiya razvitiya Shankhajskoj organizacii sotrudnichestva do 2025 goda [The Strategy of SCO development till 2025]. 10.07.2015. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPGqLvQI4uaMX431MkrMbfNewBneO.pdf> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

Tarasenko, P. (2019). Rossiya uderzhivaet SHOS ot ehgoizma [Russia keeps SCO away from egoism], *Kommersant [Businessman]*, No102: 2.

Vystuplenie V.Putina na ceremonii otkrytiya mezhdunarodnogo foruma «Odin poias, odin put'» [Putin's speech during opening ceremony of “One Belt, One Road” international forum]. 14.05.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (accessed: 20 April, 2020). (In Russian).

В.И. Балакин

ИРАН В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: КИТАЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Китайское руководство полагает, что у КНР и Ирана есть объективный потенциал для формирования отношений всестороннего стратегического партнерства, уделяя основное внимание повышению уровня взаимного доверия, укрепляя взаимовыгодные контакты на всех уровнях и оказывая поддержку в вопросах, представляющих серьезный интерес для каждой из сторон. Китайскую сторону больше всего интересует полное выполнение Ираном ядерной сделки, что предполагает всеобъемлющий контроль Пекина за иранской ядерной программой с тем, чтобы оказывать на Иран устойчивое влияние, понуждая его к соблюдению международного режима нераспространения ядерного оружия. Иран постепенно становится для КНР чрезвычайно ценным союзником, поскольку является главным торговым партнером Пекина, продавая последнему больше всех нефти. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Китай способен оказывать Ирану значительную дипломатическую поддержку, особенно в его противостоянии с США. Бескомпромиссное американское давление на Пекин и Тегеран заставляет обе стороны координировать свои действия по нейтрализации давления со стороны Вашингтона. Это также создает благоприятную почву для дальнейшего углубления взаимовыгодного китайско-иранского сотрудничества не только в геополитической сфере,

но и по конкретным направлениям экономического и научно-технического взаимодействия, включая предоставление Ирану необходимых оборонных технологий. Китай рассматривает Иран в качестве геополитического лидера ближневосточного региона в силу его геостратегического положения, обеспечивающего Тегерану выход в Каспийское море и Индийский океан. Кроме того, иранское государство представляет собой одну из немногих стран, проводящих независимый политический курс и способных бросить жесткий вызов Соединенным Штатам Америки.

Ключевые слова: Китай, Иран, ШОС, США, геополитическое лидерство.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

V.I. Balakin

Iran in the emerging system of the Shanghai Organization Cooperation: China's Geopolitical Dimension

Abstract. Chinese leadership reckon that PRC and Iran have objective potential for developing of comprehensive strategic partnership relations giving the main attention to raising mutual trust level strengthening mutually advantageous contacts on the all levels and rendering support in questions of profound interest for both sides. The Chinese side is above all things interested in Iran's full implementation of the nuclear deal, which supposes Beijing's all-embracing control over the Iranian nuclear program in order to gain a constant influence on Iran and force it to comply with the international nuclear non-proliferation regime. Iran gradually becomes for China greatly valuable ally since Teheran present itself as a main trade partner of Beijing selling the last one the most quantity of oil. Being permanent member of UN Security Council China has been capable to render Iran huge diplomatic support especially in the frames of opposition with USA. Hard-line American pressure on Beijing and Teheran forces both sides to coordinate their operations to neutralize pressure from Washington. That also creates auspicious basis for further hollow mutually advantageous China-Iran cooperation not only in geopolitical sphere but also on concrete directions of economic and scientific and technological interaction including assignment to Iran necessary defence technologies. China consider Iran as a geopolitical leader in the

Near East region due to its geostrategical position, which provides Tehran with access to the Caspian Sea and Indian Ocean. Besides, the Iranian state is one the few countries conducting independent political course and able to throw a tough challenge to the United State of America.

Keywords: China, Iran, SOC, USA, geopolitical leadership.

Author: Vyacheslav I. Balakin, Ph. D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru)

Постановка проблемы

До последнего времени Китай намеренно сдерживал расширение отношений с Ираном, предпочитая учитывать озабоченности США по поводу иранских ядерной и ракетной программ. Давление США на оба государства заставляет Пекин и Тегеран искать эффективные варианты противодействия американскому шантажу, что неизбежно укрепляет китайско-иранское геополитическое взаимодействие и, более того, Китай начинает искать варианты вывести Иран из-под удара Вашингтона и даже с перспективой наращивания закупок иранской нефти. «Иранская проблема» по разным причинам волнует не только Китай, но и такие страны, как Индия и Россия, в результате чего, как считают международные эксперты, названные три мощнейших государства вполне могут активизировать процесс принятия Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества, что сразу повысит международный статус Тегерана и защитит его от нападков Вашингтона. С точки зрения геостратегии перспективным может оказаться формирование в рамках ШОС системы отношений крупных поставщиков и потребителей нефтяных ресурсов в составе России и Ирана, Китая и Индии. Это заметно изменит баланс сил в Евразии и явно не в пользу США, а если добавить к нефтяному проекту еще и проект «Один пояс, один путь», то поиск приемлемого компромисса Пекина, Москвы и Дели с Вашингтоном в реальности будет не таким уж невозможным вариантом [Lanz, 2018:22].

В последнее время полноправное вступление в ШОС становится для Ирана исключительно важной задачей, поскольку статус страны-наблюдателя в данной организации не совсем гарантирует Теге-

рану защиту от политического давления Вашингтона. Китай и Россия самым активным образом лоббируют переход Исламской республики на новый уровень полноформатного сотрудничества в ШОС ведь Иран официально оформил заявку на участие уже давно и, более того, сегодня иранский вклад в борьбу с международным терроризмом в Сирии весьма велик, что дает ему возможность реально претендовать на безотлагательное вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества. Однако подспудно существует серьезная проблема политического недоверия к Ирану со стороны КНР, несмотря на интенсивное экономическое сотрудничество, в силу крайней осторожности Пекина, не желающего сталкиваться с США и Израилем за чужие интересы. Для России же очень важно сделать все, чтобы Иран не чувствовал себя изолированным, поскольку в обозримой перспективе неизбежно встанет вопрос о зоне свободной торговли в рамках ШОС и с этой точки зрения Тегерану есть что предложить партнерам [*Shimamura, 2006:51*]. В Иране существует очень развитое сельское хозяйство и, кроме того, наличествует огромный опыт борьбы с терроризмом, но руководство КНР явно не хочет торопиться с приемом Тегерана в ШОС, ибо последнее неизбежно приведет Шанхайскую организацию сотрудничества в разряд структуры напрямую противостоящей НАТО.

Объективно Иран реально вовлечен в современные интеграционные процессы на евроазиатском континенте, пытаясь нарастить совокупный потенциал Исламской республики с точки зрения совершенствования модели управления государством в условиях глобализации, когда неуклонно происходит ослабление мощи США и наращивание мощи КНР. Для Китая на иранском направлении главным вопросом становится усиление геополитической составляющей во внешней политике Ирана в контексте обеспечения безопасности в зоне Персидского залива и развитие независимого китайско-иранского регионального сотрудничества в наиболее интересующих Пекин отраслях экономики. В условиях нескончаемого мирового финансового кризиса китайское руководство надеется сформировать подконтрольное экономическое пространство в Евразии альтернативное пространству, регулируемому «коллективным Западом» [*Yan, 2015:114*]. КНР выступает за усиление регионального

видения перспектив евроазиатского регионального взаимодействия с тем, чтобы соотнести их с видением глобальной перспективы развития мира ключевыми игроками на евроазиатском пространстве, особенно в части выбора стратегических партнеров, в том числе по линии отношений с Ираном. Для Китая этот выбор достаточно затруднителен, поскольку он не уверен, что стратегические партнеры не испугаются американских санкций и не оставят Пекин в одиночестве, сотрудничающего с Тегераном.

Глубинный смысл современного китайско-иранского взаимодействия

Ввиду усиливающихся экономических и политических позиций КНР на мировой арене становится все сложнее игнорировать влияние Пекина на глобальные процессы, что приводит к нарастанию соперничества с Вашингтоном на том же Ближнем Востоке. При этом китайский геополитический подход выглядит гораздо мягче и наглядно показывает, что он основан прежде всего на элементах традиционной китайской дипломатии, предпочитающей долговременную подготовку к нанесению решающего стратегического удара. В перспективном плане Иран крайне важен Китаю своим геостратегическим положением в силу своего контроля над южным Каспием и значительной частью Ормузского пролива, а также Персидского залива, где проходят важнейшие торгово-экономические пути [Moldicz, 2018:109]. Не следует забывать, что Иран представляет собой одну из крупнейших нефтедобывающих стран, сосредоточившую в своих недрах 9 % мировых запасов нефти и 16 % мировых запасов газа, занимающую второе место по нефтедобыче в ОПЕК. Иран отличается независимой внешней политикой, жестко противостоящей американскому давлению и тем самым уверенно занимающей видное место во внешнеполитической стратегии крупнейших мировых держав, имеющих собственный взгляд на глубинные политические процессы.

Иран выступает ключевым фактором ближневосточной политики Китая, отвечающей интересам обеих стран и в перспективе ско-

рее всего окажет позитивное воздействие на стратегическую стабильность в Евразии, но кроме того, в китайско-иранском торговом сотрудничестве обе стороны приступили к использованию в качестве расчетной единицы китайскую национальную валюту. Подобное взаимодействие Китая и Ирана ставит под сомнение долларовую монополию США в мире, а по оценкам международных экспертов, отход Тегерана от осуществления трансакций в американских долларах во многом представляет собой вынужденную меру и это объективно ведет к усилению зависимости экономики Ирана от КНР [Ushiyama, 2018:38]. Последнее явно может усложнить доступ иранской продукции на иные рынки, но поскольку в глобальных вопросах мирового устройства позиции Пекина и Тегерана во многом сходятся, а именно: стороны убеждены в необходимости построения многополярного мира, в котором основные международные проблемы будут решаться всеми членами мирового сообщества, а не одной пусть и самой крупной державой в лице США. С этой точки зрения потенциальный альянс КНР и Ирана выглядит вполне логичным для формирования Большого евроазиатского пространства, с чем Пекин скорее всего согласится, чтобы обеспечить полное членство Тегерана в Шанхайской организации сотрудничества как одного из основных игроков на геополитической шахматной доске в Евразии. Для КНР Иран выступает в качестве ключевого узла практически всех «новых шелковых путей» в рамках китайской стратегической инициативы «Один пояс, один путь» и главное — Тегеран сам стремится стать важным элементом, интегрированным в обширную общевроазиатскую экономическую экосистему.

Китай не может позволить себе отдать Иран на «американское удушение» и поэтому никогда не согласится на прекращение закупок иранской нефти, несмотря на возможные американские санкции против законных интересов китайских компаний, определяемых международным правом. На примере Ирана руководство КНР рассчитывает отбить у Вашингтона всякое желание то и дело размахивать «санкционной дубиной» и в этой своей долгосрочной программе весьма надеется на взаимопонимание с Россией и даже с Евросоюзом, определенно недовольным отказом США от соблюдения ядерной сделки с Тегераном [ThieЯen, 2018:6]. Американские санк-

ции против Китая и Ирана объективно подталкивают оба государства к стратегическому взаимодействию друг с другом и основой здесь являются не только и не столько экономические последствия, сколько возможность возникновения крупномасштабного военного конфликта. Особенностью сегодняшнего китайско-иранского сближения выступает стремление КНР вести себя как сложившийся глобальный игрок, использующий принципы жесткого прагматизма и прогнозирующий свой внешнеполитический курс на весьма отдаленную перспективу. Еще мудрый Самюэль Хантингтон подчеркивал высокую вероятность последовательного сближения китайской и исламской цивилизаций, причины чего, по его мнению, заложены в определенной схожести развития двух сообществ, объективно столкнувшихся с трудно преодолимыми проблемами господства западной модели социальной модернизации.

Китайское геополитическое измерение иранской проблемы во многом связано с энергетической безопасностью в Евразии и уже геополитическим преобладанием в Каспийском регионе, а шире объясняется геостратегическими амбициями, ориентированными на лидерство на международной арене. Конфигурация китайско-иранского взаимодействия нацелена на борьбу за геополитический контроль над евроазиатским пространством, то есть иными словами, Тегеран реально рассчитывает активно вмешиваться в Большую игру великих держав, таких как США, РФ и КНР на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, для Китая первоочередным приоритетом энергетического сотрудничества с Ираном будет участие китайских компаний в разведке и разработке иранских месторождений, что напрямую противоречит национальным интересам России. Российский «Газпром» намерен принимать самое активное участие в разработке богатого газового месторождения Южный Парс, чей заметный кумулятивный дебет, по оценкам международных экспертов, достигает ошеломляющей величины 13 трлн куб. м. Практическое российское участие в иранских энергетических проектах явно конкурирует с геополитическими амбициями КНР — войти в проект трубопровода Иран—Пакистан—Индия не только в качестве инвестора, но и в качестве генерального подрядчика [*Bian*, 2017:31].

Несомненно, современное китайско-иранское взаимодействие ясно представляет собой переплетение геополитических, экономических и военных интересов, несмотря на то, что КНР и Иран не имеют общей границы, но это скорее выглядит позитивным фактором, помогающим избегать межсоседских трений. Китай помогает обучать специалистов из Ирана в китайских научных учреждениях и кроме того, Пекин оказывает Тегерану помощь в функционировании ведущего научно-исследовательского института в Исфагане, занимающегося ядерной проблематикой. Китай также поставил в Иран ядерные реакторы нулевой мощности, которые ему удалось разместить на объекте в Исфагане под гарантии МАГАТЭ, игнорируя при этом давление Вашингтона и оказывая прямую дипломатическую поддержку Тегерану, привлекая на свою сторону европейских союзников США. КНР в реальности сегодня пытается совместить в своей внешней политике на иранском направлении три важных принципа: не вмешиваться во внутренние дела Ирана, противодействовать распространению Тегераном ядерного оружия, не портить взаимоотношения с иранскими поставщиками энергоресурсов, а также с коллективным Западом [Van Kamenade, 2019:18]. Последний, похоже, не один, что выражается в согласии отдельных европейских стран с Китаем и Россией в полном нежелании сотрудничать с Вашингтоном в установлении экономических санкций против Ирана, поскольку США твердо заявляют о невозможности предоставлять кому бы то ни было льготы и освобождения от санкций.

Иран в китайском геополитическом измерении

Современные интеграционные процессы в Евразии с точки зрения оценки Китаем Исламской Республики Иран как некой модели суверенной государственности в условиях американской глобализации, ориентированы в зоне Персидского залива исключительно на обеспечение комплексной региональной системы безопасности. Руководство КНР сегодня вполне отчетливо включается в борьбу за лидерство на евроазиатском пространстве и Иран как одна из ключевых стран Ближнего и Среднего Востока объективно нужен Пеки-

ну для решения масштабных задач в ключевом регионе мира. И Китай, и Иран в условиях глобальной финансовой нестабильности выступают за формирование нового экономического порядка на региональном уровне и создание обстановки «сбалансированности и справедливости», отрицающей сложившийся режим господства одной крупнейшей мировой державы [Yizumi, 2018:73]. Китай намерен соотнести планы в отношении Тегерана с видением перспективы развития Евразии, на которую активно влияют Россия, Индия, США и Евросоюз, а кроме того, полноценное участие Ирана в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в ракурсе последних событий с американскими санкциями становится для иранского руководства критически важным обстоятельством. Для КНР проблема удержания стабильности и безопасности в Центральной Евразии обусловлена необходимостью вывода растущей национальной экономики на внешние рынки, а также создание геополитического давления на присутствие США в рамках евразийского пространства.

Геополитическое измерение Китая в Евразии определяет Иран в качестве одного из основных доноров энергоресурсов для китайской экономики, прежде всего акцентирующее внимание на сохранении Тегерана на как можно более продолжительное время под американскими санкциями. Обложенный санкциями Иран, по мнению Пекина, будет весьма податлив на ценовой и политический компромисс с КНР и вряд ли в обозримой перспективе пойдет на какую-либо нормализацию отношений с Вашингтоном [Godehardt, 2014:18]. Китай очень рассчитывает, что его политика отказа от любого давления в международных отношениях, обильно одобренная демонстративным невмешательством в иранские внутренние дела убеждает Тегеран в отсутствии угрозы с китайской стороны и подтвердит стремление Пекина к реальному равноправию и справедливости в двустороннем взаимодействии. Относительная географическая близость КНР к Ирану дает китайскому правительству возможность достаточно быстро прокладывать эффективные маршруты поставок энергоносителей к своим границам, успешно конкурируя с потребителями иранского энергетического сырья. Кроме Китая на сегодня никто не способен инвестировать крупные финансовые ре-

сурсь в иранскую инфраструктуру, в том числе реализуя крупномасштабные проекты внутри Ирана.

Понимание категории суверенной государственности в Китае и Иране во многом схоже, основанное на традиционалистских цивилизационных принципах, позволяющих сохранять в современных обстоятельствах региональной и глобальной неустойчивости геополитический курс на сохранение коренных национальных интересов и формирование евроазиатского взаимодействия, ориентированного на антиамериканское противодействие. Касаясь евроазиатской интеграции, следует иметь в виду, что для Пекина наиболее перспективной и важной областью сотрудничества с Ираном является превращение Тегерана в форпост эффективного сопротивления Вашингтону в зоне Ближнего и Среднего Востока, точнее, поддержка суверенитета таких государств, как Сирия, Йемен, Ирак и Афганистан. Создание Китаем на основе тесных геополитических связей с Ираном региональной структуры соперничества с США вполне может реализоваться, если будет обеспечена пусть и молчаливая поддержка со стороны России, прежде всего в силу того, что Запад сейчас не обладает политической волей и военными возможностями принудить КНР отказаться от своих евроазиатских приоритетов. У китайского руководства достаточно сложное понимание российской позиции в отношении вызревающей роли Ирана на Ближнем и Среднем Востоке, что напрямую связано с вполне реальными подозрениями Москвы насчет наличия у Тегерана секретной долгосрочной программы налаживания тесных взаимоотношений с США, главная цель которой состоит в достижении большого стратегического компромисса с Вашингтоном относительно формирования на определенных условиях американо-иранского регионального геополитического альянса против КНР [*Feltman*, 2018:24]. Российские подозрения по поводу неискренности Ирана вызывают в Пекине заметные обеспокоенности в силу реального стремления иранских властей к высокотехнологичному развитию, когда программа монетарного стимулирования национальной экономики должна быть дополнена стимулированием роста нового технологического уклада, а это Тегеран способен сделать только за счет масштабных инвести-

ций, в том числе из США, где достаточно много фондов с финансовыми ресурсами иранского происхождения.

Затруднения в урегулировании иранской проблемы кроются в фундаментальном различии между ключевыми позициями КНР и США, которые проявляются в разновекторности их стратегических интересов в отношении Ирана, прежде всего с точки зрения достижения китайско-американского геополитического компромисса на региональном уровне. Разница между китайским и американским геополитическими курсами состоит в их конечных целях, когда Пекин придает особое значение стратегическому планированию в военной области регионального сотрудничества, а Вашингтон прежде всего интересуется прагматический вопрос об увеличении объема выделяемых бюджетных ресурсов на антииранские санкционные программы. Руководство КНР отдает себе отчет, что Иран способен стать серьезным источником нестабильности на международной арене и повлечь за собой критические осложнения ситуации в Ираке и Афганистане, определять китайскую стратегию взаимоотношений с США и Россией на Среднем и Ближнем Востоке. Китай решительно настроен при этом противодействовать американским попыткам по смене режима в Тегеране, развивать устойчивый диалог с иранским руководством, а также расширять сотрудничество с иранским государством на основе законных интересов Тегерана в сфере безопасности [Канева, 2019:3]. С китайской точки зрения, проблема Ирана многогранна и она не сводится лишь к спору о ядерном оружии как средстве обеспечения гарантии национального суверенитета, но в значительной степени здесь идет речь о геополитической и стратегической асимметрии, реально позволяющей контролировать ситуацию в данном сложном регионе.

Китайское геополитическое измерение в отношении Ирана предполагает отстаивание национальных внешнеполитических интересов КНР на Среднем и Ближнем Востоке с использованием такого мощного козыря, как контроль над иранским ядерным потенциалом с тем, чтобы не допустить совершения Тегераном ряда рискованных региональных акций против Саудовской Аравии или Израиля. Китайское руководство сознает, что проблема разрешения иранского ядерного кризиса лежит в фундаментальном различии

между позициями ключевых членов Совета Безопасности ООН, а причины этих различий кроются в прямо противоположных интересах КНР, США и РФ, которые создают парадокс, когда тактические подходы заинтересованных государств к разрешению общей проблемы и исключают саму возможность ее разрешения в силу отсутствия принципиального компромисса. Возможность для Китая разработать общий подход с Ираном к компромиссу с США и Россией выглядит на сегодня достаточно призрачной, Пекин скорее всего попытается договориться с Москвой о совместной стратегии на иранском направлении, оставив Вашингтон «на обочине» в деле формирования комплексной системы региональной безопасности [Abdolvand, 2012:14]. Однако любая договоренность с Российской Федерацией о политической поддержке Ирана упирается с точки зрения КНР в объективные препятствия, а именно: в противоречие в позициях Китая и России по поводу будущего иранской ядерной программы, а также в отсутствие реальной возможности у Пекина и Москвы выработать реальный компромисс относительно степени иранской вовлеченности в процесс евроазиатской региональной интеграции, на которую взгляды КНР и РФ во многом не совпадают. Несовпадение прежде всего касается укрепляющегося статуса Ирана в качестве ведущей региональной державы, что явно импонирует Пекину и не слишком отвечает геополитическим интересам Москвы в регионе Среднего и Ближнего Востока, поскольку российская сторона делает ставку на сохранение устойчивой системы сдержек и противовесов между всеми ведущими государствами данного района мира.

Любопытен факт отношения Китая к вступлению Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества, ибо китайское руководство рассматривает иранское направление своей внешней политики исключительно с точки зрения собственных национальных интересов, а значит, не допуская влияния на развитие ситуации с Ираном даже тех международных институтов, в которых Пекин сам участвует. КНР явно настроен на использование Ирана в качестве своего надежного партнера в формате ШОС, объективно противопоставляя иранский потенциал в сочетании с другими дружественными Пекину государствами в рамках данной международной организации. За-

пад поощряет Китай в удовлетворении им своих геополитических амбиций, предлагая свободу рук в отношении островов в Восточно-китайском и Южно-китайском морях, на части постсоветского пространства, что весьма опасно для России, поскольку указывает на реальное стремление западных элит переманить Китай на свою сторону в реализации стратегии по недопущению формирования политических основ единения на пространстве Евразии [Li, 2018:61]. Вряд ли КНР согласится на сотрудничество с Западом в деле выстраивания ситуации вокруг Ирана до уровня региональной войны, так как китайское руководство хотело бы попытаться укорениться на иранской территории по примеру России, фактически контролирующей Сирию. Членство Ирана в Шанхайской организации сотрудничества вызывает у Пекина двойственную реакцию: нет никакой гарантии, что иранское руководство в случае состоявшегося полноправного вступления в ШОС останется лояльным КНР, но может получиться и так, что Тегеран пустится в самостоятельное геополитическое плавание, внося серьезные раздоры в отношения между другими странами организациями.

Библиографический список

Бянь Чжучжэ. Илан: Дуй вайтоуцзы хэцзоу гобе (Иран: пострановое сотрудничество в сфере иностранных инвестиций). Цзинци хэцзо яньцзююань. Бэйцзин, 2017. С.31 (96 с.). (На кит. яз.)

Идзуми, Хироясу. Америка-кара мита Тюгоку (Китай в оценках США). Сёкэн Рёбу, № .57—6. Гаймусё кэнкюсё. Токё, 2018. С.73 (49—83 с.). (На яп. яз.)

Канэя, Мисая. Тюгоку-Иран но дакё (Китайско-иранский компромисс). Тюто топикусу № Т19—02. Тюто тёсакай. Токё, 2019. С.3 (6 с.). (На яп. яз.)

Ли Юнхуй. Цзун-Э-Мэй саньцзяо гуаньси: сианьчжуан, тэдянь, чэнинь цзи индуй (Отношения в «треугольнике» Китай—Россия—США: существующее положение, особенности, причины и следствия). Чжунго шэхуйкэсеюань чубаньшэ. Бэйцзин, 2018. С. 61 (57—70 с.). (На кит. яз.)

Симамура, Томоко. Шанхай кёрёку кико сосэцу но кэйи то кадай (Процесс создания ШОС и ее задачи): ERINA REPORT No.37. Ниигата, 2006. С. 51 (4—58 с.). (На яп. яз.)

Усияма, Рюити. ТайТю боэки идзондо-га такай кунигуни-ва доко ка? (Какие страны находятся в высокой степени зависимости от торговли с Китаем?). Рэ-по-то. Сихон сидзэ гэккан, 2018. 9 (No.397). Токё. С. 38 (34—42 с.) (На яп. яз.).

Янь Лисянь. Говай шэхуй сюечжэ лунь Чжунго шэхуй дэ сяньдайхуа (Зарубежные социологи рассуждают о социальной модернизации Китая). China Academic Journal. Beijing, 2015. P. 114 (111—118 p.) (На кит. яз.).

Abdolvand, Behrooz; Jalilvand, David Ramin; Eskafi, Fardin. Iran versus USA: Gebertswehen einer neuen Weltordnung. Eine geopolitische Analyse. Welt Trends Papiere. Universitat Potsdam, 2012. S. 14 (52 s.) (На нем. яз.).

Feltman, Jeff; Gross, Samanta. The new geopolitics of the Middle East: a Brookings Interview. Foreign Policy at Brookings. Washington, 2018. P. 24 (35 p.).

Godehardt, Nadine. Chinas “neue” Seidenstraßeninitiative. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2014. S. 18 (31 s.) (На нем. яз.).

Lanz, Martin. Wird 2018 zum Jahr des US-Protektionismus? Neue Zürcher Zeitung. Schweiz, 2018. S.22 (36 s.) (На нем. яз.).

Moldicz, Csaba Istvan. Geopolitics of Belt and Road Initiative and China's International Strategic Relations. Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations. International Journal. University of Malay. Malaysia, 2018. P. 109 (296 p.).

Thießen, Friedrich; Jehmlich, Tommy. Iran-Sanktionen. Chemnitz Economic Papers, No.023. Chemnitz Universitat of Technology. Chemnitz, 2018. S. 6 (14 s.) (На нем. яз.).

Van Kamenade, Willem. Cooperation and Confrontation in Asia: Iran's Relations with China and the West. Clingendael Diplomacy Papers No.24. Hague, 2019. Netherland. P. 18 (136 p.).

References

Abdolvand, Behrooz; Jalilvand, David Ramin; Eskafi, Fardin. Iran versus USA: Gebertswehen einer neuen Weltordnung. Eine geopolitische Analyse. Welt Trends Papiere. Universitat Potsdam, 2012. S.14 (52 s.) In German.

Bian Zhuzhe. Ilang: Dui waitouzi hezuo guobie (Iran: per-country cooperation in foreign investment's field). Jingji hezuo yanjiuyuan. Beijing, 2017. P.31 (96 p.). In Chinese.

Feltman, Jeff; Gross, Samanta. The new geopolitics of the Middle East: a Brookings Interview. Foreign Policy at Brookings. Washington, 2018. P.24 (35 p.)

Godehardt, Nadine. Chinas “neue” Seidenstraßeninitiative. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2014. S.18 (31 s.) In German.

Kaneya, Misaya. Chugoku-Iran no dakyo (Compromise between China and Iran). Chuto topikusu No.T19—02. Chuto chosakai. Tokyo, 2019. P.3 (6 p.) In Japanese.

Lanz, Martin. Wird 2018 zum Jahr des US-Protektionismus ? Neue Zürcher Zeitung. Schweiz, 2018. S.22 (36 s.) In German.

Li Yonghui. Zong-E-Mei sanjiao guanxi: xianzhuang, tedian, chengyin ji yingdui (The Relations in “triangle” China-Russia-USA: existing situation, peculiarities, causes and consequences). Zhongguo shehuikexieyuan chubanshe. Beijing, 2018. P. 61 (57—70 p.) In Chinese.

Moldicz, Csaba Istvan. Geopolitics of Belt and Road Initiative and China's International Strategic Relations. Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations. International Journal. University of Malay. Malaysia, 2018. P. 109 (296 p.)

Shimamura, Tomoko. Shanghai kyoryoku kiko sosetsu no keiyi to kadai (The process of SOC creature and its tasks). ERINA REPORT No.37. Niigata, 2006. P. 51 (4—58 p.) In Japanese.

Thießen, Friedrich; Jehmlich, Tommy. Iran-Sanktionen. Chemnitz Economic Papers, No.023. Chemnitz Universität of Technology. Chemnitz, 2018. S.6 (14 s.). In German.

Ushiyama, Ryuichi. TaiChu boeki yizondo-ga takai kuniguni-wa doko ka? (Which countries are in high degree of dependence from trade with China?). Repo-to. Shihon shijyo gekkan, 2018. 9 (No.397). Tokyo. P.38 (34—42 p.) In Japanese.

Van Kamenade, Willem. Cooperation and Confrontation in Asia: Iran's Relations with China and the West. Clingendael Diplomacy Papers No.24. Hague, 2019. Netherland. P.18 (136 p.).

Yan Lixian. Guowai shehui xuezhelun zhongguo shehui de xiandaihua (Overseas sociologists debate about social modernization of China). China Academic Journal. Beijing, 2015. P.114 (111—118 p.) In Chinese.

Yizumi, Hiroyasu. Amerika-kara mita Chugoku (China in USA evaluation). Shoken Rebyu, No.57—6. Gamusho kenkyusho. Tokyo, 2018. P.73 (49—83 p.) In Japanese.

Н.А. Замараева

«ЮЖНО-АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ШОС 2020: ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ»

Аннотация. Статья анализирует вызовы 2019—2020 гг., с которыми столкнулись страны Шанхайской организации сотрудничества в азиатском регионе. Первый — Кашмирский кризис, который в свою очередь следует разделить на два вида: мини-военный конфликт 2019 г. и административное обновление части Кашмира, контролируемое Индией. Второй вызов связан с процессом внутриафганских переговоров. Этот вызов также следует разделить на две составляющие: долгий период диалога США — афганские талибы (2018 — февраль 2020 г.) и постсоглашательский этап, т. е. период после подписания Соглашения США — Талибан 2020 г. Вызовы носят локальный характер. Но при несвоевременном и несбалансированном подходе к решению несут заряд напряженности и потрясения для всего региона Западной и Центральной Азии.

Ключевые слова: Афганистан, движение Талибан, Индия, Китай, Пакистан, США, коронавирус, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), вызовы.

Автор: Замараева Наталья Алексеевна, к.и.н., ст.н.с., Сектор Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской Академии Наук.
E-mail: olunja@mail.ru

Nataliya A. Zamaraeva

SCO South Asia Vector 2020: Challenges to Development

Abstract. The article analyzes the challenges of 2019—2020 faced by the Shanghai Cooperation Organization countries in the Asian region. There are two main ones. The first is the Kashmir crisis, which, in turn, should be divided into two types: the 2019 mini-military conflict and the administrative renewal of part of Kashmir controlled by India. The second challenge is related to the process of intra-Afghan negotiations. This challenge should also be divided into two components: a long period of the dialogue between US and the Afghan Taliban (2018 — February 2020) and the post-Agreement phase, i.e. period after the signing of the Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America or shortly US-Taliban Agreement 2020. Challenges are local. But with an untimely and unbalanced approach to the solution, these challenges carry a charge of tension and upheaval for the entire region of West and Central Asia.

Keywords: Afghanistan, Taliban Movement, India, China, Pakistan, USA, Coronavirus. SCO.

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (olunja@mail.ru).

Южно-азиатский вектор Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2019—2020 гг. столкнулся с несколькими жесткими вызовами:

- мини-военный кризис 2019 г. между Индией и Пакистаном;
- усиление Кашмирского кризиса в 2019—2020 гг.;
- «внутриафганский узел» — усиление вызовов для стран ШОС после подписания соглашения США—Талибан 2020 г.;
- эпидемия коронавируса.

Названные вызовы оказали и продолжают опосредованно оказывать негативное влияние на развитие Шанхайской организации сотрудничества.

Путь к миру и примирению в Афганистане и разрядке напряженности в пакистано-индийских отношениях, несомненно, требуют коллективных региональных усилий и постоянной международ-

ной поддержки, и в первую очередь стран ШОС. Примером может служить позиция России, например, в Кашмирском кризисе 2019 г. В своих заявлениях она опиралась на международное право и следовала принципам Организации Объединенных Наций. Успешно проведенный Московский формат по урегулированию ситуации в Афганистане подтверждал весомость ее вклада в урегулирование кризисов в Азии.

Вступление Пакистана в ШОС в 2017 г. следует рассматривать как географическое расширение влияния Пакистана, повышение статуса в регионе, укрепление позиций его дипломатии. Известно, что вступлению Исламабада в организацию способствовал Пекин, подталкиваемый планами географического продвижения китайской Инициативы Пояса и Пути в республики Центральной Азии, на пути к которым лежат Пакистан и Афганистан.

В XXI в. разные политические администрации Пакистана всегда с большим пиететом относились и относятся к Поднебесной, ее мощному экономическому рывку, неустанно повторяя, что эпицентры экономической мощи и динамика роста смещаются на восток, имея в виду Китай, а региональная интеграция ускоряется. Уже четвертая администрация у власти в Пакистане, начиная с первых лет XXI в., Исламабад в своей региональной политике ориентируется на Пекин независимо от внутривнутриполитических приоритетов того или иного главы государства. Отчасти это подтверждает, что ШОС, где одну из ведущих ролей играет Поднебесная, проводит политику двусторонних отношений, избегая многоканальности внутри организации.

Значимой заслугой Исламабад оправданно считал успешное проведение военных операций во внутренних районах страны и в зоне пуштунских племен на границе с Афганистаном, «переломил ситуацию с терроризмом». Сегодня он готов поделиться опытом и знаниями в этой области; продолжает активно участвовать в военных контр-террористических учениях стран ШОС.

Напомним, что по результатам парламентских выборов в 2018 г. к власти в стране пришла Партия справедливости Пакистана / Техрик-и Инсаф. Ее лидер Имран Хан был избран в июле 2018 г. на пост премьер-министра. Однако относительная социально-полити-

ческая стабильность государства достигается за счет укрепления роли военного истеблишмента в государственном управлении, во внешней и внутренней политике в последние годы. Учитывая, что большинство вызовов для Пакистана исходит с северо-западной и восточной границ, то и отвечает на них генералитет.

* * *

Первый вызов: возобновление противостояния в Кашмире. Первые два года после вступления в ШОС в 2017 г. Индия и Пакистан поддерживали добрососедские отношения, включающие, однако, традиционные эпизодические столкновения на Линии контроля (ЛК). Но в феврале 2019 г. страны столкнулись сначала в мини-военном конфликте, а начиная с 5 августа 2019 г. власти Индии, вопреки резолюциям СБ ООН о Кашмире, отменили на законодательном уровне особый статус штата Джамму и Кашмир, а с 31 марта 2020 г. специальным указом ввели новые правила о местожительстве в регионе, реализуя тем самым политику изменения демографического состава подконтрольной Индии части Кашмира.

В феврале 2019 г. ВВС Индии согласно заявлению ее внешнеполитического ведомства нанесли «...невоенные превентивные авиаудары» [Pakistan demarched ...] по контролируемой Пакистаном части территории Кашмира в ответ на террористический акт. Многие соглашались, что бомбардировка 26 февраля 2019 г. — «концентрированный выплеск» Нью-Дели антимусульманской политики премьер-министра Н. Моди, с призывом к мировой общественности изолировать Пакистан на международной арене, как «государство-террорист».

В 2019 г. военное противостояние внесло разлад в ряды организации. Многие задавались вопросом о поспешности включения Индии и Пакистана в состав ШОС, несовершенстве механизма урегулирования конфликтов и т. д.

Мировая общественность выражала опасения о возможном применении ядерного оружия обеими странами, членами ШОС. Впервые в истории одна ядерная держава нанесла авиаудары по территории другой.

Пакистан исключал возможность использования ядерного оружия, рассматривая его как средство сдерживания, предотвращения реальной военной угрозы. Очередной раз подтвердил готовность предпринять шаги по нераспространению ядерного оружия, однако, только в случае, если Индия сделает то же самое.

Быстрая локализация военного конфликта пакистанской стороной, передача Исламабадом летчика индийских ВВС обратно Нью-Дели, представлялось, завершила острое противостояние сторон в 2019 г. Однако дальнейшие события подтвердили, что власти Индии не отказались от традиционной борьбы против Пакистана. Однако последствия конфликта для Исламабада и Нью-Дели оказались разными: часть стран поддержали Индию, другая — Пакистан.

Однако одна страна, сыгравшая важнейшую роль в ослаблении кризисов, осталась незамеченной, и это была Россия. Внешнеполитическое ведомство «...выразило обеспокоенность эскалацией напряженности в отношениях Индии и Пакистана, опасным маневрированием вооруженных сил двух государств в районе Линии контроля, чреватым прямым военным столкновением» [О текущей ситуации...]. В отличие от общественного мнения, что США сыграли ключевую роль, именно Москва работала за кулисами, чтобы положить конец кризису, поддерживая связь как с Исламабадом, так и Нью-Дели. На следующий день после того, как Пакистан сбил два индийских военных самолета и захватил одного из ее пилотов, президент России В. Путин позвонил премьер-министру Индии Н. Моди, призывая его продемонстрировать сдержанность.

Россия проявила большую оперативность, чем США, и играла «более нейтральную роль, несмотря на давние стратегические партнерские отношения с Индией. Вопреки подходу США, Россия добивалась снижения напряженности из-за опасения подрыва мира в регионе.

Но как показали дальнейшие события, Индия еще весной 2019 г. взяла курс на исключение Кашмирского вопроса из повестки дня многолетнего процесса двустороннего диалога с Пакистаном в нарушение положений Симлского соглашения 1972 г. и Лахорской декларации 1999 г.

* * *

В столице Кыргызстана Бишкеке 14 июня 2019 г. состоялся очередной саммит ШОС, в работе которого впервые принял участие премьер Пакистана И.Хан. Анонсируя позицию новичка, как он себя называл в кругу лидеров стран организации, он подчеркнул важность основных для страны вопросов:

- во-первых, подчеркивал многолетние глубокие связи Пакистана с республиками Центральной Азии и Россией; позиционировал страну в качестве привлекательного места для инвестиций, огромного торгового рынка и богатых минеральных ресурсов, квалифицированный человеческий потенциал (220 млн человек населения), обширную аграрную базу, огромный туристический хаб и развитую ИТ-инфраструктуру (имеется в виду выгодное географическое положение, обеспечивающее жизненно важные связи между Ближним Востоком и Китаем, а также Центральной и Южной Азией).
- во-вторых, осудил терроризм во всех его формах и проявлениях, включая государственный терроризм в отношении людей, находящихся под «незаконной оккупацией», имея в виду контролируемую Индией часть Кашмира; обратился к членам ШОС с призывом проявлять сдержанность, предпринимать шаги по нейтрализации напряженности и поиску решений дипломатическими средствами; подчеркнул, что реализация Совместного всеобъемлющего плана действий всеми сторонами имеет важное значение для международной и региональной стабильности» [Statement by Prime Minister...]. Пакистан осудил терроризм во всех его формах и проявлениях. Обострение пакистано-индийских отношений вновь отбросило поступательное развитие ШОС.
- в-третьих, приглашал страны ШОС к сотрудничеству в проектах китайской Инициативы Пояса и Пути: Китайско-пакистанского экономического коридора и строительстве порта-города Гвадар на побережье Ормузского пролива. Заявления премьера И. Хана о том, что «...КПЭК суждено стать катализатором создания интегрированной паназиатской сфе-

ры совместного процветания» [Statement by Prime Minister ...] звучало таким образом, что создавалось впечатление о строительстве параллельного с ШОС транспортно-логистического и торгового механизма, который управляется единым китайско-пакистанским менеджментом.

Саммит ШОС проходил в спокойной обстановке. И Индия, и Пакистан были представлены первыми лицами. Царила атмосфера внешних улыбок и дипломатической сдержанности. Но уже в те дни премьер-министр Пакистана И.Хан подчеркивал, что мир между Индией и Пакистаном полностью зависит от решения Кашмирского вопроса, «...и может быть решен только в том случае, если народ Кашмира получит право на самоопределение, которое было гарантировано ему Организацией Объединенных Наций в 1945 г.» [SCO summit:...].

Однако спустя полтора месяца после окончания саммита ШОС, пакистано-индийские отношения вновь обострились [Замараева Н.А. ...].

* * *

Причиной напряженности стала отмена Нью-Дели особого статуса подконтрольной Индии части штата Джамму и Кашмир, который был предоставлен региону в соответствии со Статьей 370 Конституции Индии 1949 г. [Article 370...].

5 августа 2019 г. президент Индии Рам Нат Ковинд, пользуясь своим правом, на основании Статьи 370 Конституции издал Указ об отмене указанной статьи. Ее отмена автоматически означала отмену особого статуса штата. В то же день министр внутренних дел Индии Амит Шах внес на рассмотрение верхней палаты парламента Законопроект о реорганизации Джамму и Кашмира, 2019 г. Законопроект предусматривал реорганизацию штата Джамму и Кашмир в Союзную территорию Джамму и Кашмир и Союзную территорию Ладакх. В течение нескольких дней законопроект был подписан президентом и вступил в силу 31 октября 2019 г. Начиная с этого дня, союзные территории получили новый статус — статус территорий центрального подчинения, управление которыми осуществляет лейтенант-губернатор и однопалатный законодательный орган, подотчетный напрямую президенту Индии.

Пакистан «взорвался от негодования» после нарушения Индией прежних официальных договоренностей, резолюций Совета Безопасности ООН.

Но власти Индии продолжили курс на укрепление административного управления контролируемой ими части Кашмира. 31 марта 2020 г. Нью-Дели ввел новые правила на указанных союзных территориях. Согласно «Указу о реорганизации Джамму и Кашмир 2020» (подготовлен Министерством внутренних дел страны) лицам, которые были направлены на работу в Кашмир и прожили в течение 15 лет, предоставлялся статус постоянно проживающего.

Незамедлительно Пакистан выступил с осуждением подобных действий, заявляя, что Указ о реорганизации Кашмира ставит целью «незаконного изменения демографической структуры контролируемой Индией части Кашмира», заселению районов приезжими путем изменения законодательства о месте жительства.

В конце марта 2020 г. власти Индии ввели в действие «Новые правила» в дни глобального кризиса эпидемии коронавируса, когда введен запрет на социальные мероприятия для поддержания нерабочего режима. Это сделано, учитывая массовое протестное движение местного населения в Сринагаре и Ладакхе летом-осенью 2019 г., которое выступило против отмены особого статута штата Джамму и Кашмир, последовавшего отключения в регионе властями Индии услуг Интернета, блокады местного населения. В те дни в целях нормализации социальной обстановки в регион были дополнительно передислоцированы индийские войска, численность которых составляла, по разным оценкам, более полумиллиона индийских военнослужащих.

Реакция стран ШОС в марте 2020 г. на новые правила властей Индии в союзной территории Джамму и Кашмир и союзной территории Ладакх страны ШОС была нейтральной. Даже Китай, верный союзник Пакистана, всегда выступавший на стороне Исламабада в вопросах борьбы за права человека в контролируемой Индией части Кашмира, в текущей кризисной для Исламабада ситуации не выступил в поддержку его призыва созвать СБ ООН с обвинениями в адрес Индии изменить демографию и привлечь к ответственности за нарушения резолюций СБ ООН. Нейтральная позиция Поднебес-

ной в 2020 г. объяснялась тем, что правительство Индии 31 марта 2020 г. объявило, что налажено воздушное сообщение между Китаем и Индией для транспортировки медикаментов в период коронавируса. Таким образом, Китай проигнорировал просьбу Пакистана о срочности созыва СБ ООН. Исламабад постепенно остается в одиночестве в своем призыве к мировой общественности сфокусировать внимание на ситуации в Кашмире.

Исламабад остается в одиночестве в борьбе за реализацию резолюций СБ ООН по Кашмиру, накапливая обиду в адрес стран ШОС. Ему ничего не остается, кроме как дипломатическим путем продолжить борьбу, постоянно обращаясь к мировому сообществу на различных форумах.

* * *

Но в 2019—2020 гг. страны ШОС столкнулись в регионе Западной Азии с более острым и затянувшимся во времени кризисом, так называемым «внутриафганским узлом». Его противоречия еще более обострились после подписания 29 февраля 2020 г. «Соглашения о мире в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, который не признан Соединенными Штатами как государство и известен как Талибан и Соединенные Штаты Америки», — именно так официально называется соглашение США—Талибан 2020 г. [Agreement for Bringing Peace...].

Урегулирование внутриафганских конфликтов и противоречий является жизненной необходимостью государственного строительства современного Афганистана. Мир в этой стране имеет ключевое значение для:

- сдерживания экстремистских тенденций в юго-западной Азии;
- развития региональной торговли и экономических связей.

Этот вызов носит многоуровневый характер. Путь к миру и примирению в Афганистане потребует постоянных коллективных региональных и международных усилий, компромиссов и гибкости подходов. Страны ШОС, начиная с 2011 г., поддерживают «собственно афганский и возглавляемый Афганистаном процесс мира и примирения» и подчеркивают общую ответственность. Представля-

ется, что страны ШОС, в первую очередь Китай, Пакистан и Россия вправе продолжить посредническое участие.

Активную роль в переговорном процессе с Движением Талибан, одной из сторон военного конфликта, играют Соединенные Штаты. Более того, представляется, что начинается соревнование — кто первым из региональных и мировых лидеров предложит оптимальный вариант решения внутриафганского конфликта.

Переговорный процесс, связанный с так называемым «афганским узлом 2019—2020 гг.», следует разделить на два этапа: ожидание подписания «мирного соглашения», т. е. диалоговый период о прекращении военного противостояния талибов и американских войск (конец 2018 г. — февраль 2020 г.) и собственно постсоглашательский период (февраль 2020 г. — настоящее время).

На протяжении всех лет антитеррористической кампании Пакистан неоднократно подчеркивал, что конфликт в Афганистане не имеет военного решения. В то же время подчеркивал необходимость продолжать Соединенными Штатами оказывать финансовую помощь Афганистану в течение полутора лет, и только по окончании этого периода ответственность может быть переложена на соседей Афганистана, включая Россию, Китай, Пакистан и государства Центральной Азии. Это заявление основывалось на опыте сотрудничества Исламабада и Вашингтона в 80-х годах XX в., когда после вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана, Белый дом оставил Пакистан без обещанной экономической поддержки.

Исламабад еще в 2019 г. подчеркивал, что поддержка стран ШОС постконфликтного Афганистана будет оставаться крайне важной. Но события в Афганистане в 2020 г. после подписания Соглашения США — Талибан 2020 г. стали развиваться по незапланированному, более жесткому сценарию.

Оправдательный вердикт президенту США Д. Трампу, вынесенный 9 февраля 2020 г., устранение угрозы импичмента усилили его уверенность в победе на следующих президентских выборах в 2021 г. Это незамедлительно дало старт процедуре подписания «Соглашения о мире в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, который не признан Соединенными Штатами как государство

и известное как Талибан, и Соединенные Штаты Америки». Важнейшими пунктами для президента Д. Трампа в этом документе оставались:

- обязательство талибов не использовать территорию Афганистана для совершения террористических актов против безопасности США;
- вывод регулярных американских войск из Афганистана;
- поддержание подписантами режима прекращения огня;
- старт внутриафганских переговоров назначен на 10 марта 2020 г.;
- состав Исламского правительства определяется внутриафганским диалогом.

Подписанию Соглашения предшествовал краткий, в течении восьми дней, режим прекращения огня. Сразу же после официальной церемонии подписания афганские талибы, войска правительства национального единства и афганские силы обороны и безопасности, а также многочисленные группировки боевиков с ожесточением возобновили боевые столкновения.

Приветствуя мирные договоренности, Пакистан неоднократно подчеркивал, что конфликт в Афганистане не имеет военного решения. Генералитет в Равалпинди (месторасположение штаба сухопутных войск Пакистана) указывал на важность урегулирования в соседней стране, так как «... путь к региональной стабильности и миру проходит через Афганистан» [Commanders review...].

Одновременно Исламабад и Пекин выступали за ответственное отношение США к выполнению взятых обязательств:

- вывод всех союзнических войск, включая частные военные подразделения, с территории Афганистана;
- ликвидация американских баз на территории Афганистана;
- оказание США долгосрочной экономической помощи в восстановлении Афганистана;
- оказание поддержки внутриафганскому мирному диалогу, формированию структур власти с участием талибов.

Региональные державы выразили надежду, что внутриафганские переговоры станут следующим логическим шагом в направлении урегулирования; призвали все афганские стороны воспользоваться

исторической возможностью и конструктивно сотрудничать для обеспечения прочного мира и стабильности в стране.

Китай вновь заговорил о включении Афганистана в транспортно-логистическую Инициативу «Пояса и Пути», используя его географическое положение, огромные минеральные ресурсы, и далее продвигать инфраструктурные проекты в Центральную Азию.

Исламабад и Пекин подтвердили, что продолжат поддерживать мирный, стабильный, единый, суверенный, демократический и процветающий Афганистан. Однако Китай и Пакистан отказались от планов афганских талибов восстановить государственное устройство и формы правления Исламского эмирата Афганистан.

Анализ региональной прессы показал, что многие вновь поверили в незыблемость обещаний Вашингтона, заявленных в Соглашении США—Талибан 2020 г. Однако Исламабад, учитывая опыт прошлых совместных с США военных кампаний, крайне осторожно отнесся к документу, анализируя вызовы национальной и региональной безопасности после подписания Соглашения США—Талибан 2020 г. Их по-прежнему оставалось два: первый исходил с территории Индии, второй — с территории Афганистана. Таким образом, учитывая предыдущий опыт военных кампаний, штаб сухопутных войск уже в первых числах марта 2020 г. заявлял об оперативной готовности федеральной армии в связи с напряженной ситуацией вдоль Линии контроля и напряженной геостратегической обстановкой в Афганистане. События подтвердили, что уже спустя неделю после встречи США—Талибан в Дохе обстановка в самом Афганистане резко ухудшилась. Это было вызвано дополнительным кризисом — кризисом управления во внутренних административных кругах Афганистана и, как следствие, волной террористических актов по всей стране.

Основной просчет Соглашения состоял в том, что оно не предусматривало участия в нем конституционно избранной администрации Афганистана. Напомним, что талибы, с октября 2001 г., начала антитеррористической кампании, отказывались вести какие-либо переговоры с властями Афганистана, заявляя о продажности ими национальных интересов западным державам. И как результат несовершенства Соглашения на следующий после подписания день пре-

зидент А. Гани заявил об отсутствии с его стороны гарантий освобождения из заключения боевиков Движения Талибан, одного из ключевых пунктов документа.

Более того, сфокусировав внимание на переговорах с Движением Талибан в 2018—2019 гг., Вашингтон упустил контроль за действиями внутри афганской администрации. В сентябре 2019 г. состоялись президентские выборы, последовал долгий период подсчета голосов, результаты которых не признал ни один из кандидатов. Два кандидата — действующий президент Ашраф Гани и главный исполнительный директор Абдулла Абдулла, оба объявили себя победителями. 9 марта 2020 г. одновременно провели две церемонии инаугурации на единственный пост президента Исламской Республики Афганистан. Кризис управления блокировал выработку состава делегации властями в Кабуле для переговоров с талибами, назначенных на 10 марта 2020 г. Таким образом, Соглашение США—Талибан 2020 г. оставалось невыполнимым.

Госдеп США выступил с заявлением о недопустимости двоевластия в стране, поддержав кандидатуру президента А. Гани. Иными словами, кризис управления блокировал процесс переговоров Талибан — официальные власти Кабула, что в свою очередь означало провал американских усилий в Афганистане. Отсутствие прогресса снимало гарантии безопасности для самих Соединенных Штатов.

Острота ситуации «убедила» госсекретаря США М. Помпео срочно вылететь в Кабул, несмотря на опасность заражения коронавирусом. Однодневная поездка в Афганистан была предпринята в рамках усилий по спасению Соглашения. В ответ на кризис управления в администрации Кабула, госсекретарь заявил, что США рассматривают вопрос о сокращении помощи Афганистану на 1 млрд долларов уже в текущем году, обвиняя и президента Ашрафа Гани, и его политического конкурента Абдулла Абдулла в том, что они не смогли договориться, во первых, о формировании правительства единства, и во-вторых, о формировании команды для переговоров с талибами. Более того, он подтвердил, что США готовы сократить размер помощи Афганистану еще на 1 млрд долларов в 2021 г., а также пересмотреть обязательства на конференциях доноров. Однако

М. Помпео предположил, что помощь может быть восстановлена, если они передумают [US to cut...]. Все понимают, что прекращение политической и экономической поддержки США может негативно повлиять на стабильность в стране. Несколько дней потребовалось и А. Гани, и А. Абдулле для проявления гибкости позиций, и в конце марта с.г. была сформирована команда переговорщиков для диалога с талибами. Экономическая помощь США в любом случае закончится через год-полтора.

Но основная опасность исходила не столько от отказа США предоставить экономическую помощь, сколько от скрытого потенциала гражданской войны в ближайшей перспективе и, как следствие, экономическом и управленческом коллапсе, территориальной целостности Афганистана, что угрожало региону необратимыми последствиями. Опасность гражданской войны полностью перечеркивает формулу ненасильственного перехода в общепризнанному политическому урегулированию в стране.

В свою очередь гражданская война между талибами и войсками правительства национального единства во-первых взаимно ослабит их, но главное, предоставит пространство для бесконтрольной и неуправляемой активности иностранных террористических организаций и группировок (Аль-Каида, ИГИЛ, Движение Талибан Пакистана, Восточно-туркестанское исламское движение, Джаиш-и Мухаммад и другим). На сегодняшний день в Афганистане отсутствует сила, способная справиться с иностранным террором.

Не следует забывать и о другой угрозе, исходящей со стороны Индии. Подписание Соглашения США—Талибан 2020 г. Нью-Дели рассматривает как победу Исламабада в урегулировании афганского кризиса. Давление Исламабада на афганских талибов по мере укрепления их влияния во властных структурах Кабула ставит также целью ослабление позиций Индии в этой стране и, как следствие, подрыв ее позиций в регионе. Правительство под руководством афганских талибов в Кабуле может отказать Индии в свободе действий, которую ей предоставляли администрации Х. Карзая и А. Гани — А. Абдуллы. Нью-Дели не допускает потери влияния на Кабул после вывода американских войск и вновь найдет повод для военного/

Кашмирского/технологического/водного и т. д. столкновения с Пакистаном.

Таким образом, важность стран ШОС, их последовательная политика, направленная на разрядку напряженности в регионе неопределяема для гарантий безопасности этих стран.

И если региональные страны действительно заинтересованы в умиротворении и стабильности Афганистана, то США уже после подписания Соглашения с талибами представляют новый вызов для стран региона/ ШОС. Политика Государственного департамента однозначно продемонстрировала, что он не оставит Афганистан. США никогда не передадут ни Афганистан, ни республики Центральной Азии Китаю, России или косвенно Шанхайской организации сотрудничества. Это признают и пакистанцы. Но постоянная дестабилизация Центрально-азиатского региона и Афганистана лишит Китай и Россию стабильной позиции в регионе.

Внутриафганское урегулирование будет зависеть от регионального компонента. Особая роль в этом процессе остается за Пакистаном. Но сегодня в силу разных причин он не в состоянии сыграть решающую роль в формировании многостороннего соглашения в Афганистане. Одна из причин кроется в его традиционной поддержке афганских талибов, начиная с октября 1996 г., прихода к власти талибов. В настоящее время молодое поколение афганских боевиков далеко не всегда прислушивается к опытному старшинству и старается проводить свою независимую политику. Сегодня Пакистану не хватает влияния на антиталибские силы в Афганистане, и он будет искать поддержки и в Москве, Пекине, Тегеране и даже в Нью-Дели, чтобы ответить взаимностью на любую региональную мирную инициативу.

Таким образом, страны ШОС, а также Иран должны стать частью внутриафганского урегулирования. Но следует подчеркнуть, что для Пакистана принять комплексный совокупный подход будет сложно. В результате многих лет изучения Пакистана складывается впечатление, что в его политической культуре отсутствует механизм ШОСа, упоминания об организации не слышно.

Библиографический список

Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> February 29, 2020).

Article 370 in The Constitution Of India 1949. URL: <https://indiankanoon.org/doc/666119/>

Замараева Н.А. КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане // Проблемы Дальнего Востока 2019. Выпуск 3. С. 43—55. URL: <http://ras.jes.su/pdv/s013128120005264-1-1> (дата обращения: 25.06.2019). S013128120005264-1-1 DOI 10.31857 / S013128120005264-1 <https://ras.jes.su/pdv/s013128120005264-1-1>

О текущей ситуации в районе Линии контроля между Индией и Пакистаном. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3549162#7 (дата обращения: 01.03.2019).

Pakistan demarched on the act of aggression against India. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31100/Pakistan_demarched_on_the_act_of_aggression_against_India (accessed: 27.02.2019).

Commanders review national, regional situation. URL: <https://nation.com.pk/13-Mar-2020/commanders-review-national-regional-situation> (accessed: 13.03.2020).

SCO summit: PM Imran Khan mulls arms deal with Russia. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/484031-sco-summit-pm-imran-khan-mulls-arms-deal-with-russia> (accessed: 14.06.2019).

Statement by Prime Minister Imran Khan at the SCO Council of Heads of State (Bishkek, Kyrgyz Republic, 14 June 2019). URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php> (accessed: 14.06.2019).

US to cut \$1bn of Afghanistan aid over failure to agree unity government. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/24/us-to-cut-1bn-of-afghanistan-aid-over-failure-to-agree-unity-government> (accessed: 25.03.2020).

References

Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> February 29, 2020).

Article 370 in The Constitution Of India 1949. URL: <https://indiankanoon.org/doc/666119/>

Commanders review national, regional situation. URL: <https://nation.com.pk/13-Mar-2020/commanders-review-national-regional-situation> (accessed: 13.03.2020).

O tekushei situachii v raione Linii controla mezhdyy Indiiy I Pakistanov. [About the current situation in LoC between India and Pakistan].)(In Russian). URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3549162#7 (accessed: 01.03.2019).

Pakistan demarched on the act of aggression against India. URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31100/Pakistan_demarched_on_the_act_of_aggression_against_India (accessed: 27.02.2019).

SCO summit: PM Imran Khan mulls arms deal with Russia. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/484031-sco-summit-pm-imran-khan-mulls-arms-deal-with-russia> (accessed: 14.06.2019).

Statement by Prime Minister Imran Khan at the SCO Council of Heads of State (Bishkek, Kyrgyz Republic, 14 June 2019). URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php> (accessed: 14.06.2019).

Statement by Prime Minister Imran Khan at the SCO Council of Heads of State (Bishkek, Kyrgyz Republic, 14 June 2019). URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php> (accessed: 14.06.2019).

US to cut \$1bn of Afghanistan aid over failure to agree unity government. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/24/us-to-cut-1bn-of-afghanistan-aid-over-failure-to-agree-unity-government> (accessed: 25.03.2020).

Zamaraeva N.A. (2019) KNR i problem mirnogo uregulirovaniya v Afghanistane. Problemi Dalnego Vostoka 2019. Issue 3 s. . 43—55. [Zamaraeva N.A. PRC and the problems of peaceful reconciliation in Afghanistan]. URL: <http://ras.jes.su/pdv/s013128120005264-1-1> (accessed: 25.06.2019). (In Russian). S013128120005264-1-1 DOI 10.31857 / S013128120005264-1 <https://ras.jes.su/pdv/s013128120005264-1-1>

Заключение

Авторы сборника акцентируют внимание на такой характерной черте современного периода на евразийском пространстве, как ухудшающиеся внешнеполитические и внешнеэкономические условия развития.

Главная причина — продолжающееся геополитическое противостояние Запада и России, откуда вытекает и побочное явление — раскол постсоветского пространства по внешнеполитическим приоритетам.

Одной из доминант современных международных отношений, по мнению ряда российских аналитиков, является соперничество коллективного Запада (США и ЕС) с Китаем. Эти группы стран представляют собой два системообразующих фактора международных отношений, в перспективе образующих своеобразную ось мировой политики [Актуальные вопросы...].

Что очень важно, между ними в настоящее время по сути развивается столкновение глобального масштаба.

Российское руководство придает строительству евразийской интеграции чрезвычайно важное значение, однако понимает, что это крайне сложная задача, на решение которой потребуется немало времени и сил.

Это потребует проведения как Россией, так и новыми независимыми государствами, настойчивой и целеустремленной политики, направленной на формирование Евразийского союза. При этом не случайно и в самой России, и в Беларуси, и в Казахстане немало политических сил, которые скептически относятся к перспективам Евразийского союза. И следует признать, что оснований для такого скептицизма более чем достаточно.

На взгляд некоторых аналитиков, евразийский проект в процессе развития столкнулся с очень серьезными проблемами, связанными с тем, что в него вошли страны, которые находятся на разных стадиях институционального развития, у них разные интересы и они ставят перед собой разные цели.

Как подчеркивают авторы статей, одним из главных внутренних вызовов ЕАЭС является слабая внутренняя интегрированность евразийской группировки, выражающаяся в очень низком удельном весе взаимной торговли. Для существенного увеличения доли взаимного товарооборота необходимо развитие внутриотраслевой кооперации, однако импульсов к этому не просматривается.

Отмечаются многочисленные проблемы формирования общего внутреннего рынка. В целом до сих пор Евразийскому союзу не удастся обеспечить главную задачу — полную свободу перемещения товаров, услуг, людей и капитала. Негативную роль играют выстраиваемые странами — членами союза всевозможные нетарифные барьеры разного рода.

Стоит подчеркнуть, что до сих пор отсутствует прочная идеологическая основа для сплоченности и солидарности между государствами-членами, которые по-прежнему предпочитают свои собственные национальные интересы единой парадигме партнерства. При этом помимо сложностей с формулировкой ценностных ориентиров, привлекательных для своих ближайших соседей, России до сих пор не удастся обосновать наличие общего внешнего противника или общих вызовов, без чего прочность альянсов и союзов под ее лидерством становится сложно достижимой.

Чрезвычайно важно отметить нарастающие сложности дальнейшего экономического развития лидера союза — России в условиях развивающегося мирового экономического кризиса. Это в конечном итоге проявляется в недостаточности ее финансовых ресурсов для реализации интеграционного евразийского курса.

В настоящее время российское руководство осознало, что сохранение высокого уровня экономических дотаций ближним партнерам по евразийскому пространству стало противоречить ее собственным интересам и практически не приносит никаких экономических или политических дивидендов.

Исходя из этого, Россия встала на путь оптимизации прямой и косвенной финансовой поддержки стран евразийского пространства, сокращения линий кредитования стран ЕАЭС. Вследствие этого отмечается рост разногласий на высшем политическом и государственном уровнях с партнерами России по ЕАЭС.

Значительное внимание в сборнике уделено внешнеэкономическим и внешнеполитическим вызовам развитию стран ЕАЭС.

Свое видение развития евразийского пространства имеет и Китай, чему уделено внимание рядом авторов.

В условиях нескончаемого мирового финансового кризиса китайское руководство надеется сформировать подконтрольное экономическое пространство в Евразии, альтернативное пространству, регулируемому «коллективным Западом». КНР выступает за усиление регионального видения перспектив евроазиатского регионального взаимодействия с тем, чтобы соотнести их с видением глобальной перспективы развития мира ключевыми игроками на евроазиатском пространстве, особенно в части выбора стратегических партнеров, в том числе по линии отношений с Ираном, Пакистаном и др.

Взаимодействие Китая и Ирана ставит под сомнение долларовую монополию США в мире, а по оценкам международных экспертов, отход Тегерана от осуществления транзакций в американских долларах во многом представляет собой вынужденную меру, и это объективно ведет к усилению зависимости экономики Ирана от КНР. Последнее явно может усложнить доступ иранской продукции на иные рынки, но поскольку в глобальных вопросах мирового устройства позиции Пекина и Тегерана во многом сходятся, а именно: стороны убеждены в необходимости построения многополярного мира, в котором основные международные проблемы будут решаться всеми членами мирового сообщества, а не одной пусть и самой крупной державой в лице США. С этой точки зрения, потенциальный альянс КНР и Ирана выглядит вполне логичным для формирования Большого евроазиатского пространства, с чем Пекин скорее всего согласится, чтобы обеспечить полное членство Тегерана в Шанхайской организации сотрудничества как одного из основных игроков на геополитической шахматной доске в Евразии. Для КНР Иран выступает в качестве ключевого узла практически всех «новых

шелковых путей» в рамках китайской стратегической инициативы «Один пояс, один путь» и главное — Тегеран сам стремится стать важным элементом, интегрированным в обширную общеевразийскую экономическую систему.

Определенное внимание в сборнике уделено выдвигению США обновленной стратегии для Большой Центральной Азии. Вполне очевидно, что выступая под флагом «взаимовыгодного сотрудничества в реализации мирного процесса и политического урегулирования в Афганистане», а также «укрепления торгово-экономических, транспортных и инфраструктурных связей центральноазиатских государств», Соединенные Штаты преследуют свою главную цель: максимально возможное в современных условиях ослабление позиций России и Китая в регионе и постепенное «выдавливание» их из Центральной Азии.

Новая стратегия США в Центральной Азии мало чем отличается от их стратегии, опубликованной в 2015 г. Коренного ее обновления не произошло. Однако в тексте документа впервые сказано: «Ключевой принцип новой стратегии в том, что США признают геостратегическую значимость Центральной Азии».

Кроме того, американцы прекрасно понимают, что у них нет таких географических преимуществ и значительных стратегических интересов в Центральной Азии, какие есть у России и Китая. В новой стратегии США прямо говорится, что превзойти степень их влияния в регионе США вряд ли удастся. Однако, следуя своей глобальной стратегической задаче по сдерживанию этих двух держав в общепланетарном масштабе, Соединенные Штаты будут всячески содействовать ослаблению их влияния в Центрально-азиатском регионе.

В конечном итоге авторы приходят к выводу о том, что в третьем десятилетии нынешнего века у России есть все шансы для того чтобы успешно продолжить возвращение себе статуса великой державы на глобальном уровне с опорой на свою внешнюю политику, военную мощь и при поддержке ее стратегических партнеров.

Немалое внимание уделено главной китайской инициативе современного периода — «Один пояс, один путь» (ОПОП). Инициативу по созданию ОПОП можно рассматривать как концепцию глобализации с китайской спецификой, реализуемую путем экспансии

КНР в зарубежные страны. Эта концепция исходит из учета высокой нормы накопления, присущей Китаю и нередкой для Поднебесной практики безлицензионного заимствования зарубежных технологий для создания в стране высокотехнологичной продукции, далее экспортируемой за рубеж. Для этого проект ОПОП постоянно наполняется новым геоэкономическим содержанием при одновременном фокусировании на достижение внутриэкономических целей Китая [Ижу Лю, Авдокушин Е.]. Поэтому в 2019 г. проект поддерживали около 50 % опрошенных респондентов в Индии, 43 % — в Японии и только 30 % — в России.

Авторы обращают внимание, что современная стратегия КНР несет для Москвы определенные риски, обусловленные глобальными амбициями Пекина. В нынешних отношениях с РФ у Китая проявился негативный тренд ориентации на решение тех задач, которые могут таить в себе опасность для интересов РФ: Пекин нацелен на получение доступа к сырьевым ресурсам Сибири и Дальнего Востока; повышению роли юаня в приграничной торговле; обеспечению для китайских корпораций ведущих позиций в экономике Дальневосточного федерального округа по сравнению с конкурентами из других стран. При этом Китай все чаще выступает как конкурент российскому энергетическому бизнесу в ключевых регионах мира, важных для интересов РФ.

Согласно позициям ряда российских экспертов, в ближайшей перспективе реальным союзником России Китай не станет. Во-первых, он принципиально не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. Во-вторых, позиции Москвы и Пекина не всегда и не во всем совпадают, а по некоторым вопросам существенно разнятся. Так, Пекин занимает «особую позицию» по Крыму и склонен к солидарности с США по поводу интернационализации арктического Северного морского пути, который предполагается вовлечь в проект ОПОП. При этом Китай соблюдает все финансово-экономические санкции Вашингтона в отношении Москвы и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению. В-третьих, даже не союз, а просто совместный «полюс» двух стран в мировой многополярности пред-

ставить непросто, ибо в их диалоге неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить уже существующие межгосударственные разногласия Россия и Китая.

Подчеркивается, что стратегическая активность КНР перешагнула границы государства, которое благодаря интенсивной экономической экспансии стало участником перераспределения сфер мирового влияния в свою пользу, вытесняя соперничающих акторов из тех регионов мира, где они до недавнего времени доминировали. Подоплека китайских притязаний на мировое лидерство — это успешная интеграция экономики КНР в глобальную экономику на рыночных принципах. При этом Китай совместно с Россией выступает за многополярность международных отношений, однако в ближайшей перспективе реальным союзником РФ он не станет. Это связано с тем, что страна намерена единолично играть более значимую роль в мировых делах. Свидетельством этому является инициатива КНР «Один пояс, один путь», по сути нацеленная на реализацию концепции глобализации с китайской спецификой и осуществляемая путем хозяйственной «экспансии» КНР в государства — участники проекта ОПОП. Экономический базис для этого начинания существует, ибо современный Китай — страна, занимающая первую сточку в мировом экономическом «табеле о рангах».

Китай вновь заговорил о целесообразности включения Афганистана в транспортно-логистическую Инициативу Пояса и Пути, используя его географическое положение, огромные минеральные ресурсы, и далее продвигая инфраструктурные проекты в Центральную Азию.

И если страны региона действительно заинтересованы в умиротворении и стабильности Афганистана, то США уже после подписания Соглашения с талибами представляют новый вызов для стран региона ШОС. Политика Государственного департамента США однозначно продемонстрировала, что он не оставит Афганистан. США никогда не передадут ни Афганистан, ни республики Центральной Азии Китаю, России или косвенно Шанхайской организации сотрудничества. Это признают и пакистанцы. Но постоянная дестабилизация Центрально-азиатского региона и Афганистана лишит Китай и Россию стабильной позиции в регионе.

Таким образом, страны ШОС, включая Иран, должны стать частью внутриафганского урегулирования. Но следует подчеркнуть, что для Пакистана согласиться на комплексный совокупный подход урегулирования афганской проблемы будет сложно. Авторы подчеркивают складывающееся впечатление, что в его политической культуре отсутствует механизм ШОСа, упоминания об организации не слышно.

Исследователи евразийского пространства говорят о бросающейся в глаза разнице между официально продекларированным статусом интеграции в ЕАЭС и ШОС и тем, что есть на самом деле. Де-факто статус ЕАЭС — это совершенствуемый таможенный союз с элементами общего рынка, а де-юре — экономический союз, обладающий непререкаемыми для любого ЭС атрибутами — наднациональным экономико-регулирующим органом (в лице Евразийской экономической комиссии — ЕЭК) и общим экономическим законодательством. ШОС же — вообще преимущественно политическая структура, все еще далекая от роли экономического механизма. Таким образом, продекларированный уровень интеграции в ЕАЭС представляется выше, чем в ШОС, поскольку Шанхайскому «оккету» пока не удалось «добраться» даже до первого уровня международной экономической интеграции в лице зоны экономической торговли.

Справедливости ради отметим, что в ЕАЭС тоже существуют немалые трудности, препятствующие выполнению его основополагающих функций как экономического союза. Среди этих функций — обеспечение свободы перемещения в рамках ЕАЭС рабочей силы, товаров и капиталов, а также режима обязательного выполнения решений Евразийской экономической комиссии. Разногласия между членами Союза пока таковы, что реализация указанных функций часто оказывается «торпедированной». По сути, ЕАЭС пока больше имитирует процесс экономической интеграции, чем направляет его. Союз создал некоторые интеграционные органы и регулирующие нормы, но на деле его активность рано назвать полноценной региональной экономической интеграцией. Да и ситуация с торговлей внутри Союза, усугубленная падением цен на нефть и

сворачиванием коммерции по другим товарам из-за пандемии COVID-19, тоже никак не благоприятствует его деятельности.

Важной политической причиной, препятствующей исправному выполнению Союзом его функций, выступает следующее обстоятельство: для молодых постсоветских государств — членов ШОС и ЕАЭС особо сложным и деликатным вопросом является необходимость подчинения наднациональным органам интеграционного управления. В представлениях правящих кругов этих стран она зачастую видится ущемлением их самостоятельности и суверенитета. Посему сопряжение ОПОП и ЕАЭС может столкнуться с проблемой обязательности выполнения решений наднационального органа на новом, еще более труднодостижимом уровне. И в этом — еще один вызов для евразийской интеграции на центральноазиатском направлении.

Однако определенный застой коллективного экономического сотрудничества в Организации стал одной из причин переноса экономической активности Китая на поле «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) — субпроекта ОПОП. Это сказалось на уровне общей международной «весомости» ШОС. По ряду причин, включая и неэффективность ее хозяйственного диалога, Организация сместила акценты работы на оборонную сферу, что породило новые проблемы в отношениях стран-участниц. Например, в РАТС усложнился процесс согласований из-за возросшего числа взаимодействующих сторон с одной стороны и незатухающих китайско-индийских разногласий — с другой. Индия, видимо, настроенная через членство в ШОС нарастить свою способность контролировать Евразию, тем не менее продолжает избегать взаимодействия с ОПОП. Это сужает способность ШОС служить инструментом интеграции.

В конечном счете важным представляется вывод о том, что сотрудничество в ЕАЭС, ШОС и ОПОП не может преподноситься как доказательство процессов интеграции, в реальности это лишь двусторонние кооперационные проекты.

И в Китае, и в ШОС, и в Евразийском союзе за интеграцию часто принимают «простую» международную кооперацию, не особенно вспоминая теорию международных экономических отношений.

Между тем, отличие интеграции от кооперации достаточно существенно. Оно заключается в том, что кооперация не подразумевает комплексного взаимовлияния экономик стран-партнеров, порождающего качественные изменения в структуре национальных хозяйств контрагентов, не ведет к сращиванию народнохозяйственных комплексов и управлению ими из одного «штаба». В то время как интеграция — это протяженное во времени, сложносоставное явление, проходящее через несколько этапов и требующее специфических условий. Поэтому принимать за интеграцию кооперационные процессы — неверно и с теоретической, и с политико-экономической точек зрения.

Другой важный вывод поясняет, что между официально продекларированным статусом интеграции в ЕАЭС и ШОС и реальностью большое расстояние. Фактический статус ЕАЭС, по представлениям авторов сборника, это таможенный союз с элементами общего рынка, а де-юре — экономический союз, обладающий непременными для любого ЭС атрибутами — наднациональным экономико-регулирующим органом (в лице Евразийской экономической комиссии — ЕЭК) и общим экономическим законодательством. В то время как ШОС — это вообще преимущественно политическая структура, все еще далекая от роли экономического механизма.

В то же время есть немало скептиков в отношении перспектив ЕАЭС как платформы для создания новых экономических партнерств. Как отмечает *А. Портанский*, «требуется единый мандат от ЕАЭС, чтобы договориться хотя бы с ШОС. А мы не можем решить даже внутренние вопросы, не то, чтобы создать новую группировку. Для подобного союза нужна прочная торгово-экономическая основа. Это же не военный блок». Действительно, степень внутренней интегрированности в ЕАЭС продолжает оставаться на невысоком уровне.

В условиях экономического спада участились торговые и валютные конфликты между странами ЕАЭС. Рост недовольства партнеров России по ЕАЭС в связи с сокращением прямой и косвенной финансовой поддержки со стороны России все чаще стало проявляться в форме открытых демаршей.

Другим многообещающим партнерством может стать ШОС, который существенно расширил свой политический и экономический

потенциал за счет присоединения Индии и Пакистана. Китай неоднократно предлагал создать в рамках ШОС зону свободной торговли последнее такое предложение было озвучено в конце 2015 г. Этот вопрос, несмотря на понятную сложность для России, должен начать прорабатываться. Как и для Экономического пояса Шелкового Пути, здесь целесообразно более быстрое продвижение по пути либерализации инвестиционного сотрудничества вплоть до создания зоны свободных инвестиций в рамках ШОС по типу инвестиционной зоны АСЕАН. Другими направлениями могло бы стать углубление сотрудничества по использованию трудовых ресурсов, расширение туристического обмена, развитие связей между регионами и т. п.

Научное издание

**Евразийское пространство:
новые векторы и приоритеты.
Риски и возможности для России**

Редактор *Г.П. Манчха*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 13.12.2021.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 9,5. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.)
Заказ № 11

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32